
ОГОНЁК
№ 41 ОКТЯБРЬ 1958
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Карагандинский металлургический завод — крупнейшая новостройка страны. Тысячи юношей и девушек, выпускников школ, демобилизованных воинов Советской Армии, приехали сюда по комсомольским путевкам со всех концов страны. На снимке: молодые монтажники первой домны, бывшие воины Советской Армии, комсомольцы Михаил Ковалев, Владимир Дозоров и Лев Чуркин.

Фото А. Бурова.

На первой странице обложки: Прибайкальский лес прибыл на Култукский перевалочный участок.

Фото М. Савина.

На последней странице обложки: Слюдянское горное предприятие «Перевал» в Иркутской области. Здесь добывается мрамор для цементной промышленности. На снимке: подвесная дорога.

ОГОНЁК

№ 41 (1634) 5 ОКТЯБРЯ 1958

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

36-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

НОВОЕ В ШКОЛАХ УКРАИНЫ

— Как готовятся на Украине к перестройке системы народного образования? — с таким вопросом обратился корреспондент «Огонька» к заместителю министра просвещения Украинской ССР П. Л. Миргородскому.

— На Украине,— сказал П. Л. Миргородский,— как и в других союзных республиках страны, за последние годы уже накоплен некоторый опыт производственного обучения школьников. В прошлом году 250 тысяч учащихся старших классов изучали 44 различные специальности промышленного и сельскохозяйственного производства. Более 17 тысяч выпускников средних школ вместе с аттестатами зрелости получили квалификационные свидетельства рабочих разных отраслей народного хозяйства.

Каким образом мы привлекаем школьников к производительному труду? Во-первых, в республике создано более 4 тысяч ученических бригад в колхозах. Они охватывают ни много, ни мало — 200 тысяч учащихся. Школьные бригады давно стали заметной силой в колхозах. Они обрабатывают более 60 тысяч гектаров земли и, как правило, собирают высокие урожаи. Бригадир ученической бригады Слатинской средней школы Харьковской области Анатолий Цигичко награжден орденом «Знак Почета». Кроме школьных колхозных бригад, созданы также строительные бригады. 70 тысяч школьников учатся строительному делу и своими руками строят школы, учебные мастерские, теплицы, интернаты. Только в этом году силами школьников построено более тысячи классных комнат.

Разумеется, при многих школах созданы свои мастерские, существуют различные технические кружки. Мы уверены, что в будущем году более 100 тысяч юношей и девушек, оканчивая средние школы, получат производственную квалификацию.

Таким образом, школы уже имеют немалый опыт. Он-то и создает нам реальные возможности сделать следующий шаг к соединению обучения с производительным трудом. Министерство просвещения Украины и педагогическая общественность с горячим одобрением встретили предложения, высказанные Н. С. Хрущевым в речи на XIII съезде ВЛКСМ и в его записке Президиуму ЦК КПСС. Что делается практически? Прежде всего с 1 сентября у нас уже начали работу 28 опытных восьмилетних школ. Они занимаются по новому учебному плану и переходным программам. Их мы построили так, чтобы дать учащимся относительно завершенный круг знаний по физике, химии, биологии, математике — по предметам, необходимым для подготовки к практической деятельности,— и вместе с тем увеличили время на трудовое обучение. За работой опытных школ пристально следит наша педагогическая общественность и деятели науки.

Что же касается облика будущей школы, то мы считаем так: обязательной для всех детей, начиная с семилетнего возраста, должна быть восьмиклассная политехническая школа.

— А что делается на Украине для того, чтобы перевести школы на занятия в одну смену?

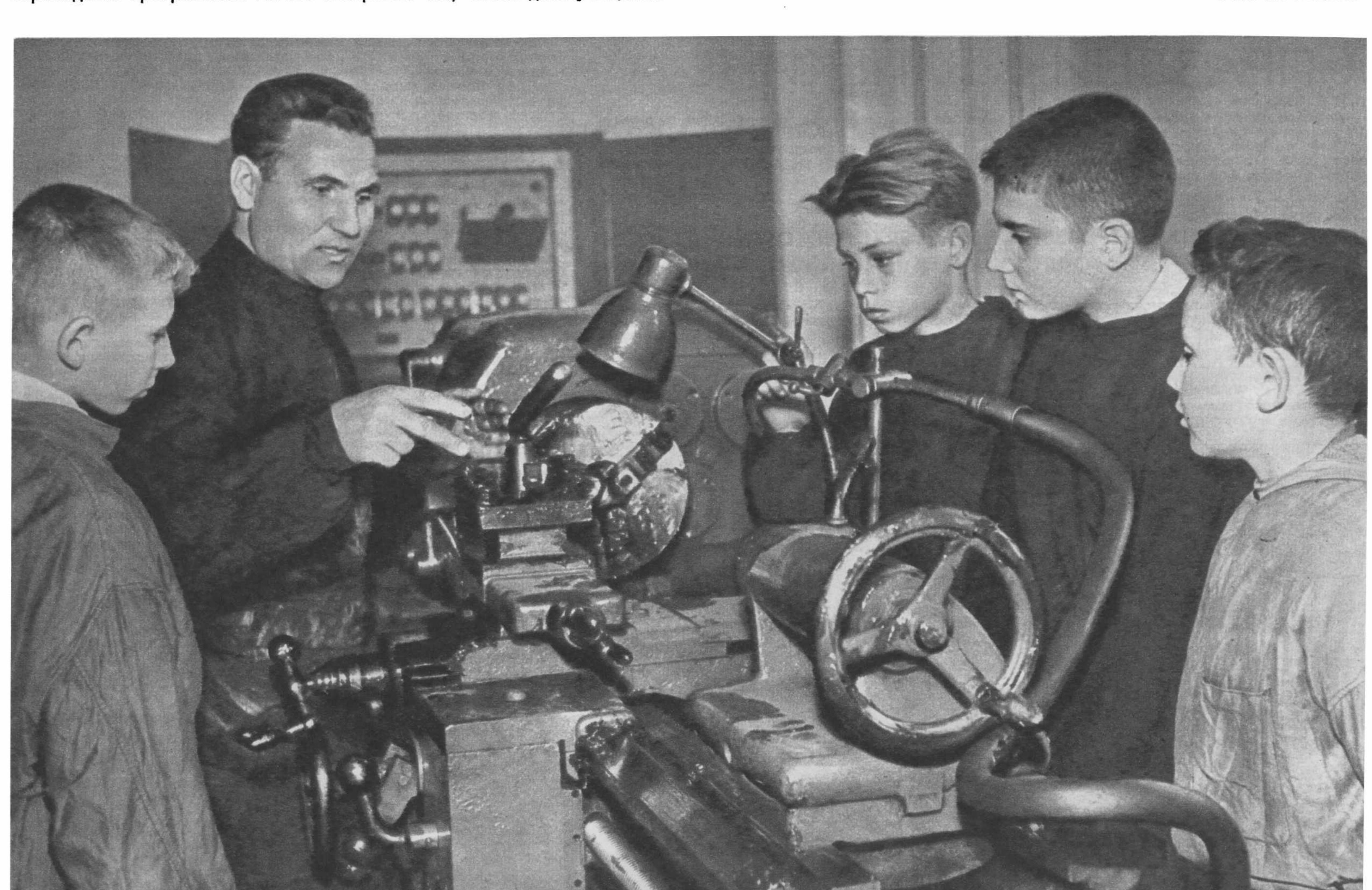
— Это очень серьезный вопрос. Весной Центральный Комитет КП Украины и Совет Министров УССР наметили конкретные меры по укреплению учебно-материальной базы школ. Эти меры были горячо поддержаны местными партийными и советскими органами и широкой общественностью. Началось массовое строительство школ на средства колхозов и местных организаций. В республике таким образом строится более 1 500 школьных зданий на 300 с лишним тысяч ученических мест. Нет такого города или района на Украине, где бы не строили школы на средства колхозов.

Меры, намеченные ЦК партии и правительством Украины, уже дают результаты. К началу этого учебного года в республике около 6 тысяч школ дополнительно переведены на занятия в одну смену. Что это значит? А вот что: если в прошлом году во второй смене обучалось примерно 30 процентов учащихся, то нынче уже 23 процента, а в Кировоградской области только десятая часть школьников учится во вторую смену. Между прочим, кировоградцы вообще задают сейчас тон в строительстве школ. 13 районов этой области вовсе не знают двухсменных занятий, все школьники учатся только в одну смену.

Неисчерпаем родник народной инициативы. Заботясь о детях, колхозники Чемеровецкого района, Хмельницкой области, решили на кооперативных началах построить за два года две типовых школы-интерната. Сессия Хмельницкого областного Совета одобрила этот почин, и сейчас во многих районах области колхозы сообща строят школы-интернаты.

Ученики шестых и седьмых классов 153-й киевской школы на уроке токарного дела.

Фото М. Агеева.

Товарищи Мао Цзэ-дун, Чжу Дэ и Чжоу Энь-лай на правительственной трибуне.

Зенитная артиллерия на параде.
Фото агентства Синьхуа (Принято по фототелеграфу).

ПРАЗДНИК В ПЕКИНЕ

Первого октября китайский народ и с ним все прогрессивное человечество торжественно отметили девятую годовщину Китайской Народной Республики. В Пекине, на площади Тяньаньмынь, состоялся военный парад, показавший возросшую оборонную мощь нашего великого соседа, и грандиозное праздничное шествие трудящихся, в котором приняли участие 600 тысяч человек.

ОТЪЕЗД ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР К. Е. ВОРОШИЛОВА В АФГАНИСТАН

30 сентября в Афганистан по приглашению Его Величества короля Афганистана Мухаммед Захир Шаха отбыл с визитом доброй воли Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов. Вместе с товарищем Ворошиловым в Афганистан отбыли председатель Комиссии по иностранным делам Совета Национальностей Верховного Совета СССР Н. А. Мухитдинов, а также заместитель министра иностранных дел СССР Н. П. Фирюбин, президент Академии наук Таджикской ССР, депутат Верховного Совета СССР С. У. Умаров, заместитель министра культуры СССР Н. Н. Данилов, член Государственного комитета Совета Министров СССР по внешним экономическим связям Д. Д. Дегтярь и другие.

Проводы на Внуковском аэродроме. Фото А. Устинова.

МИР, СЧАСТЬЕ НАРОДА, СОЦИАЛИЗМ...

К девятой годовщине Германской Демократической Республики

Инга **РОНШТОК**

В преддверии годовщины Германской Демократической Республики свыше двух тысяч делегатов из разных концов страны и от всех слоев населения вместе с многочисленными гостями, посланцами дружественных социалистических стран, — всего около трех тысяч человек — собрались в берлинском Фридрихштадтпаласте. 20—22 сентября здесь заседал III конгресс Национального фронта демократической Германии. За мир, благосостояние и счастье народа, за социализм, за национальное возрождение Германии как миролюбивого демократического государства — таковы благородные идеи и цели, под знаком которых прошла вся работа конгресса.

За четыре года после II конгресса НФДГ многое изменилось. Огромные успехи в строительстве социализма одержало первое в истории немецкое государство рабочих и крестьян — Германская Демократическая Республика. III конгресс Национального фронта демократической Германии вылился в яркую демонстрацию морально-политического единства всех патриотических сил, их непреклонной воли укреплять мир и социализм.

На трибуне профессор Альберт Норден, член Политбюро ЦК СЕПГ и член президиума Национального совета. Рисуя общую картину мира в наши дни, оратор говорит, что лагерь социализма в состоянии победить капиталистический лагерь в мирном экономическом соревновании. Вот почему империализм, в первую голову американский, ищет спасения для гибнущей капиталистической системы в разжигании конфликтов и подготовке к войне. Вот почему он отчаянно добивается создания в Западной Германии опорного пункта, исходной позиции для своих агрессивных планов, направленных против социалистических стран.

Неопровержимыми фактами изобличает докладчик боннское правительство как прямого участника всех захватнических авантюр империалистических держав и их политики «на грани войны». «Бонн работает на войну, ГДР — на мир!» — восклицает докладчик. Неоднократно ГДР протягивала руку, готовая к мирному сотрудничеству, которое может лечь в основу германского мирного договора. Она предлагает образование комиссии представителей обоих немецких государств для подготовки этого договора. Она настойчиво призывает к мирному экономическому соревнованию между ними.

На все мирные и конструктивные предложения ГДР Бонн отвечал воинственным отказом. Профессор Норден указывает, что, даже по официальным данным Бонна, более миллиарда марок расходуется там на шпионаж и другие подрывные действия против ГДР. «Однако,—говорит оратор,— опыт прошедших лет показал, что это выброшенные деньги».

Профессор Норден развертывает в докладе широкую картину побед ГДР в строительстве социализма. Социализм несет народу счастливое будущее, жизнь трудящихся становится все богаче и красивее. Германская Демократическая Республика становится одной из передовых индустриальных стран мира. Трудящиеся ГДР добьются выполнения постановления V съезда Социалистической единой партии Германии — догнать Западную Германию по уровню потребления на душу населения к 1961 году, то есть к тому времени, когда боннские милитаристы рассчитывают закончить атомное вооружение своего бундесвера.

Бесконечной чередой сменялись на трибуне ораторы, и в словах каждого было живое дыхание жизни народа, его надежд и чаяний.

Член кооператива Генрих Манц, представитель Демократической крестьянской партии, рассказывает о том, как крестьяне убеждаются в преимуществах коллективного хозяйства.

Профессор Прокоп, который год назад из Боннского университета перешел в берлинский Гумбольт-университет, заявляет: «Научная работа в области естествознания, лишенная какой-либо мистики, создает в ГДР ясную и чистую атмосферу, дающую право надеяться на большое будущее нашей науки».

Генеральный секретарь Христианско-демократического союза Геральд Гёттинг говорит: «Трудящиеся христиане и трудящиеся марксисты, несмотря на различие в мировоззрении, выступают вместе за разоружение, за социальный прогресс и мир, против колониализма, за национальную независимость народов. Какая сила способна разрушить это единство?»

Когда на конгрессе выступил с речью товарищ Вальтер Ульбрихт, первый секретарь Центрального Комитета Социалистической единой партии Германии, у каждого делегата было такое чувство, что своими горячими и проникновенными словами оратор обращается именно к нему. Да, партия рабочего класса ГДР обращалась в этой речи ко всему народу ГДР, ко всем немцам, которым дорога родина и ее будущее!

Говоря о воссоединении Германии, Ульбрихт подчеркнул, что достижение этой заветной цели всех немцев станет возможно, как только боннское правительство откажется от атомного вооружения и изберет путь мира.

С большим удовлетворением и сочувствием выслушали делегаты конгресса заявление Вальтера Ульбрихта о том, что Германская Демократическая Республика, учитывая наступившее ухудшение материального положения западногерманских рабочих, готова помочь им, закупив в ФРГ четыре миллиона тонн угля, а также — вместе с другими социалистическими государствами — сталь и изделия текстильной промышленности с тем, чтобы западногерманские рабочие получили работу.

При напряженном внимании зала звучат слова первого секретаря Социалистической единой партии Германии: «Свободу и жизнь мы должны ежедневно завоевывать хорошими делами на благо ГДР. Выполнение торжественной клятвы — «никогда больше не допустить империалистической войны», «никогда не допустить вновь фашизма» — Национальный фронт демократической Германии должен считать своей священной обязанностью».

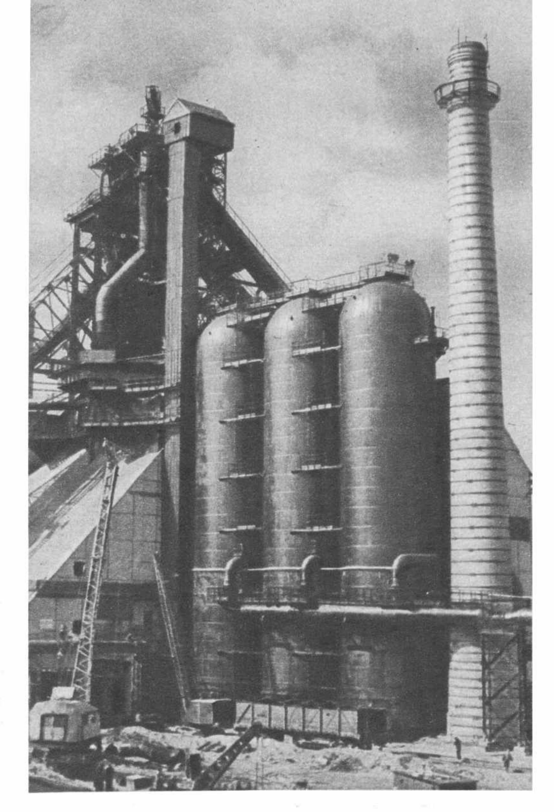
Берлин, сентябрь.

Навстречу XXI съезду КПСС

ИНТЕРВЬЮ О ЧЕРНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ

В дни подготовки к XXI съезду КПСС советские металлурги встали на трудовую вахту у домен, мартенов, прокатных станов. С каждым днем ширится социалистическое соревнование за перевыполнение производственных планов.

Корреспондент «Огонька» обратился к заместителю председателя Государственного научно-технического комитета Совета Министров СССР Павлу Ивановичу Коробову с просьбой рассказать о положении в нашей черной металлургии.

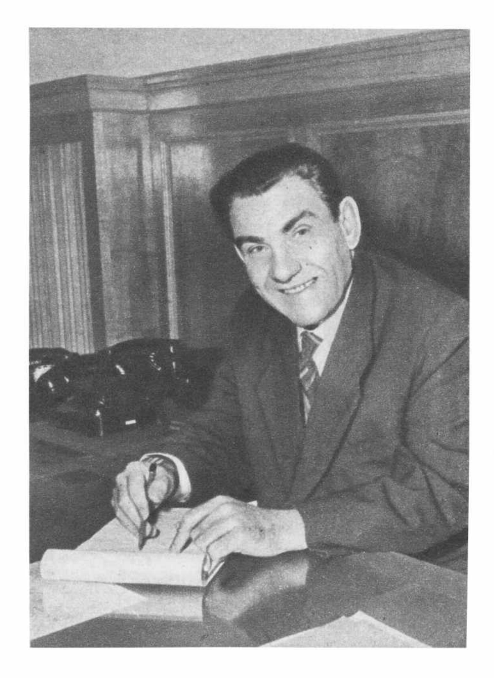

Комсомольская домна Орско-Халиловского металлургического комбината, недавно вступившая в строй.

— Каковы успехи нашей черной металлургии в 1958 году?

Год еще не закончился, и рано называть итоговые цифры, но можно сказать об ожидаемых результатах.

Этот год и трудный и славный. Трудный потому, что нужно было выполнить напряженный план выпуска чугуна, стали, проката, создать условия для еще более значительного роста в 1959 году — первом году семилетия. Славный потому, что черная металлургия СССР превышает намеченный высокий темп развития.

Надо было значительно увеличить производительность уже имеющегося оборудования, использовать скрытые резервы.

Не так давно считалось нормальным, даже хорошим показателем, когда на каждый кубометр, как мы называем, «полезного» объема доменной печи выплавлялась одна тонна чугуна в сутки. Например, домна объемом 1 300 кубических метров давала в сутки 1 300 тонн чугуна. Теперь мы научились получать тонну чугуна не с одного кубометра полезного объема печи, а почти с половины этого объема. Магнитогорцы, которые в этом отношении давно оставили позади американцев, научились получать тонну чугуна с 0,587 кубического метра. Доменные печи объемом 1 300 и 1 370 кубических метров на «Магнитке» дают каждая по 2 200 и более тонн чугуна в сутки.

Опыт магнитогорцев получает широкое распространение, ряд металлургических заводов нашей страны близок к показателям, достигнутым на «Магнитке».

Примечательно, что из семи доменных печей, намеченных к вводу в действие в 1958 году, пять пущены досрочно и дают уже чугун, а строительство двух завершается. В этом — великая заслуга комсомола, нашей советской молодежи!

Значительны и успехи сталеваров. Производительность и стойкость наших мартеновских печей вызвали восхищение американских металлургов, гостивших недавно в СССР.

Показательны достижения кузнецких сталеплавильщиков. Они сумели за предшествующие несколько лет на старых печах увеличить выплавку стали на один миллион тонн.

Сталь варят главным образом в мартеновских печах из чугуна и железного лома. Мартеновская печь используется с наибольшим эффектом, когда в нее загружается около 30 процентов железного лома и около 70 процентов чугуна. Нарушение этой пропорции нежелательно. Если не хватает металлического лома, приходится увеличивать порцию чугуна. В таких случаях печь работает непроизводительно. Плавка долго «киснится», и печь быстро изнашивается. Если недостает чугуна, тогда печь приходится загружать бо́льшим количеством лома. Но, во-первых, запасы лома у нас имеют известные пределы. А во-вторых, сам процесс загрузки печи ломом продолжается довольно долго — это не то, что залить в печь жидкий чугун.

Семь новых домен, построенных комсомольцами, обеспечат достаточное количество чугуна, помогут удержать необходимую пропорцию загрузки мартенов чугуном и железным ломом.

— Появились ли за последнее время технические новинки?

Да, и одну из новинок можно назвать выдающейся. Получен кокс из «некоксующегося» угля.

Как известно, доменный процесс невозможен без кокса. До последнего времени считалось, что кокс можно получить только из специальных, «марочных» углей. Такие угли имеются в Донбассе и Кузбассе, но добыча их очень затруднена.

В то же время у нас поистине неисчерпаемы запасы других углей, которые, как считалось еще недавно, не могли спекаться в кокс и поэтому предназначались исключительно для топок паровых котлов.

Недавно мы получили кокс из «некоксующихся» углей. Это буквально переворот в коксовом производстве.

— Каковы перспективы развития черной металлургии на ближайшие годы?

В предстоящие семь лет наша черная металлургия сделает огромный скачок вперед. Через семь лет выплавка чугуна и стали, производство проката увеличатся более чем на две трети по сравнению с 1958 годом.

Предстоит огромное строительство. Будет построено более тридцати домен большого объема, в том числе домны-гиганты объемом более 2 200 кубических метров. Таких печей нет пока нигде в мире. Увеличение объема печи не требует увеличения обслуживающего персонала, значит, на одного рабочего придется бо́льшая выплавка чугуна.

Значительно усовершенствуется и технология. К концу семилетия в домнах будет использоваться только офлюсованный агломерат с высокой основностью, что увеличит производительность печей на 7—12 процентов. Повышение давления газа под колошником увеличивает выпуск чугуна еще на 5—8 процентов. Будет применяться дутье более высокой температуры — до 1 000 и 1 200 градусов. Горняки дадут доменщикам больше обогащенной руды. Широкое применение при выплавке чугуна получит кислород. Все это позволит выплавлять чугун с меньшей затратой кокса и увеличить производительность доменных печей.

Будет построено много мощных мартеновских, электросталеплавильных печей и конвертеров.

Наибольшее развитие получит конвертерное производство стали. Современные способы конвертерного производства стали с применением кислорода позволяют получать металл, по качеству и себестоимости близкий к мартеновской стали, а затраты на строительство конвертерного цеха примерно на 40 процентов ниже затрат на строительство мартеновского цеха такой же мощности.

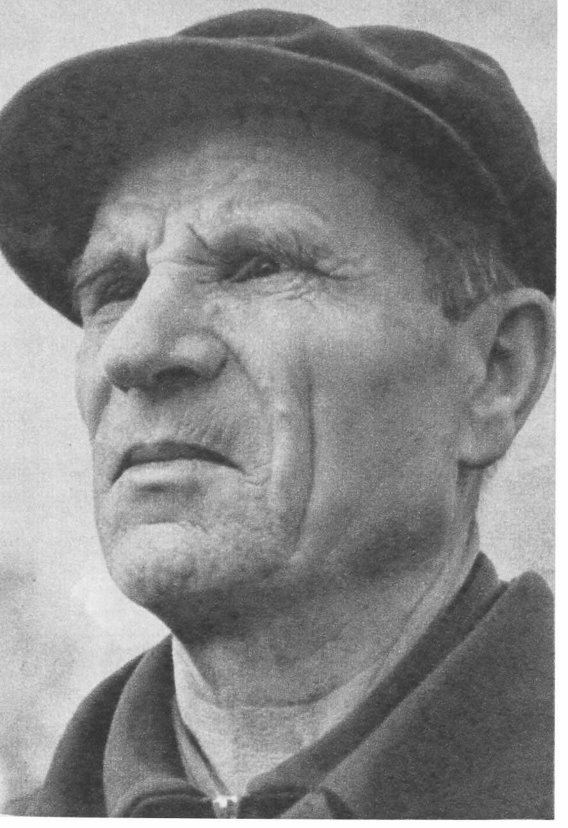
— Что нового в размещении черной металлургии?

Читателям «Огонька» должны быть известны перспективы развития металлургической базы СССР, расположенной в Сибири, а также в Казахстане. Там будут строиться мощные рудники и заводы. Вместе с тем будут реконструироваться и достраиваться заводы Юга и Урала.

Жизнь постоянно вносит свои коррективы в наши, пусть тщательно продуманные и обоснованные планы. До недавнего времени все были согласны с тем, что развитие отечественной черной металлургии будет идти главным образом за счет Востока. Затруднениями в развитии восточной металлургической базы являются малонаселенность тех мест, отсутствие развитой сети железных дорог. Но вот близ Белгорода — в густонаселенном и хорошо развитом районе — были обнаружены миллиардные запасы высококачественных железных руд, местами лежащих на небольшой глубине. Возникает необходимость строительства новых заводов в центральной части Союза.

Таких проблем — больших и малых — много. Партия и правительство придают им первостепенное значение. Вот почему советские металлурги с нетерпением ждут решений внеочередного XXI съезда КПСС.

Очерк о династии металлургов Толкачевых см. на следующей странице.

Василий Иванович.

Федор Иванович.

Сергей Иванович.

ТОЛКАЧЕВЫ

В. ПОЛЫНИН

Фото И. Тункеля и автора.

В семье Толкачевых Галина стала двенадцатой по счету из тех, кто пошел в металлургию. И было естественно предположить, что металлургия — фамильное призвание Толкачевых.

Но Галина сказала:

— Как я завидую тем, кто сразу знает, кем должен стать! В школе уверяли, что у меня литературные способности. Потом я увлеклась драмкружком — мечтала пойти в артистки. После была пионервожатой, и казалось, что из меня должен получиться педагог. Еще думала я стать медиком, как Люся, дочка дяди Василия. Потом вокруг заговорили о целине, и я окончательно решила пойти в агрономы. Сдала вступительные экзамены в сельскохозяйственный техникум в Оренбурге.

Слово «Оренбург» она произнесла с ударением не на «бург», а на «о», как говорят коренные жители Южного Урала, хотя в Оренбургскую область, в город Ново-Троицк, на пуск Орско-Халиловского металлургического комбината, семья обер-мастера Толкачева приехала всего три года назад.

— Я хорошо училась в техникуме. Но когда началась летняя практика в колхозе, оказалось, что я решительно ничего не смыслю в хлеборобстве. И навыков деревенского труда у меня нет, и вилы не так держу, и к лошади подхожу не с того боку... И я подумала: а мое ли это дело, сельское хозяйство? Зачем мне постигать то, к чему у меня никогда не было влечения, когда дома остался родной, знакомый завод... Да, знакомый, потому что с раннего детства я слышала дома разговоры о домнах, о чугуне, еще девочкой бегала к отцу в доменный цех, завтрак носила, и все в цеху мне было привычно...

Так и случилось, что я оставила техникум, вернулась к себе в Ново-Троицк, поступила на завод и вот работаю и учусь в вечерней школе...

— И будете металлургом?

Галина замялась, и я не стал настаивать на ответе... Было ясно, что девушка и сейчас еще ищет свое место в жизни, думая о профессии... Но вот, простившись с Галиной, я проехал весь Урал, познакомился со всей большой и замечательной семьей Толкачевых, и стало ясно другое: дочь обер-мастера Толкачева Галина, начав трудовую жизнь там, где ее начинал отец, не сделала ошибки. Металлург или не металлург, но настоящий труженик из нее выйдет — так ведь это было и с ее отцом, и с дядьями, и с братьями, и с сестрами...

Династия Толкачевых...

В южноуральском городке Ново-Троицке, появившемся на свет одновременно и рядом с Орско-Халиловским металлургическим комбинатом, поселилась всего лишь часть толкачевской фамилии: семья обер-мастера Федора Ивановича. А большинство Толкачевых — два брата Федора Ивановича, Василий и Сергей, вместе со своими семьями живут в старом северном Нижнем Тагиле и работают на металлургическом комбинате.

В Нижнем Тагиле и поведал мне свою историю Василий Иванович Толкачев, металлург на пенсии. Едва начав рассказ, Василий Иванович умолк, затем извлек из-под кровати чемодан, а из чемодана — синюю ученическую тетрадку. И, прежде чем показать ее, объяснил:

— Когда я был на фронте — не в гражданскую, а в империалистическую,— в нашей батарее служил каптенармус Соловьев, грамотный мужик, из тверских. Соловьев записывал свою жизнь в тетрадку. И меня научил. И я записывал с января пятнадцатого года и до июня шестнадцатого. Тетрадку ту я потерял на фронте. И вот сижу теперь дома, скучно одному, и решил все вспомнить и снова записать. Одно — что меня иногда про старое спрашивают, а я забывать начинаю, а во-вторых, много времени у меня, а это хоть какое, да дело.

Тетрадка была озаглавлена «Дневник жизни» и начиналась так:

«Я помню, мне было восемь лет. Меня отец отдал в чужие люди, богачу в работники. Сперва я пас овец, и коров, и верблюдов. В косовицу и в сенокос я правил на косилке верблюдами. А во время обеденного перерыва я пас верблюдов. Отдыха не было. День большой. С раннего утра и до самой ночи не было отдыха. Только передышка была ночью, часа три — четыре, а остальное время — в работе...»

В 1915 году автора дневника призвали в армию, и он воевал три года на германском и румынском фронтах. Заслужил Георгия четвертой степени за храбрость. Потом Василий Иванович заболел тифом. После Октября вернулся домой, в свое голодное село Орлов-Гай, Саратовской губернии, и вместе со старшими братьями, Петром и Ильей, записался в Красную Армию. Петр умер от ран в Пугачеве, Илью зарубили казаки в Царицыне, а сам Василий Иванович уцелел чудом: Сергей Миронович Киров пригнал из Астрахани буксир с баржей, на нее и подбирали бойцов, кинувшихся вплавь через Волгу. Потом Толкачев опять болел тифом, потом в рядах Чапаевской дивизии бился на Урале, потом брал Чонгарский мост, добивал Врангеля, потом ловил банду Сарафанкина на Тамбовщине... Домой вернулся в двадцать втором. Работать на кулаков не захотел, своего хозяйства не было, и он вместе с

братом Федором уехал в Донбасс, в Юзовку. Позже, как и брат Федор, стал доменщиком. Был чугунщиком, канавщиком, горновым, мастером...

Листаю, листаю тетрадку, и вот последняя страница:

«На Магнитке я проработал девять лет и был командирован наркоматом в 1940 году в Нижний Тагил, на пуск домны. Здесь я проработал шестнадцать лет, и работу я оставил потому, что я пошел на пенсию по старости. Шестьдесят два года — мой возраст. Чем мне сравнить старую жизнь и как теперь? Конечно, далеко-далеко не сравнить. Когда мы у отца возрастали, имели обувку на четверых одну пару. Так же одежду...»

На этой незаконченной фразе обрывается «Дневник жизни» Василия Ивановича Толкачева, бывшего батрака, недавнего бригадира, простого рабочего, награжденного за свою трудовую жизнь орденами Ленина и Трудового Красного Знамени.

Жаль, что Галина не знает о существовании «Дневника жизни». Живет она в многоэтажном доме, в большой отдельной квартире, где я видел и стиральную машину и пианино, и вряд ли девушка эта представит себе, что такое «обувка на четверых одна пара». А ведь чтобы эта девушка не знала «обувки на четверых», и погибли за рабочее дело и дядя Петр и дядя Илья, и еще воевали дядя Василий и дядя Сергей, и не жалели себя в труде за то же рабочее дело ее отец и его братья.

Призванием старшего поколения Толкачевых был подвиг. Отец Галины, Герой Социалистического Труда Федор Иванович Толкачев, ни в детстве, ни в отрочестве, ни в юности не стремился в металлургию. Хотя бы только по той простой причине, что до восемнадцати лет он не только не имел о ней никакого представления, но не видел ни настоящего паровоза, ни парохода.

В двадцать третьем году он с братом Василием добрался до Юзовки: фронтовой товарищ Василия присоветовал искать работу в Донбассе...

Когда десятник в Макеевке увидел, что «Толкач» — работник усердный, он поставил Федора каталем; через пять месяцев его перевели в весовщики. Тут-то и приметил его старший горновой Редькин Петр Герасимович и взял к себе на литейный двор, на формовку. Потом перевел Толкачева в горновые: сначала четвертым, потом третьим, потом вторым горновым.

Обер-мастером на Макеевке был тогда небезызвестный Иван Григорьевич Коробов — Коробов-отец, один из династии металлургов Коробовых, имена которых накрепко вошли в историю отечественной тяжелой индустрии. Скупой на похвалу, обер-мастер оказал «Толкачу» особое внимание, подарил собственную «гляделку» — синее стеклышко, оправленное в алюминиевую рамку. «Гляделку» доменщик приставляет к глазу, чтобы не слепило его бушующее в печи пламя.

— Будешь скоро первым горновым,— сказал Иван Григорьевич,— а первому горновому без «гляделки» не полагается. Заглядывай почаще в печку, вникай!

И Федор вникал. Однажды на печке сгорела фурма, через которую вдувается воздух. Фурму пытались выбить, как это делалось обычно, но она не поддавалась. У домны собралось все начальство: Иван Павлович Бардин, ныне академик, а тогда инженер на Макеевке, обер-мастер Коробов, начальник цеха Кизименко... Печь пришлось остановить. Все опасались, что домна «закозлится» — «застынет козлом» ее горячее жидкое нутро.

Тогда-то второй горновой Федор Толкачев и предложил фурму не выбивать, а выжечь: перекрыть систему охлаждения, чтобы фурма от жара печки сама выплавилась.

— Чепуха это,— сказал кто-то. Начальник доменного цеха Кизименко согласился с «Толкачом». Систему охлаждения перекрыли, и фурма минут через тридцать действительно выплавилась.

Кизименко вызвал Толкачева к себе в кабинет, расспрашивал, не верил, что у горнового за душой всего четыре класса сельской школы. А потом подписал приказ о премии и перевел Толкачева первым горновым на пуск новой доменной печи.

С той поры Федор Иванович задувал домны шестнадцать раз: четыре раза — на Макеевке, шесть — на Магнитке, четыре — в Нижнем Тагиле и два — в Ново-Троицке. Не успевал он свыкнуться с одним местом, как его посылали в другое — неустроенное, необжитое, неуютное. Нежелательно это для семейного человека, у которого шестеро детей...

Когда его хотели перевести из Макеевки на Магнитку, он наотрез отказался ехать. Вызвали в Москву, к наркому. Он приехал, нашел на площади Ногина Наркомтяжпром, задолго до назначенных десяти часов явился в приемную. Ровно в десять его вызвали.

— Это и есть тот самый То́лкачев? — поднялся ему навстречу нарком.

— Да, товарищ Серго, я Толкаче́в.

Орджоникидзе и Толкачев сели.

— Почему не хотите ехать в Магнитогорск, товарищ Толкаче́в?

Толкачев не мог говорить сидя.

— Нет, вы сидите, только скажите, почему не едете?

— Семья, дом, друзья у меня в Макеевке. Мне и там хорошо.

— А вы знаете, что такое Магнитогорск? Это будет вторая Москва. Будет у вас там и семья, и дом, и друзья, и еще многое другое. Родина посылает туда преданных людей. Лучших коммунистов. А ведь вы коммунист.

Толкачев с 1929 года был коммунистом.

Только он вышел из кабинета, секретарь наркома вручил ему билеты, сумку с продовольствием, деньги, посадил в наркомовскую машину и отвез на вокзал. Через час Толкачев уже ехал на Магнитку.

С тех пор всякий раз, когда Федору Ивановичу Толкачеву говорили: «Надо», он говорил: «Есть!»

В 1940 году в Нижнем Тагиле пускали новый металлургический завод — Ново-Тагильский. Неопытные люди чуть не «закозлили» новую домну. Спасать положение послали бывалых мастеров — Коробова из Макеевки и Толкачева с Магнитки. И опять Толкачев расстался с комфортабельным коттеджем и начал устраивать свой быт сначала. Мог ли он, обремененный и семьей и годами, отказаться потом ехать из Нижнего Тагила на Орско-Халиловский комбинат, пускать очень трудную для работы печку, которая работает на уникальной, богатой хромом и никелем, но бедной железом руде, печку, капризнее которой не сыщешь во всем Союзе, печку, которая не дает обер-мастеру спать ночами и отдыхать в выходные дни, которая вот уже три года не поддается усмирению ученых и практиков?! Он поехал. И теперь ему нужно, непременно нужно получить наконец из орско-халиловской руды передельный, а не только литейный чугун...

Так металлургия стала делом всей жизни Федора Ивановича Толкачева, а вместе с тем как-то неприметно она стала делом жизни всей толкачевской фамилии. И Василия, старшего брата, затянул Федор Иванович в доменный цех, и Сергея, младшего брата, в конце концов тоже сделал металлургом. И двое сыновей Федора Ивановича не случайно устремились по батькиным следам. Правда, работает в доменном сейчас один, Виктор, а Анатолий служит в армии, но и он уже сдал экзамены в металлургический институт и после службы непременно станет инженером-металлургом. Вот почему и Галина пошла к отцу на комбинат: он стал для всех Толкачевых вторым домом.

Бывают случайные совпадения, но вряд ли случайно, что и три сына Василия Ивановича тоже стали металлургами в Нижнем Тагиле: Виктор и Петр — в мартене, Борис — в прокатке.

Сергей Иванович Толкачев — металлург с небольшим стажем. Ему пришлось переменить в жизни много профессий. Много и долго искал он, но остановился на металлургии: опять-таки сказалось влияние старшего брата — Федора. А потом трое подросших детей Сергея Ивановича тоже пошли следом за отцом на комбинат...

Когда я ходил по цехам, чтобы познакомиться со вторым поколением Толкачевых, увидеть их в работе, и разыскивал их в огромных ангарах металлургических цехов, первые встречные на мои вопросы отвечали:

— Виктор Толкачев? Тот, что на разливке? Так это наш парторг!

— Борис Толкачев? Из прокатного? Он у нас всей самодеятельностью командует. Артист! И поет, и пляшет, и на инструментах играет. И читает здорово. А в работе? Если человек грамотный и трудолюбивый, сами знаете, каков будет он в работе...

— Петр Толкачев? Так это лучший машинист во всем цехе! — так сказал сталевар Морогов.

И только в одном случае я столкнулся с Толкачевым, недовольным своей судьбой. Это был сын Сергея Ивановича — Николай. Он смутился немного, когда я захотел его сфотографировать, как братьев, на рабочем месте. Уж не стыдится ли он своей профессии — сцепщика железнодорожного цеха? Нет. Никакой труд не унизителен. Но все-таки работа сцепщика Николая не устраивает. Была же возможность учиться — заленился, бросил школу. А куда пойдешь с шестью классами? Теперь-то он спохватился, понял, что надо делать. Поступил в вечернюю школу, окончит ее и дальше будет учиться. А то ведь Толкачевых на Урале знают, и на Магнитке, и в Тагиле, и в Ново-Троицке. Знают как людей, добившихся своего. Раз Толкачев, значит, это именно тот Толкачев, из той самой семьи уральских металлургов, у которых семейное призвание — это труд на благо Родины.

Слева направо: Виктор, сын Василия Ивановича, Виктор, сын Федора Ивановича, Петр, Борис, Николай, Галина.

У доярок идет разговор о том, как надоить к концу года от каждой коровы больше 4 100 литров.

ЭТОЙ ОСЕНЬЮ В РЯЗАНСКОЙ ДЕРЕВНЕ

Василий ТИТОВ

Фото А. ГОСТЕВА.

Осень, долгая, золотая, просторная, стоит над Рязанью.

В полях «бабье лето» то и дело купается в теплых коротких дождях. По ночам вспыхивают грозы, гнут молнии над просторами жнивья, катают гулкие громы. Примета верная — все к долгому хорошему теплу.

И тепло осени и тихий праздный покой чистых полей, в которых только еще кое-где местами ждет своего короткого срока картошка, — все говорит о том, что дары лета были богаты, работы спорились, год будет сытным. А сытен год — и разговор о жизни, о делах легок: «Хлебная осень надежу множит, на добрые думы язык тревожит». Что ж, верно, так оно и есть. Из села в село в эти дни на Рязани идет разговор о хороших делах с загадом и заглядом вперед.

То же и в Кораблине, в большом, хорошем селе на берегу Оки, где уже давно управились и с сенами, и с хлебами, и с силосом, где из каждого двора тянет запахом крепкой наливной осенней антоновки, свежим печеным хлебом, где у каждого крыльца встретишь хозяина, довольного и собою и делами колхоза. Хозяин затащит тебя в дом и рад-радехонек беседовать с тобою хоть до полуночи. И не как-нибудь вкривь да вкось пойдет разговор. Пойдет он с выкладками, с расчетами, с умом, с дисциплинированной мыслью о «пройденном этапе». А этот «этап» вот какой: или хозяин счет поведет от дней и решений сентябрьского Пленума ЦК партии, или начнет вести подсчет от двадцатого съезда КПСС. Тут он подочтет, сколько всего построено и заведено за истекший период, и сколько всего куплено, и какие доходы, и отчего. Коснется он и неделимого фонда, роста трудодня, урожайности, продуктивности каждых ста гектаров полей и подведет итог так:

— А теперь опять новый этап.

— Какой же?

— А контрольные цифры на будущую семилетку. Слыхали про внеочередной XXI съезд партии?

Разговоров о предстоящем съезде партии сейчас много. У правления колхоза «Красная звезда», где висит доска показателей достижений, собираются в эти дни кораблинцы, и рассматривают цифры, и толкуют о них. Доска с показателями висела здесь и летом. Но до этой осени она была отправным пунктом только до 1960 года. А теперь вот думы о семилетнем плане пришли. Это уже не пятилетие, а целое семилетие. И надо посмотреть, что и как делать, чтобы каждые сто гектаров, о которых говорят цифры, прирастили еще больше доходов и продуктов и двинули жизнь еще дальше вперед. Ведь на XXI съезде партии, несомненно, будут говорить об этом и о тех скрытых силах и резервах, что накоплены за эти годы и ждут дальнейшего разворота.

А цифры на доске простые. Добывается в колхозе уже четыреста центнеров молока на каждые сто гектаров. Мяса по плану 60 центнеров; они уже есть. Урожайность зерновых пять лет назад была 6 центнеров с гектара; в этом году намолочено по пятнадцать. Коров, бычков и нетели на каждые сто гектаров было пять лет назад 14 голов. Теперь уже двадцать пять. Денежный доход те же пять лет назад по колхозу исчислялся в 891 тысячу рублей. В этом году он уже 2 миллиона 200 тысяч рублей.

Минувшее пятилетие разделено на доске графами лет, как ступенями, по которым поднимались все вверх и вверх. Это и есть этапы. А теперь новый этап: как повести хозяйство на те же средства, на тех же гектарах, чтобы оно пошло вверх дальше? Есть ли к этому возможности?

Мы сидим в правлении колхоза, где собрались люди по разным делам, и беседуем. Беседу ведет председатель колхоза, односельчанин кораблинцев, бывший колхозный шофер Николай Васильевич Поляков.

— Что же, — говорит он, — возможности к росту у нас имеются. Нам, например, не нужно теперь думать о службах для хозяйственных дел, все у нас есть — от столярной до кузнечной мастерских, и строим в колхозе мы все сами. Эта забота, что мучила так сильно

Комбайнер А. Р. Андреев объясняет председателю колхоза Н. В. Полякову, агроному П. Д. Ерошину и другим недостатки самоходного комбайна «С-4».

НАЧАЛО КОСМ

4 ОКТЯБРЯ 1957 ГОДА. В Советском Союзе запущен первый в мире искусственный спутник Земли. Он имел форму шара диаметром 58 сантиметров, весил 83,6 килограмма.

Ракета-носитель первого искусственного спутника Земли просуществовала около 58 дней, пролетев за это время расстояние примерно 39 миллионов километров.

Первый спутник прекратил свое существование 4 января 1958 года. За 3 месяца он совершил примерно 1 400 оборотов вокруг Земли и прошел путь в 60 миллионов километров.

3 НОЯБРЯ 1957 ГОДА. В Советском Союзе произведен запуск второго искусственного

Б. ЛЯПУНОВ

Много было событий, о которых помнят века. Но этот день, 4 октября 1957 года, оставил о себе особую память. И не только потому, что в честь его будет воздвигнут обелиск в Москве, на Ленинских горах. И не только потому, что сказаны миллионы слов, из которых одно звучит на всех языках одинаково—«спутник». В этот день, 4 октября прошлого года, был запущен первый в мире—советский! — спутник. Человек почувствовал себя гражданином Вселенной. Он впервые перешагнул за порог своего дома, где он родился и вырос, дома, имя которому — Земля.

Земля! Никогда еще с такой силой не чувствовалось, что мы жители планеты, и никогда еще отвлеченные «небесные» науки не обретали в нашем сознании такую реальность! Сигналы, впервые принятые с неба, возвестили начало новой, космической эры в истории человечества. Отныне, как бы ни развивалась дальше наша жизнь, она неразрывно связана с космосом. Понятия, близкие лишь астрономам, властно вторглись в бытие каждого из нас.

Что же ищет человек там, в космосе? Почему стремится он туда, где, казалось бы, «нет ничего», где все чужое, непривычное, непригодное для человеческой жизни? О победе над этим «пустым» пространством сейчас говорят как о величайшем завоевании нашего века. Почему?

Потому, что оно нужно нашей родной, любимой Земле.

еще несколько лет назад, теперь отпала. Под хозяйством теперь у нас прочный фундамент. Стало быть, думать о дальнейшем росте нам можно свободнее. И вот наметки: правильное ведение севооборотов с возможно полным циклом травосеяния. А здесь и урожай зерновых и урожай трав. Травы как удобрение и как корм. Кукуруза — основная опора кормовой базы. По 7 тонн силоса на корову заложено уже в этом году. А надо бы десять — двенадцать. Вот эти 10—12 тонн силосной массы и 20 центнеров с гектара зерновых и есть наша задача на ближайшие годы. Тогда молока будет больше, и на каждые сто гектаров угодий можно будет держать больше коров. Значит, и мяса, включая свинину, сдавать будем больше.

— К тому же и навоз и удобрения, — замечает Михаил Иванович Стогов, бригадир-полевод, тридцать лет своей жизни и труда отдавший кораблинскому колхозному полю.— К навозу бережно мы научились относиться только за последнее время, к удобрениям тоже. Теперь вот ставим задачей, чтобы каждое поле в срок и в полную меру имело и навоз и другие удобрения. Будем делать так — будем с урожаем, будем расти.

Сидишь, слушаешь — и понимаешь: ведь вот зажиток, к которому стремится каждый наш труженик.

— Теперь техника у нас в своих руках, — замечает комбайнер, молодой механизатор Алексей Романович Андреев. — Как лучше надо, так и повернешь ее, тормозов нет. И вспашешь так, как надо и как дешевле, и уберешь так, чтоб и скорее и потерь было меньше.

Но тут же есть и замечания разного порядка. Например, о качестве техники, о проектах колхозных строек, которые и «сочиняются» дорого и дорого строить по этим проектам; о нехватке азотных «вечно лимитирующих» удобрений; о завозных семенах кукурузы и многолетних трав, особенно клевера.

— Надо, чтобы XXI съезд партии решил и такую задачу: машины бы строить подешевле и понадежнее. Вот возьмите хотя бы самоходный комбайн «С-4». Чуть роса, чуть хлеб влажный — он уже и не берет хорошо стебли, наматывает их на валы, не вымолачивает хорошо зерно. Или вот картофелекопалка подвесная «КТН-2», которую мы купили недавно в РТС за 9 тысяч рублей. Да она же и 900 рублей не стоит! Из борозды выскакивает, ломается на каждом шагу. Надежная, хорошая машина очень нужна!

— Еще один вопрос, — говорит агроном Павел Дмитриевич Ерошин. — Построили мы теплицу по типовому проекту. Двести пятьдесят тысяч рублей обошелся нам проект и строительство, а вышло — строили зря. Так спроектировано, что огурец у нас в ней вырастает дороже апельсина. На антраците работает, одно топливо вконец замучило. Вместо дохода десятки тысяч рублей убытка.

Сеялки для травосеяния, которых нет, азотные удобрения, которые все еще «лимитные», типовые проекты коровников, дорогие и с излишествами, которые все еще предлагаются проектными организациями, «самодельные», плохие в эксплуатации, дорого обходящиеся электростанции и электрохозяйство — все обсуждается, все вносится незримо на повестку съезда, которого ждет деревня. Мы долго, за полночь, беседуем обо всем.

А утром идем по селу. Та же осень над садами, тот же синий, «есенинский» цвет небес над Окою. В лугах на пойме кочуют в тумане высокие стога. Кораблино — старое село, а выглядит, как новое. Все оно радиофицировано, электрифицировано, снабжено хорошим водопроводом. И каким-то новым содержанием наполняется эта простая рязанская русская картина осени. Не сама по себе она хороша, а хороша людьми, их думами, их делами, их заботами. Ведь это они делают ее богатой, и делают так, как начертает партия, которую они любят, от которой много ждут и которой в любое время помогут всем тем, что от них требуется,— и словом, и делом, и совестью.

ИЧЕСКОЙ ЭРЫ

спутника Земли. Общий вес его научной аппаратуры, подопытного животного и источников электроэнергии составлял 508,3 килограмма.

Второй искусственный спутник прекратил свое существование 14 апреля. Совершив 2 370 оборотов вокруг Земли, он прошел путь более чем в 100 миллионов километров.

15 МАЯ 1958 ГОДА. В Советском Союзе запущен третий искусственный спутник Земли. Вес его 1 327 килограммов.

Движение третьего искусственного спутника Земли продолжается. На 1 октября он совершил 1 900 оборотов вокруг Земли.

Быть может, пройдут еще годы, прежде чем люди поймут, почему усилия тысяч умов были направлены к великой цели. Казалось бы, зачем стремиться в небо, когда на Земле еще много белых пятен? Есть немало важных дел на нашей планете. Зачем же нужен спутник? Ответ один: это—наше грядущее. Ведь вслед за полуметровым шаром появится город в небе, который откроет дорогу к неведомым мирам.

В наши дни фантастика превратилась в быль, и поразительное это событие затмило собой даже такое чудо нашего века, как освобождение «современного Прометея»— открытие и использование атомной энергии.

Макет третьего искусственного спутника Земли на Всесоюзной промышленной выставке.

Вряд ли какое-либо событие так взволновало умы всех людей разного цвета кожи и разных политических убеждений. Как никогда, это событие показало, что на Земле живет Человек. Это он заявил о себе, став творцом искусственного небесного тела. Это он подарил Земле вторую Луну.

Каждый из нас вправе спросить: для чего же это нужно? Почему газеты и журналы, радио и телевидение всех стран мира говорили и говорят об искусственных лунах, обретенных Землей? Ведь тогда, год назад, эфир был переполнен разноязычной речью, оповещавшей мир о подвиге советских ученых. Чтобы понять это, надо смотреть в будущее, надо в ростках сегодняшнего дня увидеть цветы завтрашнего.

Когда-нибудь, когда полеты с Земли на другие планеты станут обычными, рядовыми, ничем не примечательными рейсами, как сегодняшние рейсы на «ТУ-104» из Москвы во Владивосток, потомки наши скажут: «Да, гул, мощный, ни с чем не сравнимый, гул двигателей советской ракеты, возвестил начало новой эры».

Да, советский человек покорил атом, он смог подняться высоко над землей и опуститься глубоко под воду, он покорил высочайшие вершины и поселился у полюсов. Но он не стал пока властелином погоды, потому что он оставался все время на земле. Теперь наступает иная пора; сделав шаг в небо, человек лучше узнает свою планету и пусть не сегодня, так завтра разгадает все ее тайны.

Спутники помогут ему в этом. Лабораторией ученых становится не одна лишь Земля. Пусть наши первые шаги пока еще скромны. Быть может, главное не в том, что сделано сегодня, а в том, что обещает завтра. И вот в наши дни будущее, далекое и, казалось бы, осуществимое лишь через многие десятилетия, становится весомым, зримым, осязаемым.

Год, прошедший с момента запуска первого советского спутника, был ознаменован и другими очень важными для нас событиями. За это время в верхних слоях атмосферы побывали живые существа, доказав тем самым возможность межпланетного полета и для человека. Мы многое узнали о том, что творится в воздушном океане, в сотнях километров от нас.

Было бы преувеличением сказать: все уже разгадано, все ясно. Это только начало. Неуклонно, неизменно мы пойдем по этому новому пути. Десятки, сотни запусков ракет в Международном геофизическом году — лучшее свидетельство того, какие поистине великие плоды приносит наука миру.

Траектория полета ракеты-носителя первого искусственного спутника Земли. Снимок произведен в горной обсерватории Института астрофизики Академии наук Казахстана.

Неизмерима заслуга тех, кто первым вырвался в космос. Еще не воспет поэтами, еще не воплощен в мрамор их подвиг. Но мы знаем: наши люди, наш народ, наша наука — первооткрыватели, герои покорения космоса. Мы верим, мы знаем: настанет день, когда на ракете в небо устремится человек. Страницы романа станут страницами хроники, и газеты поместят не репортаж из будущего, а очерк собственного корреспондента с Луны или Марса.

Итак, прошел год. Что же принес он, этот первый год новой, космической эры? Успокоились ли умы, улеглись ли страсти? Нет. Вслед за первым спутником последовал второй, за вторым — третий. Целый космический корабль отправился в путешествие вокруг нашей планеты.

Пассажиром спутника готовится стать человек. Многое еще придется сделать, но, без сомнения, что время подлинного освоения космоса недалеко. Порукой тому успехи истекшего года, первого года космической эры, открытой советским человеком.

Борьба продолжается

С. ЗЫКОВ

Письмо из Парижа

В воскресенье, 28 сентября, во Франции состоялся референдум. Все взрослое население страны было приглашено высказаться «за» или «против» авторитарной конституции, подготовленной правительством де Голля. Результаты его известны. Сторонникам реакции удалось одержать успех. И новая конституция, резко ограничивающая права Национального Собрания и предоставляющая самые широкие, по существу, неограниченные права президенту республики,— никто не сомневается, что этот пост скоро займет де Голль,— 5 октября официально вступит в действие.

Истории, возможно, даже самому ближайшему будущему, надлежит дать ответ на вопрос: что ознаменовал для судьбы Франции день 28 сентября 1958 года? Если на минутку поверить трубадурам французской буржуазной прессы, этот день войдет в анналы страны как день «обновления».

Едва ли, однако, для истинных друзей Франции, да и для самих французов, не потерявших способности глядеть вперед сквозь густой туман пропаганды, дело представляется таким образом. В этот день Франция сделала шаг, чреватый самыми опасными последствиями, шаг, грозящий отбросить ее далеко назад, ко временам конституционной монархии. Но не будем гадать. Постараемся объяснить, как и почему свободолюбивый французский народ, на первый взгляд, так легко и просто согласился отказаться от многих своих политических завоеваний — результата долгих лет жестокой борьбы. Неужели сегодняшние французы забыли свои демократические традиции, отбросили прочь свою приверженность к республиканскому режиму? Правда ли, как пытаются доказать буржуазные обозреватели, что в народе произошел «сдвиг» вправо?

Нет и еще раз нет.

Сегодня не те времена, когда реакция может идти в бой с развернутыми знаменами и открытым забралом. То, что произошло во Франции, лишний раз свидетельствует об этом. Здесь враги республики маскируются под «республиканцев», а сторонники военной диктатуры выступают в роли «защитников демократии». И если они одержали сегодня верх, то это лишь потому, что им удалось скрыть от многих и многих французов опасность фашизма, затаенную в новом режиме, представить реакционную реформу в качестве средства «спасения республики».

В послевоенные годы реакционеры и их пособники из Социалистической партии Франции делали все возможное, чтобы скомпрометировать в глазах французов конституцию 1946 года. Слов нет, она была далека от совершенства. Много в ней было половинчатого, незавершенного. И главным было то, что она давала возможность саботировать волю народа, парламентской игрой мешать проведению той политики, которой требовали избиратели. В четвертой республике правительственная чехарда достигла своего предела. Франция увязла по уши в колониальных войнах. Страна очутилась перед лабиринтом проблем, из которого обыватель не видел выхода. И вот, когда государственную машину завели в тупик реакционеры, когда в Алжире поднялся фашистский мятеж, враги республики сочли этот момент подходящим, чтобы нанести решающий удар. Они призвали де Голля и подготовили новую конституцию. Они использовали популярность генерала, сохранившуюся в народе после второй мировой войны, и недовольство рядовых французов беспорядком в ведении государственных дел. Их стоустая пропаганда твердила изо дня в день, что нет другого выхода, как отказаться от старой и принять новую конституцию, способную обеспечить «твердую власть», «поднять величие Франции», «покончить с войной в Алжире», и т. д., и т. п.

Трудно в нескольких словах дать представление о том огромном психологическом нажиме, которому подвергались французские избиратели все летние месяцы, о масштабах агитации в пользу де Голля. Эту пропаганду вели все буржуазные партии и весь правительственный аппарат, девять десятых французских газет, радио, телевидение. Не надо забывать, что именующие себя республиканскими социалистическая и радикальная партии также приняли в ней участие, добавив немалую долю демагогии.

В день выборов мы беседовали со многими французами, принадлежащими к различным слоям населения и придерживающимися разных политических взглядов, как в Париже, так и на его окраинах. У нас сложилось представление, что добрая половина из них не только не вникала в смысл, но и не читала даже текста новой конституции — длинного документа из 92 статей.

«Ясно, мы идем на риск, но, может быть, это к лучшему»,— говорили одни.

«Что делать? — отвечали другие. — Кроме де Голля, некому спасти республику от фашистов. Только он может положить конец войне в Алжире».

Передовая часть французов, те, кто не дал себя сбить с толку лживой пропаганде, голосовала против новой конституции. Этих стойких защитников республики оказалось четыре миллиона шестьсот тысяч человек. Они представляют собой то твердое ядро, вокруг которого будут сплачиваться борцы против фашизма, и нет сомнения, что их ряды будут расти по мере того, как жизнь, рассеяв пропагандистские туманы, покажет реальную опасность для демократии, скрытую под покровом громких фраз в самой сущности новой конституции.

Обман удался на этот раз. Но он не может продолжаться долго. Тем более в такой стране, как Франция. В прошлом она уже знала такие периоды, когда реакция торжествовала победу. В конечном счете это вело к сплочению республиканских сил.

Борьба еще не закончена. Борьба продолжается.

Столица Белоруссии строится

...Троллейбус, точно такой, как и в Москве (раньше их здесь не было), бесшумно скользит по безукоризненно ровному шоссе асфальта. На его табличке рядом со старыми совсем новые названия: Сталинградская, «Обсерватория». Их в довоенном Минске тоже не было. А за окнами — прямой, как стрела, широкий проспект, светлые, сверкающие новизной дома, кудрявые деревья,—это проспект Сталина.

А вот слева здание в лесах — строится самая большая в республике гостиница. В день 40-летия Советской Белоруссии она должна принять первых гостей. Далее, справа, у парапета моста, взлетевшего над крохотной Свислочью (вот вам и старые «черты» города: мелеющая речушка сохранилась в том же нетронутом виде, как и во времена своей довоенной истории), поднялся величавый купол строящегося цирка.

Недалеко от Круглой площади, увенчанной обелиском, открывается улица, на которой еще мало асфальта и мало красивых домов. По ней проносятся грохочущие трамваи, то скатываясь под гору, к оврагу, то поднимаясь к кирпичным громадам строящихся домов. Скромно, по старинке, эта улица зовется Долгобродской. Но, конечно, со временем она станет вторым проспектом нового Минска, индустриальным проспектом.

Лениво встает в октябре осеннее солнце, и в тот час, когда его первые лучи золотят багрянец кленов и тополей, густым дружным хором басят Долгобродская и улица Ворошилова. Гудят автомобильный и тракторный, станкостроительный и кожевенный, гудят все большие и малые заводы. Прислушиваясь к их голосу, поднимаются на леса новостроек, выходят на трассы магистралей штукатуры и монтажники, устроители улиц и газовых линий — Минск готовится к приему дашавского газа.

На северо-востоке, на бывшем Логойском тракте, создается новый жилой массив. Здесь будет возведено 60 четырех- и пятиэтажных домов с магазинами, кафе, детскими садами, школами и спортивными площадками. На пять километров протянется тут широкая магистраль — улица Якуба Коласа. Строится плотина в парке имени Горького, мост на улице Оранского. Благоустраивается набережная, реконструируются, «омолаживаются» еще десятки улиц. На благоустройство города только в этом году ассигновано около 40 миллионов рублей.

Трудно будет узнать Минск еще через несколько лет, Минск растущий и молодеющий!..

Г. КУЛИКОВСКАЯ

АТОМНЫЙ ЛЕДОКОЛ ГОТОВИТСЯ К ИСПЫТАНИЯМ

Высоко в небо устремлены мачты строящегося атомного ледокола «Ленин». Монтажники, работающие на них, кажутся снизу совсем крохотными. А сам корабль высится у пирса, как многоэтажный дом.

Любуясь красавцем-«атомоходом», мысленно переносишься к историческим дням XX съезда КПСС,— тогда было решено построить это небывалое в мире судно. И вот дерзновенный замысел претворяется в жизнь. Корабль уже на плаву. Скоро заработают его сложнейшие механизмы. Готовясь к предстоящему XXI съезду партии, строители решили начать швартовые испытания корабля раньше установленного планом срока.

На верхней палубе то и дело вспыхивают огоньки электросварки: ведутся последние работы в ангаре и на взлетной площадке вертолета, на грот- и фок-мачтах закрепляются провода радиоантенны. В многоэтажных надстройках, в отсеках, трюмах завершается монтаж машин и механизмов, проводка электрокабеля, прокладка трубопроводов...

Просторное помещение столовой команды стало боевым штабом строителей. Ежедневно в полдень здесь проводится диспетчерский час. Начальники цехов, отделов, строители корабля докладывают о ходе работ.

Металлические переборки «диспетчерской» увешаны графиками. Огромные листы бумаги с перечнем работ испещрены синими кружочками, красными полукругами. Каждая такая отметка означает, что сдан еще один механизм, проложен еще один километр кабеля, трубопровода. Вот три заштрихованных кружочка — закончен монтаж всех трех реакторов.

Всего три маленьких кружочка! Но если перечислить фамилии тех, кто монтировал эти реакторы — сложнейшие агрегаты, невиданные прежде в судостроении,— то понадобится назвать десятки фамилий. Множество людей самых различных специальностей трудились, не считаясь со временем, чтобы в срок выполнить это важнейшее задание.

— Установлены главный и вспомогательные турбогенераторы, краны, подъемники, лебедки... — говорит старший строитель И. С. Драпкин, ведающий монтажом электрооборудования.— Только на нашем участке свыше 500 единиц оборудования.

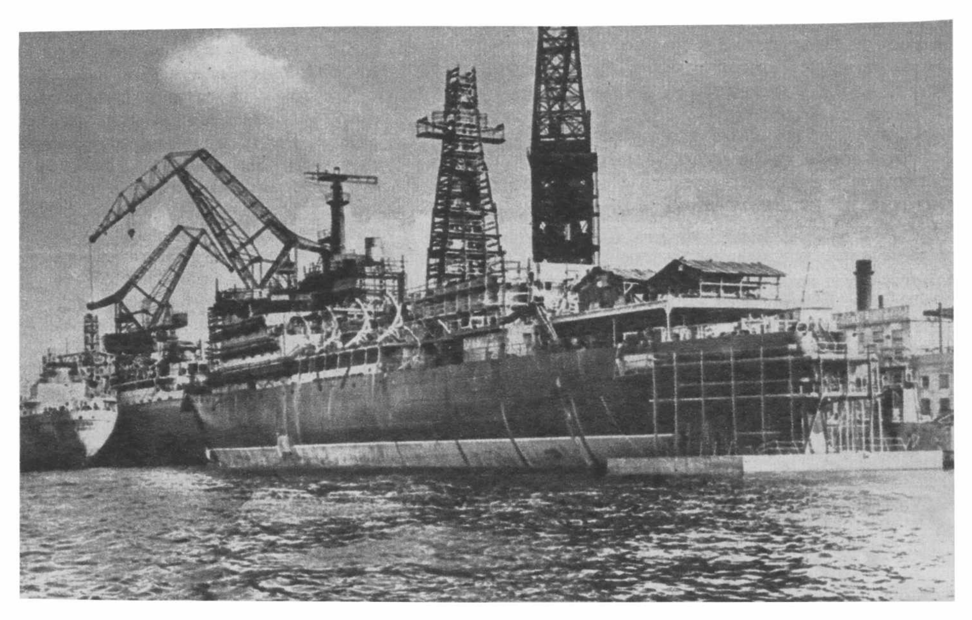
В носовой части монтаж машин ведет Вениамин Пирогов, в корме — Юрий Миронов. Бригады Пирогова и Миронова соревнуются. Вместе с ними работают и шеф-монтеры заводов Москвы, Калуги, Харькова, Горького — предприятий, поставляющих технику для атомного ледокола.

На атомном корабле около тысячи помещений. В одном отсеке маслопровод, в другом — главный паропровод, в третьем — циркуляционные насосы, главные турбины.

Инженер Е. Н. Летонов, ведающий отделочными работами, обеспокоен: пять фабрик должны изготавливать мебель для атомного ледокола, но пока этот заказ еще не выполняется...

На помощь строителям пришли в эти горячие дни молодые рабочие других заводов Ленинграда и студенты ленинградских вузов. На корабле можно сейчас встретить и тех, кто в недалеком будущем поведет атомный ледокол в первый арктический рейс. Моряки — члены экипажа — также помогают быстрее завершить все работы к швартовым испытаниям. На борту корабля издали виден большой плакат: «Успешное проведение швартовых испытаний — достойный трудовой подарок XXI съезду КПСС».

К. ЧЕРЕВКОВ

На строительстве атомного ледокола «Ленин».

Фото В. Самойлова

МИНСК, вокзальная площадь.

Фото **Ф. КОРОТКЕВИЧА.**

На проспекте Сталина.

В МИНСКЕ

Фото М. САВИНА.

Улица Захарова.

У входа на стадион «Динамо».

Волькрюлон и ланон

Новые работы химиков ГДР

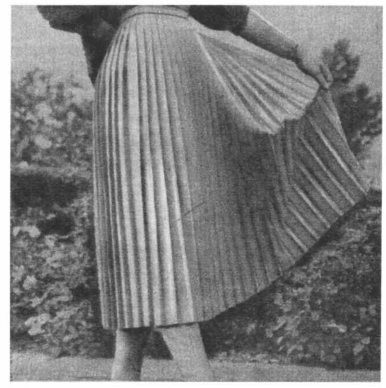
Фото Гельмута РЕЙЕЛЬ.

Что в этих бумажных мешках: цемент, сахарный песок, удобрения? Ни то, ни другое, ни третье. На фабрику имени Вильгельма Пика, около города Рудольштадта, в ГДР, привезли сырье... для приготовления ткани. Эта новая ткань называется «волькрюлон». Сырьем служат угольные и известковые смеси.

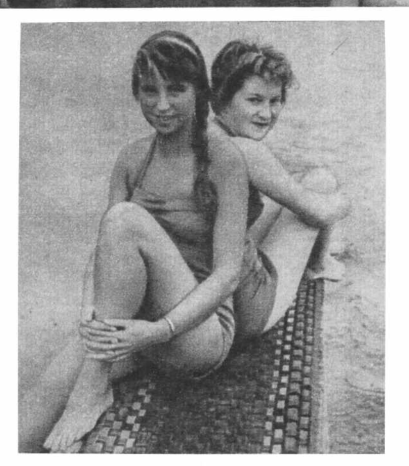
Каковы же свойства нового волокна? Волькрюлон с успехом заменяет, например, пух для стеганых одеял и спальных мешков. Сохраняя тепло не хуже пуха, волькрюлон имеет перед ним то преимущество, что невосприимчив ко всякого рода бактериям и насекомым. Еще одна деталь: стеганые одеяла из волькрюлона очень легко стираются.

Другая новая ткань, получившая название «ланон», создана химиками Германской Демократической Республики в результате пятилетних исследований. Ланон, сырьем для которого является нефть, отличается многими прекрасными свойствами: он не вытирается, устойчив к высоким температурам и греет, как чистая шерсть. Кроме того, ланон не мнется, поэтому он очень удобен для изготовления плиссированной одежды. Складки не расходятся.

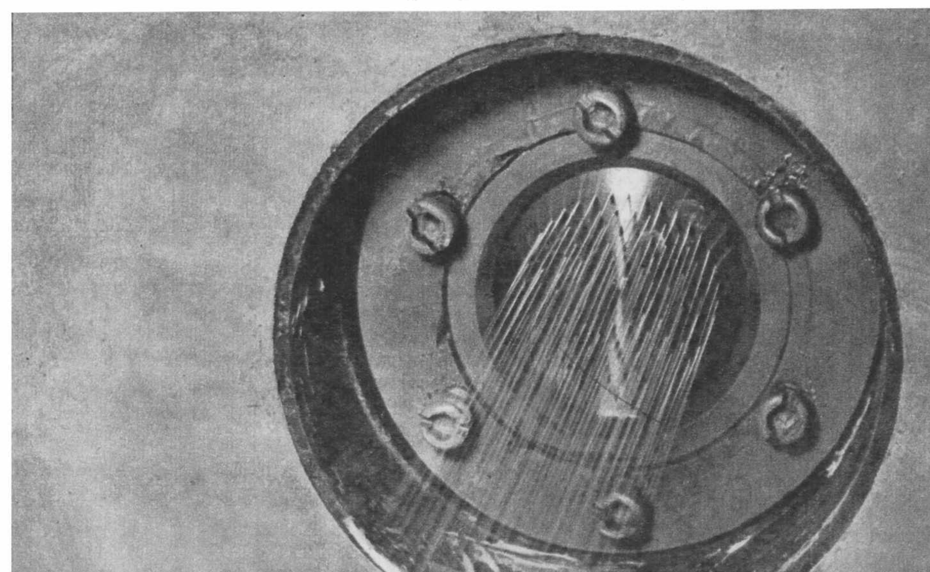
Репортаж прислан немецким журналом «Нейе берлинер иллюстрирте».

Эти купальщицы с удовольствием носят свои легкие, теплые, эластичные костюмы из ланона.

Но самое ценное качество этих вот тончайших нитей состоит в большой выгодности их производства для народного хозяйства ГДР.

Тесное сотрудничество между нашими государствами, о котором говорил Н. С. Хрущев на собрании немецких электрохимиков в Биттерфельде, позволит наладить широкий выпуск ценного волокна из нефти, которую СССР может поставлять ГДР. Ланон же найдет применение в хозяйстве многих стран социалистического лагеря.

ЗНАКОМСТВО С ФАИЗОМ

К моменту, когда пишутся эти строки, Фаизу Ахмаду Фаизу исполняется 45 лет. С полной уверенностью можно сказать, что язык урду не знает в этом столетии более популярного поэта.

Фаиз родился и живет сейчас в Пакистане. В начале этого года я встретился с ним в Лахоре, а за два дня до нашей встречи полиция отобрала у него заграничный паспорт. Но слава Фаиза распространилась всюду, где знают и любят литературу урду, и этой славе не нужно паспортов.

Я был в Дели в те дни, когда Фаиз приехал туда, чтобы участвовать в мушаэре — традиционном состязании поэтов. Я видел, как делийские журналисты приглашали к себе Фаиза, журналиста и редактора пакистанского «Таймса»; литераторы приглашали Фаиза, любимого народного поэта. Группы прогрессивных людей окружали Фаиза, потому что он одарил поэзию урду новыми, свежими красками. Деятели профсоюзов уделяли поэту особое внимание, потому что Фаиз — председатель Пакистанской федерации профсоюзов. И среди всех приглашающих стоял поэт и читал свои стихи. И если он внезапно останавливался во время чтения, присутствовавшие напоминали ему следующие строки.

Фаизу за короткое время пришлось многое узнать в жизни. Свою деятельность он начал преподавателем английской литературы, сочинителем газелей. Затем становится журналистом. А потом уходит служить в армию, став полковником в период второй мировой войны. В это время молчит лира поэта, но слава его растет благодаря стихам и газелям, написанным до 1940 года. По окончании войны Фаиз вновь возвращается к журналистике. А с разделом страны Фаиз снова заговорил.

Я вспоминаю, как премьер-министр Пакистана Лиякат Али-Хан поднял на смех стихотворение поэта, где он говорил об отсутствии свободы в Пакистане, которую так долго ждали. А вскоре, именно в период правления Али-Хана, Фаиза и его друзей обвинили в организации военного заговора и бросили на пять лет в тюрьму. В 1955 году поэт выходит на свободу и с той поры занимается журналистикой, профсоюзной работой, пишет стихи. В 1956 году Фаиз приезжал в Индию, где состоялась его встреча с Джавахарлалом Неру.

Фаиз очень мало написал по объему — только три небольших сборника, но его поэзия — это поэзия долгой жизни, которая вышла из туманных переулков лирики на широкую арену политической борьбы.

Зоэ АНСАРИ

Земля Китая

Фаиз Ахмад ФАИЗ

ПРИБЫТИЕ

(Песня поезда)

Небо алеет, пылает заря.
Солнце восходит над радостным краем,
Солнце восходит над новым Китаем.
В этом краю, от зари золотом,
Мао Цзэ-дун стал народу отцом.
Светит с востока счастье народа,
Всюду лучи рассыпает свобода!
Небо алеет! Пылает заря!

КАНТОН

(Памятник жертвам революции)

Кровь закипела, хоть была спокойной до поры,—
В стране, где светел небосвод, где лотосы нежны;

В стране, где ласково поет влюбленная заря,
А ночь таинственно хранит легенды старины;

В стране, где рифмы, как цветы, сплетаются венком,
А строки песен так легки и радости полны;

В стране, где горе и нужда царили над людьми,
Сегодня каждый человек — хозяин всей страны.

Здесь падал дождь жемчужных слез на землю, а теперь
Победно алою звездой поля озарены!

ПЕКИН

Кажется, будто я стал великаном,
Скалами — ноги, сердце — вулканом!
Рук у меня — шестьсот миллионов,
Сшит мой плащ из ночных небосклонов,
По́лы морями окаймлены;
Светлого утра бразды мне даны.
Я человек! И владею недаром
Творчества даром, чудесным даром!

Перевела с урду
И. АЛЬТМАН.

Мое пребывание в вашей стране будет радостным

Сюити КАТО
Японский писатель

Большая часть японских писателей от всей души стремится к поддержанию добрососедских отношений между странами Азии и Африки. Они испытывают чувство симпатии к тем усилиям, которые прилагают народы многих стран этих двух континентов, чтобы добиться национального объединения и независимости. Поэтому японские писатели проявляют глубокий интерес к конференции писателей, которая открывается в Ташкенте.

Для посылки делегации на конференцию был создан Японский подготовительный комитет, составленный из представителей почти всех писательских профессиональных организаций. Если вспомнить, что на Первую конференцию писателей стран Азии в Дели мы послали только одного делегата — писателя Есиэ Хотту, то сразу бросается в глаза, насколько увеличилась тяга наших писателей к дружественным контактам.

Я уверен, что мое пребывание в вашей стране будет радостным.

За дружбу народов, за мир

Бенжамен МАТИП
Камерунский писатель

Писатели Азии и Африки собираются в Ташкенте для того, чтобы совместно обсудить проблемы развития культурных связей, которые объединяют наши два континента, чтобы ознакомиться с историческим культурным наследием, которое существует тысячи лет. Мне трудно в нескольких словах выразить все то, что я жду от встречи азиатских и африканских писателей. Ташкентская конференция для меня — это символ борьбы народа, поднимающегося против империалистов. Деятели культуры стоят теперь перед гигантской задачей возрождения двух континентов, на которых живут три четверти человечества. В наше время писатели более решительно, чем когда бы то ни было, ведут суровую борьбу против войны и эксплуатации. Мы должны бороться за правду, за дружбу народов, за мир.

Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что впервые в истории человечества на конференции в Ташкенте соберутся мыслители двух материков, чтобы совместно обсудить проблемы своих культур. На конференции в Дели в 1956 году и в Париже в конце того же года собирались писатели каждого из континентов в отдельности. Только теперь в Ташкенте состоится конференция, которая будет записана в Золотую книгу истории развития культур обоих континентов — Азии и Африки. Советскому Союзу, который завоевал пальму первенства в освоении космоса, принадлежит сейчас выдающаяся роль в укреплении солидарности народов Азии и Африки.

Ташкент! Ташкент! Ташкент! Это слово является символом успеха, который должен увенчать работу конференции, с нетерпением ожидаемой всем миром.

Ташкент! Ташкент! Ташкент! Это вдохновляет писателей на создание бессмертных произведений, которые будут воодушевлять грядущие поколения на их пути к счастью и прогрессу.

Собственными глазами

Гопал ХАЛДАР
Индийский писатель

Я приветствую вас, братья и сестры Узбекистана, всего Советского Союза, от имени всех народов Индии, и в первую очередь от имени моего народа — бенгальцев. Поскольку в вашу прекрасную страну меня привела предстоящая конференция писателей, хочу добавить, что приветствую вас на моем родном бенгальском языке, языке Рабиндраната Тагора.

Большое впечатление на меня произвел Узбекистан. «Узбекистан» и «узбек» — слова, знакомые в самых отдаленных уголках Индии. В прошлом мы слышали о жителях Узбекистана как о народе, живущем далеко за Гималаями. Мы знали, что природа не слишком была щедра к вам. К нам доходили вести о ваших победах над природой, о ваших успехах в различных областях народного хозяйства. Но то, что видишь своими глазами, производит гораздо большее впечатление, чем любые цифры на бумаге. Увидеть Узбекистан собственными глазами — значит понять то, что дала революция стране. Когда я приехал к вам, то все, что предстало моему взору, превысило мои ожидания.

Что же привело к этим великим сдвигам? Безусловно, социалистическая система и тот дух, который она породила в народе.

Я поздравляю вас от имени своего народа, который хотел бы совершить такие же чудеса на своей земле.

АЗИИ И АФРИКИ В ТАШКЕНТЕ

Братство литератур

Международная конференция писателей стран Азии и Африки открывается в Ташкенте 7 октября, но дружеская встреча литераторов двух великих континентов уже состоялась — на страницах сентябрьского номера журнала «Дружба народов» в присутствии десятков тысяч читателей.

Волнующей встрече в Ташкенте посвящен весь номер журнала, и если бы можно было одним словом определить чувство, которым пронизаны стихи, повести, статьи, то слово это «дружба».

Не свернет колесницу
творения атомный град!
Силы страха и тьмы не
задержат прихода весны.
Жертвы прежних боев не
напрасно в могилах лежат!
Нет, не будет войны!
В мире больше не будет
войны! —

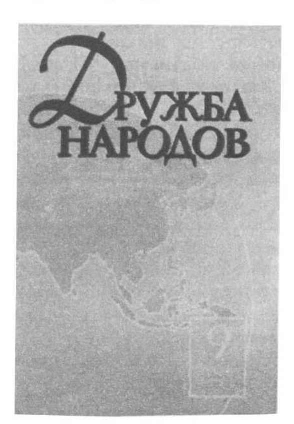
восклицает индийский поэт Гопальдас Саксена Нирадж.

Интернациональное ленинское братство советских литератур выступает в журнале особенно отчетливо; публикуются произведения почти всех, больших и малых, литератур Советского Востока: тут и «Каракалпакская повесть» Аскада Мухтара, и рассказ ненецкого писателя Ивана Истомина, и стихотворная быль калмыцкого поэта Басанга Дорджиева... Журнал нашел горячие и взволнованные слова, яркие факты и цифры, повествующие о невиданном расцвете советской многонациональной культуры.

Решение Делийской конференции писателей стран Азии провести встречу афро-азиатских деятелей литературы в столице Советского Узбекистана Ташкенте было признанием громадных заслуг социалистического строя в развитии культуры советских народов Средней Азии. Алексей Сурков пишет во вступительной статье, что «это было выражением стремления провести конференцию в атмосфере нового мира, окрыленного пафосом мирно-созидательной деятельности».

Журнал «Дружба народов» публикует стихи, рассказы, пьесы, очерки и статьи писателей стран Азии и Африки. Со страниц журнала на многих языках провозглашаются великие гуманистические идеи дружбы народов. «Мы увидим на улицах цветущего всеми осенними красками Ташкента послов новой весны человечества,— говорит Николай Тихонов в статье «Я хочу увидеться с ними в Ташкенте».— Будь же, говоря по-восточному, благословен их приход в старый, мудрый город, ставший снова молодым, в наш любимый Ташкент, для тех бесед, которые несут в мир дружбу народов и праздник ума на радость всем людям!»

В. ГАЛИН

Самое главное

Джамиля... Данияр...

Наверно, непривычными и потому далекими показались бы нам над русским полем, в русском лесу звуки этих имен. Эти звуки родились между саманными дувалами киргизского аила, над красно-бурой степью, где теснятся у дороги сухие кусты чия, неумолчным рокотом гремит горная Куркуреу, пахнет кизячным дымом и пережаренной кукурузой...

Джамиля!.. Данияр!..

Об их большой любви, высокой, как горы Киргизии, светлой, как небо нашей Родины, просто и поэтично поведал в своей первой повести молодой киргизский прозаик Чингиз Айтматов. Это имена двух красивых и смелых людей, больше всего на свете любящих родную землю, киргизскую землю. Это она дала их сердцам силу для настоящей любви. Их соединили навсегда тяжелый и радостный труд во имя Родины и песня, рожденная в труде и радости. Песню сложил влюбленный Данияр, песней была его возлюбленная Джамиля. «И влюблен он был, почувствовал я, не просто в другого человека; это была какая-то другая, огромная, любовь — к жизни, к земле». К родной земле...

Незаурядное психологическое мастерство молодого прозаика, яркость и точность его красок, умение проникнуть в прихотливое и трудное сочетание нового уклада со старыми обычаями делают повесть жизненно правдивой и острой...

«Я пойду по степи в свой аил, я найду там новые краски. Пусть в каждом мазке моем звучит напев Данияра! Пусть в каждом мазке моем бьется сердце Джамили!»

Такими словами заканчивает свой вдохновенный рассказ художник, от лица которого ведется повествование. И слышится в них искренний голос самого писателя. Он нашел для себя самый животворящий, неиссякаемый родник вдохновения!

Д. ВИКТОРОВ

Чингиз Айтматов. Джамиля. Повесть. «Новый мир» № 8. 1958.

Эпопея Мухтара Ауэзова

Четырехтомная эпопея Ауэзова, поднявшая огромные пласты истории, представляет собой такое явление, которым вправе гордиться весь советский народ.

У народов Средней Азии и Казахстана существует многовековой спутник — богатейший эпос. Но подлинная письменная литература возникла лишь после Октябрьской революции. Появление эпопеи Ауэзова свидетельствует о небывалом расцвете казахской литературы.

Первые две книги романа «Абай» были посвящены юношеским и зрелым годам Абая Кунанбаева. В третьей книге Абай предстает как крупнейший общественный деятель и мыслитель, как поэт исключительной силы и самобытности. Четвертая книга, «Путь Абая», освещает события последнего десятилетия жизни Абая, когда под действием надвигавшейся революционной бури в России в казахских степях резко обострилась классовая борьба.

Таким образом, эпопея Мухтара Ауэзова справедливо является энциклопедией казахской действительности XIX столетия, рисует жизнь казахского народа, его нравы и традиции, его историю и надежды, его борьбу за свое будущее.

Художник-реалист, М. Ауэзов не идет на упрощение. Проникновение в степь революционных идей шло не только через русскую литературу, широко пропагандируемую Абаем, но только через русских революционеров, находившихся в Казахстане в ссылке. Это проникновение ощущалось в быту, в психологии и мышлении всего казахского общества.

Абай — выразитель передовых устремлений народа — формируется и развивается в столкновениях, в битвах с реакционными силами. Эти социальные мотивы особенно сильны в последней книге, «Путь Абая».

Великий казахский просветитель вступает в схватку с тем, что порабощает народ, держит его в невежестве и темноте. Так определяется главная тенденция эпопеи Ауэзова. Прогрессивная роль революционно-демократической России, пробудившей в недрах необъятного Казахстана новые духовные силы, ощущается на каждой странице ауэзовской эпопеи. Новое радует казахскую молодежь и пугает приверженцев старого. На наших глазах будто бы и незаметно, но непреодолимо происходит ломка старого, поднимаются и крепнут ростки будущего мира — и в укладе общественной жизни и в психологии людей.

Избрав своим героем Абая, раскрыв в его образе судьбу казахского народа, его творческую и нравственную силу, Мухтар Ауэзов мастерски показал и жизнь далеких аулов с их патриархально-родовыми отношениями и жизнь города с его противоречиями, с его шумной торговлей, пестрым населением.

Эпопея М. Ауэзова подкупает и запоминается правдивостью характеров. Благородство Павлова, мудрость Даркембая, пылкость Дармена, доблесть Сеиля, подлость Уразбая, изощренное интриганство Жиренше — вот главные черты характеров героев, созданных Ауэзовым. Надолго запомнившееся мужество, верность долгу, дружбе и любви, жадность к знанию, щедрость души, гостеприимство, вежливость — эти черты воспринимаются читателем как драгоценный клад, бережно хранимый народом.

Мухтар Ауэзов.

Особенно хочется остановиться на последней книге эпопеи Ауэзова, отобразившей завершение судьбы большого и сложного человека, боровшегося против старого уклада жизни, но не знавшего правильных путей освобождения.

Последняя книга интересна и новизной формы: перенося действие со степных просторов на широкие улицы и закоулки города, автор в противовес эпическим картинам романа «Абай» изображает драматичные события, полные классовой борьбы.

Рисуя степные пейзажи, автор эпопеи ни на минуту не забывает, как воспринимаются эти картины в творчестве Абая. Перу Абая принадлежат четыре знаменитых стихотворения: «Весна», «Лето», «Осень», «Зима»,— в которых он, как никто из его предшественников и современников, реалистически воспроизводит степные картины четырех времен года. В картинах Абая мы видим не только красоту и величие природы, ее капризы и стихию, но видим жизнь разных слоев казахского аула. Верный реализму великого поэта, Мухтар Ауэзов, подчас глядя на мир глазами Абая, тонко раскрывает внутренние мотивы абаевских стихов.

Из эпопеи Ауэзова мы узнаем, что казахский народ — это народ песни и музыки.

До революции для кочевника-казаха песня была и своеобразной книгой народной мудрости, и газетой, из которой он узнавал о новостях окружающей жизни. Песня — источник радости и вдохновения, неотразимое оружие в схватках с правящей верхушкой — отражала счастье и горе народа. Песня вошла в быт казахской степи, пронизала обряды народа, стала его спутницей в труде, в радости, в печали.

Сама эпопея Ауэзова написана языком, полным мудрости народа, поэзии степи.

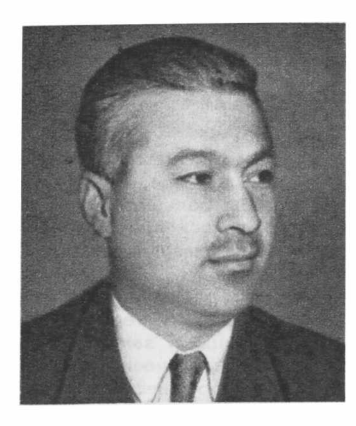
История — мать современности. Она пережила много радостей и печалей; ее опыт проверен жизнью. С кем шли предки казахов, куда шли и как шли — ответ на этот вопрос, убедительно данный эпопеей Ауэзова, имеет глубокий смысл и для сегодняшнего и для грядущего поколений казахского народа.

Такен АЛИМКУЛОВ

Мухтар Ауэзов. Абай. Роман-эпопея. Гослитиздат. 1958.

Сильнее бури

Главы из романа

Шараф РАШИДОВ

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

Роман «Сильнее бури» посвящен трудовому подвигу хлопкоробов Узбекистана, двинувшихся в наступление на пустынную степь и осваивающих под хлопок целинные земли.

1

Погодин вот уже несколько дней ночевал на полевом стане.

В это утро он встал рано и сразу же услышал мощную, бодрящую песнь тракторов. Дремоту с Погодина как рукой сняло. Он взял мыло и полотенце, прошел к небольшому арыку, протянутому сюда от недавно освоенных полей, которые директор про себя называл уже «старыми», и, шумно фыркая, ежась от холода, поплескал студеной водой на спину и плечи, умыл лицо. Весь арык заполнило дрожащее отражение его полного, рыхловатого тела. Погодин поморщился недовольно и чуть брезгливо: «Вот черт! Разнесло же меня! И как это Лола терпит такое?» При мысли о Лоле сердце Погодина сладко сжалось: везет же ему, медведю! В самую страдную пору в Алтынсай приехала Лола, и работать почему-то стало и легче и радостней. Даже походка у Погодина сделалась на удивление всем трактористам быстрой, веселой; и грозный бас обрел несвойственную ему мягкую, какую-то умиротворенную бархатистость... Ну, что она в нем нашла, Лола? Потешно, право, потешно! Погодин умылся, докрасна растер полотенцем кожу, напялил рубаху, накинул синюю с масляными разводами спецовку, расчесал короткие редкие волосы, на ходу проглотил лепешку с холодным, оставшимся от ужина мясом и два сырых яйца, выпил огромную пиалу кислого молока и тут же, как в глубокий, затягивающий омут, с головой окунулся в работу.

Среди трактористов было много молодых, неопытных, надо подбодрить их, помочь советом. На самом стане не залатали еще всех прорех: рация работала с перебоями; в ларек не всегда завозили достаточное количество продуктов; в передвижной мастерской не хватало инструмента... В общем, дел было сверх головы, и все-таки Погодину — на обеде и на мелких хлопотах — удалось «сэкономить» с полчаса, и, выскочив из столовой, где «заправлялись» трактористы, он направил свой путь прямо к новому саду Халим-бобо: должен же был он поинтересоваться, не надо ли чем пособить старому садоводу!

Халим-бобо, разговаривая с заботливым директором, понимающе усмехнулся в белую бороду (никакой помощи от МТС ему пока не требовалось, и Погодин хорошо знал это), а Лола, стоя рядом, смущенно перебирала поясок на своем пестром, веселом платьице (и с чего это она стала так наряжаться, идя на работу, в степь?), а в глазах ее, в ямочках на круглых, румяных щеках, в уголках губ пряталась радостная, лукавая улыбка, готовая вот-вот растечься по всему лицу. Лола вчера успела уже повидаться с Погодиным, они о многом (кроме самого главного) поговорили, а то, что оставалось еще неясным, Погодин досказал этим вот своим приходом: уж кому-кому, а Лоле было известно, как туго у него сейчас с временем, и если он все-таки сумел урвать минутку и, выдумав первую попавшуюся причину, заглянул в сад, значит, ему нелегко без нее, без Лолы, а это, право же, замечательно!

Завидев приближающуюся к ним Айкиз, Погодин поспешно распрощался с Халим-бобо и Лолой и зашагал в степь, к своим трактористам.

Первым, кого он встретил, был Суванкул. Он по-хозяйски уверенно расположился в кабине мощного «ДТ-54»: сидел, чуть откинувшись назад, и управлял машиной медлительными, какими-то ленивыми движениями. Суванкул был под стать своему трактору: неторопкий и неповоротливый, он обладал великим упорством и богатырской силой; наверно, если б поднатужился, то и без помощи мотора сдвинул с места стальную махину; и трактор, словно оказывая ему дружескую услугу, беспрекословно слушался своего хозяина.

Суванкул до того, как стать бригадиром-хлопкоробом, некоторое время работал в МТС. Тракторы тогда были неказистые, пшеничные поля, которые они обрабатывали, никак нельзя было назвать обширными. Суванкулу на этой работе было неуютно и тесно, и он перешел из МТС в полеводческую бригаду, где мог себя показать. А в прошлом году Погодин, угадывая, какой размах примет освоение новых земель, кликнул клич, сзывая разлетевшихся по колхозным бригадам «орлов-трактористов», убедил их, что работать теперь будет интересней и выгодней, и Суванкул, поразмыслив, не спеша вернулся в МТС и принялся медленно, но старательно подминать под свой мощный, пришедшийся ему по душе трактор упрямые целинные просторы.

Погодин окликнул Суванкула, и тот, заглушив мотор, спрыгнул на землю и сказал с добродушной улыбкой:

— А, директор! Хорошо, что пожаловал, есть о чем потолковать. Только извини: хоть ты и гость, а угостить тебя, кроме аскии[1], нечем.

Суванкул был без рубашки, прокаленная кожа влажно поблескивала под лучами солнца, мускулы казались отлитыми из бронзы.

— Слышали мы, что начальник Смирнов получил вагончики. Ты слышал об этом?

— Нет, он мне пока ничего не говорил.

— Получил он, значит, эти вагончики,— неторопливо продолжал Суванкул,— и передал их своим экскаваторщикам. У нас ведь экскаваторщикам особый почет! А нам, трактористам, достался лишь слух об этом деле. А слух — он ведь для жилья непригоден.

— Так мы же выстроили для вас навес!

— Так-то так, директор, но вагончики куда удобней, их можно везде поставить: и на стане и в степи. К тому же стены у навеса больно хрупкие: из самого натурального воздуха.

— Ничего, можно пока обойтись и этим. Что вы, свежего воздуха боитесь?

— Нет, директор, как говорят у нас пионеры, солнце, воздух и вода — наши лучшие друзья. А вот от врагов надо б оборониться. Погляди-ка туда, Иван Борисыч!

Суванкул показал рукой на край неба, опирающийся на лесную полосу, но как ни всматривался Погодин, ничего, что могло бы привлечь внимание, не заметил.

— А ты погляди получше,— сказал Суванкул.— Как бы нынче буря не разразилась!

Погодин встревожился. Он знал, что такое песчаная буря в открытой степи. Если. нагрянет она, трактористам после работы негде будет отдохнуть; а набьются они в единственный домик на стане, так тот расползется по всем швам. Как же это он не подумал о вагончиках! Ведь были ж они, оказывается!

— Ах, ты, черт! — в сердцах воскликнул Погодин, и непонятно было, кого он выругал: непрошенную бурю, себя или Смирнова.

Во всяком случае, нужно было действовать. Погодин был не из тех людей, которые аккуратно и старательно записывают в свои блокноты: «Завтра — сделать то-то. Через три дня — то-то. Надо срочно позаботиться о том-то, крайний срок—послезавтрашний день». То, что можно было сделать сегодня, сейчас же, он и старался делать немедленно, не теряя дорогого времени, которое обладало скверным свойством: сеялось, как песок меж пальцев.

Возвратившись на стан, Погодин дал указания своим работникам, предупредил по телефону Смирнова, что через полчасика явится к нему в управление и — черт побери! — поговорит с ним, как коммунист с коммунистом, вывел из-под навеса свой мотоцикл и вскоре уже мчался, как вихрь, по направлению к водохранилищу.

[1] Аския — остроты, шутки.

Уже на полпути Погодин заметил, что все вокруг неуловимо изменилось. Воздух помутнел, солнечный свет стал каким-то нечистым, тревожащим, цвета и оттенки летнего дня, всегда веселящие сердце, сейчас рождали в нем ощущение смутной тоски.

Погодин, крепче вцепившись в руль, поднял голову, посмотрел на небо и тут уже окончательно убедился, что на Алтынсай надвигалась песчаная буря.

Небо было затянуто мглистой, коричневой пеленой, заслонившей солнце, которое проглядывало сквозь разлившуюся по небу тучу тусклым, расплывчатым желтым пятном. Однако это была не грозовая туча; это высоко над землей струилась пыль, которую гнал от пустыни верховой ветер.

Но вот и по земле, неподалеку от дороги, пробежал, кружась, столбик пыли — спираль первого смерча. Покрывавший поля и дорогу песок зашуршал, зашевелился и, увлекаемый ветром, который все усиливался, потек между рядами хлопчатника, а из степи, из пустыни катились новые и новые волны песка, и над полями поднялись дымки уже многих смерчей, пустившихся в бесшумный, бешеный пляс.

Погодин прибавил газу. Ветер швырял ему вдогонку песок и комья земли, мотоцикл несся вперед в душном облаке пыли, но Погодин ни на что уже не обращал внимания: он думал о трактористах, которые вели свои машины сквозь заслоны вихрившегося в воздухе песка, он видел их усталые, грязные лица и, казалось, слышал упрекающие голоса: «Что ж это ты, директор, оставил нас один на один с бурей? Ведь не в игрушки играть шли мы в степь, а воевать, сражаться! Степь — она не из смирных! Что ей стоит наслать на нас зной, ветер, дождь, бурю? И нам надо встретить их во всеоружии. А ты, директор, прошляпил вагончики, в которых мы уже сегодня же, после схватки с бурей, могли бы передохнуть, поужинать, выспаться. Ай, сплоховал, директор, что и говорить, сплоховал!»

Смирнова Погодин застал не в управлении, а на берегу водохранилища. Молча поздоровавшись с Погодиным, инженер вновь устремил взгляд на разбушевавшиеся волны. Они с гулом бились о берег, отступали, словно для того, чтоб собраться с силами, и опять всей своей мощью обрушивались на береговые укрепления.

— Долбит, как молотом! — невесело усмехнувшись, сказал Смирнов.— Ничего, выстоим! Берег крепили на совесть.

Погодин, придерживая мотоцикл,— чтоб не свалился на землю,— проворчал:

— На все-то совести у тебя, видно, не хватает!..

Смирнов заинтересованно взглянул на него:

— Ну, ну, гроза степей, говори, зачем приехал?

— Пойдем-ка, где потише. Тут только лежа можно разговаривать: того гляди, с ног собьет.

Они прошли в управление, и Смирнов, усадив Погодина в кресло возле стола, подтащил поближе к нему стул, сел и сказал с чуть заметной настороженностью:

— Вижу, ты уж готов взорваться. Кто ж это тебя обидел, директор?

— Ты, Иван Никитич! И сильно обидел.

— Так... Ну-ну, разделывай на все корки! Тебе ведь не привыкать.

— Вот что, Иван Никитич,— хрипло сказал Погодин, переведя взгляд на окно, за которым, мешаясь с грязной мутью песчаной бури, уже густела вечерняя мгла,— ты ведь, как начальник строительства, в полной мере отвечаешь за успех нашего дела? За все отвечаешь, за каждый участок?

— Каждый из нас за все в ответе.

— Брось, Иван Никитич! Сейчас речь о тебе. Ты всем распоряжаешься, с тебя и спрос! Почему же ты ничего не сказал мне о том, что в твое распоряжение поступили вагончики? Кому ты их передал?

— Вагончиков было мало, Иван Борисыч.

— Верю, что мало. Но были! И ты отдал их своим экскаваторщикам. Грубо говоря, прикарманил. А мы что для тебя, чужие?...

— Иван Борисыч!

— Погоди, Иван Никитич.— Погодин развел руками и, словно удивляясь, сказал:— Вот ведь штука какая! Заняты мы все одним делом; тебя над нами поставили начальником; а у тебя, оказывается, все делится на свое и чужое: экскаваторщики в твоем ведомстве — о них можно и позаботиться, а трактористы — это чужие, погодинские. Пусть перебиваются, как хотят!

Смирнов молча поднялся со стула и принялся ходить по комнате, а Погодин, горячась, продолжал:

— Ну откуда это в тебе появилось, Иван Никитич? Или это такая уж въедливая, заразная вещь? Возведем вокруг своих ведомств глухие стены и думаем, как в поговорке, будто солнце и луна восходят только для нас! Обеспечил своих людей, свой участок— вот и молодец, вот и хорошо! Но у тебя — плюс, а у меня — минус. В общей-то сложности минус и получается. Буря-то, сам видишь, врасплох нас застала...

— А ты не паникуй,— буркнул Смирнов и, посмотрев на барометр, добавил: — Ничего с твоими трактористами не станется. Буря скоро утихнет.

— Эта пройдет, новая может нагрянуть.

— Выстоим! — уже менее уверенно сказал Смирнов.— Ребята у тебя богатыри, им никакая буря нипочем!

— Смотрю я на тебя, Иван Никитич, сам ты не веришь тому, что говоришь. А признаться, что неправ, неловко.— Погодин задумался.— С трудностями мы, конечно, справимся. Только что-то в последнее время молиться мы стали на трудности! Всякие бытовые неполадки и те в трудности перекрещиваем. И так уж привыкли к чудесному, великолепному качеству наших людей — не бояться трудностей,— что порой и не стараемся делать так, чтобы их, этих трудностей, было меньше.

Смирнов грузно опустился на стул и, усмехнувшись — над Погодиным ли, над собой ли,— угрюмо спросил:

— Все сказал?

— Хватит с тебя.

— Ну, вот что, дорогой Иван Борисыч,— строго и медленно, пытаясь скрыть за своей угрюмой ершистостью покаянную растерянность, произнес Смирнов,— слушал я тебя, слушал, а ничего нового так и не услышал. Незачем меня агитировать, я ведь и сам все знаю. Как прибудут новые вагончики, первым делом отправлю тебе.

— Не как прибудут, а сейчас! — решительно заявил Погодин, понимая состояние Смирнова.

— Негде мне их сейчас взять...

Погодин рассмеялся:

— Врешь, Иван Никитич, имеется, наверно, неприкосновенный запасец! Такой скряга, как ты, обязательно прибережет что-нибудь на черный день!

Смирнов сел за свой стол, выдвинул один из ящиков, достал какую-то бумагу и, подписав ее, протянул Погодину:

— На, возьми. И отстань. Завтра утром пошлешь людей на станцию, на склады.

— Людей я пошлю сегодня же,— вставая, сказал Погодин.

Смирнов тоже встал:

— Это уж как знаешь. И учти: уступил я тебе, чтоб только отвязаться.

Погодин лукаво улыбнулся.

— Понимаю, Иван Никитич.

— Претензий ко мне больше нет?

Погодин, посерьезнев, подошел к Смирнову и, положив ему на плечо руку, тихо сказал:

— Я ведь, Иван Никитич, не за вагончики на тебя обиделся. Без них я обошелся бы. А без тебя — вот без такого, каким я тебя знаю уж немало лет, мне трудно. Когда я услышал об этих вагончиках...

— Ладно. Помолчи.

— Понял меня, Иван Никитич?

— Молчи. И без того тошно.

Смирнов резким жестом взъерошил свои белесые волосы, а когда поднял голову, лицо у него было уже ясное, повеселевшее. Друзья помяли друг друга в неуклюжих мужских объятиях и двинулись к выходу.

Как только Смирнов распахнул дверь, ветер отшвырнул ее к наружной стене дома, петли скрипнули зло и жалобно, со стены посыпалась штукатурка. Смирнову еле удалось закрыть дверь. Он постоял несколько минут молча, прислушиваясь к грозному плеску волн, вглядываясь в сумеречную темь, наполненную движением туч, песка, ветра, и, неодобрительно покачав головой, спросил:

— И в этакую-то непогодь ты собираешься ехать обратно? Переждал бы...

— А кто знает, сколько придется ждать? Ты слышал узбекскую поговорку: ожидание

страшнее смерти? Нет, Иван Никитич, я уж поеду. Надо о вагончиках позаботиться. Да и вообще... Лучше сейчас быть там, на стане.

— Ладно. Езжай. Ни пуха тебе, ни пера.

Погодину хотелось поскорее попасть на стан, и он решил ехать не обычной дорогой, через кишлак, а прямиком, по протоптанной в степи узкой тропинке. Сейчас тропинку занесло песком (в такой темноте ее все равно трудно было разглядеть), буря стерла все ориентиры, и Погодин мчал наугад.

Мотоцикл трясся и подпрыгивал; казалось, он вот-вот рассыплется; очки служили ненадежной защитой от песка; песок попадал в глаза, набивался в уши, хрустел на зубах, больно колол лежавшие на руле руки. Вокруг ревела буря.

На пути, выбранном Погодиным, лежал неглубокий овраг. Днем ничего не стоило бы провести через него мотоцикл, но сейчас Погодин не мог даже определить, далеко ли до оврага. На полной скорости мотоцикл влетел на его край, подпрыгнул, повалился набок, и Погодин очнулся уже на дне оврага.

Он попробовал подняться, но при первом же движении колено пронизала острая боль, словно в него воткнули раскаленную иглу, и Погодин со стоном опустился на землю. Он лежал в темной степи, одинокий, беспомощный, страдая не столько от боли, сколько от обидного, мучительного сознания своей беспомощности, а буря все свирепела, и ветер наметал в овраг сугробы песка...

2

Когда песчаная буря обрушилась на степь, Уста Хазраткул, прикрыв стройматериалы брезентом, увел свою бригаду в Алтынсай, а Халим-бобо, отпустив колхозников, работавших в саду, сам решил отправиться вместе с Айкиз и Лолой на стан и, как ни уговаривали его, не изменил своего решения: ему хотелось в минуту опасности быть поближе к своему детищу — новому саду.

Буря гигантским колючим клубком катилась по степи, по полям, по дорогам, по улицам Алтынсая. Воздух стал красно-желтым от горячего песка. Ветер вздымал пыль, сухие ветки, вырванные с корнем цветы, и Айкиз легко было представить, что творится сейчас в кишлаке и на хлопковых полях. Нежные кустики хлопчатника засыпало, наверно, песком, деревья в Алтынсае поседели от пыли, с иных домов ветер посрывал крыши...

Халим-бобо, Айкиз и Лола двигались по степи медленно, отворачиваясь от ветра, который царапал им лица острыми своими когтями. Старик то и дело поглядывал назад, где оставил беззащитные саженцы, но сквозь плотную пелену песка ничего нельзя было увидеть.

Среди грохота бури, словно заблудившись, бродили и привычные, успокаивающие звуки: то с одной, то с другой стороны доносилось прерывистое гудение тракторов.

Старый садовод и его спутницы еле добрались до сборного домика — погодинского штаба — и, как вошли, сразу же опустились на стулья. В домике находились сейчас лишь работники МТС, несколько колхозников да свободные от работы трактористы. В небольшом кабинете Погодина было пусто, и Айкиз обрадовалась возможности немножко передохнуть, прийти в себя, собраться с мыслями.

Халим-бобо и Лола молчали, думали о чем-то своем. Айкиз, поднявшись со стула, подошла к окну.

Песчинки, взметенные бурей, стучали по стеклам и сеялись на земле возле дома. Стекла потускнели от пыли, и Айкиз с трудом различила в желтовато-буром тумане силуэты людей, которые ходили по стану, перебегали от одного строения к другому. Трактористы не бросили работу, и в груди у Айкиз острым холодком разлилось чувство восхищения.

На плечо Айкиз мягко легла чья-то рука. Айкиз вздрогнула, обернулась и увидела рядом со своим лицом лицо Лолы. Лола, беззаботная хохотушка Лола, была сейчас тихой, печальной, щеки ее, круглые и румяные, покрывала легкая бледность.

— Айкиз-апа, а где Иван Борисыч?..

— Наверно, в степи. Со своими трактористами.

— Он пошел сюда, на стан.

— А ты откуда знаешь?

— Знаю...— уклончиво сказала Лола и, обняв подругу за плечи, прижавшись к ней, попросила: — Мне неловко, Айкиз-апа... Пойди узнай, где он сейчас.

Айкиз вышла из кабинета. В коридоре, в комнатах толпились люди: лица у них были усталые, но оживленные. Трактористы подбадривали друг друга шутками, горячо спорили о чем-то; самые неунывающие резались в домино; иные спали, присев на корточки возле стены и уткнув головы в колени. В одном из спящих Айкиз узнала молоденького экскаваторщика; он, видно, отработал свою смену и, чтоб далеко не ходить, решил присоединиться к трактористам.

Никто из тех, к кому обратилась Айкиз, не знал, куда уехал директор, и она вышла на крыльцо. Домик стоял спиной к пустыне, но хотя здесь, на крыльце, было чуть тише и спокойней, чем в степи, Айкиз почувствовала себя так, будто заплыла на утлой лодчонке в открытое, бушующее море. Вокруг шумела буря, стены домика дрожали под порывами ветра, а в мутной, потемневшей дали веселыми маячками светились бледные огоньки тракторных фар. Хозяевами в степи оставались люди.

— О-о-о! Никак наш председатель? — послышалось рядом, и Айкиз, повернув голову, увидела Суванкула, который подошел к крыльцу и устало облокотился на перила.

— Здравствуй, Суванкул. Как работается?

— Подходяще, председатель! Как говорится, с ветерком.

— Не жалеешь, что ушел из колхоза?

— Конечно, колхозу без меня трудновато. Да и мне без него скучно. Но ведь надо ж было помочь МТС! Погодин уж просил меня, просил...

— Расхвастался! — засмеялась Айкиз.— Кстати, ты не знаешь, где он сейчас?

— Директор-то? Он, видно, укатил к начальнику Смирнову. Я ему, понимаешь, сигнализировал насчет вагончиков. А раз Суванкул сигнализирует, надо принимать срочные меры. Директор оставил мне свое «большое спасибо», а сам уехал.

— Значит, он у Смирнова? Ну, спасибо тебе, Суванкул!

— Ай, еще одно «спасибо»! Куда мне их девать?

Но Айкиз не дослушала Суванкула. Торопливо простившись с ним, она поспешила к поджидавшей ее Лоле.

Лола все стояла у окна, прижавшись лбом к стеклу, а старый Халим-бобо сидел на стуле, чуть ссутулившись, положив локти на колени, и, казалось, дремал. Но когда вошла Айкиз, он поднял голову и с беспокойством спросил:

— Как, дочка, не утихает буря?

— Нет, дедушка, еще пуще разыгралась.

Старик сокрушенно покачал головой и, кряхтя, стал подниматься со стула:

— Ай-ай!.. Поломает она мои саженцы. Схожу посмотрю...

Айкиз, обняв старого садовода за плечи, мягко усадила его на место:

— Сидите, дедушка. Куда вы в такую бурю? Да и темно в степи, все равно ничего не увидите. Подождем до утра...

Айкиз старалась бодриться, но глаза у нее были темные-темные, словно и их заволокла непогодь. Халим-бобо по-отцовски ласково погладил своей сухой, шершавой ладонью ее руку, утешающе улыбнулся:

— Ничего, дочка, все обойдется,— и, понизив голос, лукаво добавил: — Пойди лучше пошепчись с Лолой. Видишь, как она на тебя смотрит — будто съесть хочет!

Лола, и правда, смотрела на нее с тревожным ожиданием. Айкиз подошла к ней и тихо сказала:

— Он у Смирнова. Поехал хлопотать насчет вагончиков для трактористов.

— Позвони Смирнову, Айкиз-апа!

Айкиз усмехнулась (так усмехаются взрослые, готовясь исполнить каприз ребенка) и шагнула к столу, на котором стоял громоздкий, допотопного вида телефон. Она долго крутила ручку, но в трубке томилась не нарушаемая обычным потрескиванием и писком тишина...

— Видно, бурей оборвало линию. Но ты не волнуйся, Лолахон. Ничего с ним не случится. Он, наверно, сидит сейчас у Смирнова. Или поехал к себе в МТС.

— Нет, апа-джан. Нет!.. Он не стал бы задерживаться у Смирнова. Он уже давно должен быть здесь.

— Да почему, Лолахон?

Лола кивнула на окно:

— Видишь, что творится? Он обязательно должен вернуться на стан! — Она покраснела, опустила глаза, докончила шепотом: — Я уж знаю Ивана Борисыча...

В груди у Айкиз шевельнулось что-то похожее на зависть. Глаза Лолы, слова Лолы — все дышало любовью и чистой, крепкой верой в любимого. Она была сейчас далеко от Погодина, но, казалось, видела его и могла предугадать каждый его шаг.

— Погоди, сестренка, я сейчас узнаю, нельзя ли наладить связь. Вы пока отдыхайте, а я пойду потолкую с трактористами.

Айкиз направилась было к выходу, но в это время дверь отворилась и на пороге появились Умурзак-ата и Алимджан. И лица и одежда у обоих были густо присыпаны пылью. Густые, черные, сросшиеся на переносице брови Алимджана были сейчас седыми, как у старого Умурзак-ата, а под бровями негаснущими угольками в серой золе весело и возбужденно посверкивали глаза. Алимджан встряхнулся, сразу окутавшись густым, коричневым облаком, поздоровался с Халим-бобо и Лолой, пододвинул Умурзак-ата стул, а потом, подойдя к Айкиз, виновато сказал:

— Прости меня, Айкиз. Совсем замотался! Из бригады — в кишлак, из кишлака — в бригаду! Так целый день и бегал! Обо всем хотелось узнать, со всеми повидаться. Соскучился я за эти месяцы по колхозу...

— А по мне? — требовательно, с упреком шепнула Айкиз.

— Знала бы ты, Айкиз, как я люблю тебя, умную мою, красивую...— Алимджан зарделся, как девушка, оглянулся смущенно и спросил: — Да ты пообедала без меня?

— Угу, пообедала,— кивнула Айкиз и проглотила голодную слюну.— Я была у строителей, с ними и поела...

— Вот и отлично! А я боялся, что ты будешь ждать меня и останешься голодной.

— Вы откуда сейчас?

— С поля,— сказал Алимджан.— Пытались защитить хлопок от бури. Да куда там!

— А ты не скромничай, сынок! — ласково упрекнул его Умурзак-ата.— Мы немало сделали! — И, обращаясь к Айкиз, восхищенно воскликнул: — Алимджан наш — богатырь, дочка! Настоящий коммунист! Когда началась буря, многие разошлись по домам: какая, мол, уж тут работа, разве бурю переспоришь? Мы тоже сначала приуныли. Видим, какая беда грозит нашему хлопку, да от растерянности не знаем, что делать. Лишь Алимджан не пал духом!

— Отец! — просительно произнес Алимджан.— Вы уж так меня расписываете... Поверь, Айкиз, ничего особенного я не сделал. Дехкане — вот настоящие герои!

Умурзак-ата, пряча улыбку, несердито оборвал зятя:

— Старшие говорят — ты молчи! Так вот, дочка. Взял он кетмень и открыл воду. Тут мы поняли, что он задумал. Ветер песок с места на место переносит, а увлажнишь его, ему в воздух уж не подняться. Схватились мы за свои кетмени, начали пускать на участок воду. Трудно нам пришлось, дочка, куда как трудно! Ветер с ног валит, глаза от песка слезятся, в двух шагах ничего не видно. Да и вода в арыках бунтует! Но Алимджан ведет нас в атаку, и мы идем за ним, как бойцы за своим командиром! Эх-хе, что греха таить, я себя молодым почувствовал, вспомнил, как когда-то с басмачами дрался!

Айкиз слушала отца, затаив дыхание.

— Вы и ночью были в поле?

— А мы принесли из кишлака фонари «летучая мышь», повесили их на шею и опять схватились с бурей! Глядим, а уж на других участках тоже закачались слабые, чуть видные искорки: дехкане из остальных бригад устыдились своей слабости, вернулись в поле. От фонарей-то, конечно, какой свет! Путь нам наши сердца освещали, дочка. Большим они горели огнем! Самый опасный натиск бури мы отбили. Видит Алимджан: люди еле на ногах держатся, оставил в поле нескольких поливальщиков, а остальным велел идти в кишлак.

— Что же вы сами-то сюда пошли, а не в кишлак? Вам ведь отдохнуть надо!

Алимджан тихо сказал:

— Я знал, что ты здесь...

Она на секунду, незаметно для других, прижалась плечом к его груди, подняла на него посветлевший взгляд, а потом повернулась к отцу и спросила:

— Отец! Алимджан! А вы не видели сегодня Погодина?

— Постой, постой, дочка,— вскинулся Умурзак-ата.— У него ведь мотоцикл?

— Так вы видели его? — вырвалось у Лолы.

— После полудня кто-то проехал мимо нас на мотоцикле. Несся как бешеный!

— Это Иван Борисыч! — снова не вытерпела Лола и поспешила отвернуться к окну, чтобы не увидели густого румянца, залившего ее лицо.

— А обратно он не проезжал? — спросила Айкиз.

— Нет, дочка.

Алимджан с улыбкой взглянул на сестру и, подмигнув жене, громко произнес:

— Он, верно, в кишлаке или у себя в МТС. За Погодина тревожиться нечего.

— Никто и не тревожится,— не поворачивая головы, пробормотала Лола.

В этот вечер и в эту ночь на стане не спали, лишь старики — Халим-бобо и Умурзак-ата — вздремнули на своих стульях.

Алимджан и Айкиз ушли к трактористам. Трактористы работали с каким-то злым и в то же время веселым, хмельным задором. Они словно бросили вызов расходившейся буре. Это была азартная схватка с природой, когда кровь в жилах бурлит, а слух, зрение, мускулы — все напрягается до предела.

Айкиз шла по степи, и ей радостно было разрезать плечом, как волну, упругий, шершавый воздух, отфыркиваться, когда в лицо мелкой картечью бил острый песок, и идти, идти вперед наперекор непогоде!

Когда Айкиз вернулась на стан, ей сообщили, что оборванная линия восстановлена. Телефон работал.

Лола стала еще бледней, она даже осунулась. Глаза ее влажно блестели, высохшая слеза оставила на лице блестящую полоску. Айкиз достала платок и, пряча улыбку, вытерла подруге щеку.

— Ну, что ты, Лолахон?

— Айкиз-апа,— как-то обессиленно сказала Лола,— я звонила Смирнову... Иван Борисыч поехал сюда, на стан...

— И... и что же?

— Он выехал давно, очень давно. В МТС его тоже нет... Да ведь он бы и сам позвонил!

Халим-бобо (приход Айкиз разбудил обоих стариков) подошел к подругам и, обласкав Лолу отцовским, жалеющим взглядом, сказал:

— Да, доченьки, с директором, видно, приключилась беда.

— Апа-джан! — взмолилась Лола.— Пойдем искать его!

— Что ты, Лолахон?! В такую погоду?..

— Ах, апа-джан, если бы даже все дороги замело снегом, если бы на землю обрушился град, если бы весь песок Кзыл-Кума поднялся в воздух, я все равно...

Она говорила торопливо и горячо, словно произносила жаркую клятву, но Айкиз остановила подругу:

— Сейчас бесполезно его искать, Лолахон. Взгляни, какая темень на дворе! Мы только выбьемся из сил.

— Что же делать?

— Наберись терпения, сестренка. Нетерпеливый сам себя губит. Вспомни пословицу: дождись, пока плоды созреют, и тогда они покажутся тебе слаще халвы!

— Ай, мне сейчас не до пословиц!

— Наша Айкиз правильно говорит, дочка,— сказал Халим-бобо.— Надо дождаться утра. Как ни горько, а надо ждать. А утром я сам пойду с вами. Поверь, дочка, дела, за которые берется старый Халим-бобо, завершаются благополучно. Ты бы пока отдохнула, сядь вот за этот стол да вздремни.

— Нет, дедушка, мне сейчас не до сна.

Старик покачал головой:

— Приехала ты сюда отдохнуть, набраться сил, и нет тебе ни сна, ни покоя. Да еще в саду работаешь. Может, освободить тебя от этой работы?

— Что ты, дедушка! Без дела мне будет скучно. Когда работаешь в саду, не замечаешь, как летят дни!

Айкиз хоть и была встревожена исчезновением Погодина, но не могла не улыбнуться: знаю я, сестренка, почему тебя тянет в сад, почему дни для тебя летят веселыми, быстрыми птицами! Ведь рядом Иван Борисович! Она ласково погладила Лолу по плечу и успокаивающе сказала:

— До утра недалеко, сестренка. Подождем.

До рассвета, и правда, оставалось всего несколько часов, но Лоле эти часы показались бесконечными.

Буря свирепствовала всю ночь, и рассвет забрезжил какой-то пугливый, нерешительный. У Лолы от бессонной ночи глаза покраснели, веки слегка припухли, кожа на лице словно подернулась серым пеплом.

— Пойдем, Айкиз!

— Сейчас, сестренка. Я попросила для нас коней.

Летнее утро — это всегда летнее утро, и ничто не может его победить. Ветер по-прежнему крутил в воздухе тучи песка и пыли, но к нему уже привыкли. Солнечный свет, сеявшийся сквозь эти тучи, был чуть тревожным и даже зловещим, но это все-таки был свет начинающегося дня, а днем все выглядело не так страшно и грозно, как ночью.

Умурзак-ата и Алимджан ушли в поле. Перед уходом Алимджан наказал Айкиз: если понадобится его помощь, пусть немедля пришлет кого-нибудь за ним. Старый садовод предложил себя в проводники, но Айкиз и Лола, жалея старика, отказались от его услуг, и он медленно побрел к своему саду.

Вскоре тронулись в путь и Айкиз с Лолой. Тропинки и дороги были покрыты песком. Айкиз мысленно провела прямую от стана к водохранилищу (вероятнее всего было, что Погодин поехал именно так — прямиком через степь), и конь, подчиняясь ее воле, двинулся вперед, придерживаясь этой воображаемой дороги и в то же время делая большие зигзаги.

Часа через два подруги, петлявшие по степи, добрались до неглубокого, но большого оврага, который местные жители называли «Бешчукур» — Пять буераков. Кони, осторожно перебирая копытами, вязнущими в песке, спустились в овраг, и вдруг Лола вскрикнула:

— Айкиз! Вот он!

Погодин весь был занесен песком, виднелись только руки да голова. Он попытался приподнять ее, но тут же снова уронил в мягкий песок.

Лола спрыгнула с коня, подбежала к Погодину, нагнулась над ним и, отгребая с груди и шеи песок, поцеловала в растрескавшиеся, пересохшие губы. Погодин слабо улыбнулся, шепнул хрипло:

— Ничего, Лола... Ничего...— и, к ужасу девушки, бессильно смежил воспаленные веки.

— Айкиз-апа! — закричала Лола.— Скорее, он умирает!..

С губ Погодина не исчезала робкая улыбка. К счастью, Айкиз не утеряла обычной решимости и хладнокровия. Она опустилась рядом с Лолой на колени и попробовала поднять Погодина. Он застонал... Увидев, как побелела Лола, Айкиз кивком показала ей на коней:

— Подведи их ближе!

Лола отошла, все оглядываясь назад, а Айкиз, до боли прикусив губу, напрягшись всем телом, подтянула Погодина к краю оврага. Погодин с трудом открыл глаза, благодарно взглянул на Айкиз, шепнул что-то, но налетевший порыв ветра заглушил его слова.

— Что с тобой? — морщась от жалости к Погодину, спросила Айкиз.— Где болит?

— Нога... С ногой что-то...

— Придется немного потерпеть, Иван Борисыч.

Погодин кивнул:

— Авось, сдюжу.

— Уж ты крепись. А то Лола вот-вот упадет в обморок.

Айкиз с трудом подтащила отяжелевшее тело Погодина к лошади, с помощью Лолы осторожно подняла и пристроила на седле. Сама она уселась позади Погодина и, нагнувшись к Лоле, строго сказала:

— Поедешь за мной. И не реви. Ему и без того худо.

Лола ответила ей взглядом, полным искреннего восхищения: она уже стыдилась недавнего отчаяния, любовалась Айкиз, державшейся с таким мужеством.

Придерживая одной рукой Погодина, а другой сжав поводья, Айкиз пустила коня легким шагом, и через полчаса — час путники, пробившись сквозь бурю, достигли тракторного стана.

За все это время Погодин не издал ни единого стона, а когда ему оказали первую помощь, решительно заявил: ему уже лучше, ни в какую больницу он не поедет, поднимать целину — это не в игрушки играть, и его место здесь, на стане.

Директора уложили на койку, принесли из его кабинета стол с телефоном, Погодин сразу же повеселел, приободрился, и комната, словно улей, наполнилась деловитым, беспорядочным шумом.

Лола не отходила от постели Ивана Борисовича, и никого это не удивляло: Погодин во всеуслышание объявил, что как только он выздоровеет, они с Лолой поженятся.

Перевел с узбекского
Ю. КАРАСЕВ.

Новая опера в Риге

Е. ЛОГИНОВА

Жил в сельской местности Курземе скромный латвийский учитель Екаб Яншевский (1865—1931 годы). Учил детей. Дети становились взрослыми, потом приводили к нему сыновей и дочерей. Немало видел на своем веку учитель. На его глазах прошла жизнь многих семей. Сроднился с бытом хуторян — мелких собственников и арендаторов,— видел горькую долю батраков, видел, как зреет в народе сознание несправедливого, полюбил, почувствовал народный юмор...

«Зеленая мельница» М. Зариня в Театре оперы и балета Латвийской ССР. Иева, дочь мельника.

Привык Яншевский записывать увиденное и услышанное. Сначала это были народные дайны (песни) и танцы, праздничные обряды, описания одежды и т. д. Потом появились родословные соседей, характеристики их. Тщательно записывались диалоги вокруг тех или иных событий, рассказы местных говорунов, росли обобщения, размышления, выводы самого учителя. А когда Яншевскому стало под шестьдесят, он взялся за обработку записанного, и оказалось, что груда тетрадок, заполнившая ящики его рабочего стола, представляет собой не просто свод всяких сведений — его записи давно стали художественным произведением. Последняя страница была закончена к 1923 году, а после увидал свет шеститомный роман бывшего сельского учителя Екаба Яншевского «Родина».

С тех пор к этому оригинальному произведению обращаются не только латвийские читатели, которым нравится манера обстоятельного, многопланового, правдивого повествования человека, прожившего всю жизнь среди тружеников и полюбившего их. Историки, этнографы, художники, режиссеры, писатели республики находят у Яншевского ценные свидетельства прошлой эпохи, бытового уклада латвийской деревни второй половины XIX — начала XX века.

Ныне по мотивам романа «Родина» создана первая латвийская комическая опера. Под названием «Зеленая мельница» ее недавно поставил в Риге Театр оперы и балета Латвийской ССР. Музыка принадлежит Маргеру Зариню, либретто написано Фрицисом Рокпелнисом в содружестве с композитором.

— Мы взяли из романа лишь некоторые страницы, связанные с историей деревенской мельницы, с раскрытием преступления ее хозяина Кирмграузиса,— заявляет постановщик спектакля режиссер Петерис Петерсон.— Мы,— поясняет он,— это композитор, либреттист и я. Музыка оперы рождалась почти параллельно с либретто и с режиссерским планом. Затем наше «трио» стало «квартетом»: присоединился художник Паулис Шенгоф. Шаг за шагом складывались контуры будущего спектакля. И вот теперь премьера...

Хозяин мельницы Кирмграузис.

Об оформлении спектакля стоит сказать особо. Представьте себе народную вышивку крупным крестом, да еще в мягких, почти гобеленных тонах. В центре «вышивки» (оформления) мельница — почти бессменный общий фон спектакля. «Вышивкой» украшена одежда всех действующих лиц, крестики стали орнаментом мебели, утвари и т. д. Все это сначала воспринимаешь как естественное выражение народной основы спектакля и его первоисточника. Но на сцене развивается действие, и замысел авторов спектакля начинаешь воспринимать глубже. И музыка, пронизанная далеко не добродушной иронией, и, можно сказать, главная тема постановки служат одной цели — разоблачению попыток идеализации «патриархальной» латышской старины, которой грешат иные заморские ее любители, изображая кулака этаким благодетелем своих работников.

В «Зеленой мельнице» участвует до ста пятидесяти актеров — солисты, мимисты, хор, балет. Среди этой «толпы» выделяются до тридцати персонажей, на которых держатся драматургия оперы и сценическое действие. Нет возможности охарактеризовать каждого, хотя надо отдать справедливость режиссеру и актерам: на сцене ни одной статичной фигуры!

В драматургии оперы особое место занимает раскрытие образа богача-стяжателя Кирмграузиса (его роль исполняют Арнольд Екабсон и Артур Фринберг). Этот человек — из галереи типов старой латвийской деревни, один из тех, кто держал в руках волость: являясь старшиной, он облечен двойной властью. Композитор рисует его заботливым отцом, добродушным хозяином, который воспитывает сиротку Маруте, устраивает за свой счет народные гулянья. Но сиротку он сделал батрачкой и за хороший выкуп насильно выдает замуж, батраков держит впроголодь, а потом раскрывается и зловещая тайна его обогащения. То и дело проступает в этой приятной на слух, слегка игривой музыкальной характеристике злая насмешка: кулак показывает волчьи зубы.

Целиком со страниц романа вышли на сцену и деревенский портной, и неудачливый поэт Спрукст, и тупица — сын хуторянина, прозванный Чапинем (дурачком), и самодур — немецкий барон. А вот мельникова дочка, провинциальная манерная «барышня Иева»,— образ, выдуманный либреттистами, но очень типичный для той поры.

Хотелось бы выделить из всей массы действующих лиц три образа из народа. Это прежде всего батрак Биезума Бозумс. Упрямый, могучий, как вол, он тянет безропотно, до поры, до времени, свою лямку. Характерно, что имя Бозумса давно бытует в латвийской деревне: так стали называть здесь неуклюжих работяг, добряков и наивных мечтателей, которые, однако, способны обрушиться всей своей силой на несправедливость. Композитору и артистам (Майгуру Андерманису и Элмару Лапситиси) очень удался весь облик этого человека, выразительный и медлительный речитатив, которым в основном передается его «речь».

Столь же естественно, но, понятно, совсем в другом музыкальном ключе раскрываются в опере образы двух деревенских кумушек-болтуний — Тэвине и Петеренэ. Их играли на премьере Анна Лудыня и Айна Упмале. Авторы наделили Тэвине и Петеренэ фразой, которая стала одним из лейтмотивов оперы: «Здесь, или там, или еще где-то, но так могло случиться!» Этим народным присловьем начинаются многие картины спектакля, а над сценой — как своеобразный пролог и эпилог повествования — повис свиток; на нем начертаны те же слова...

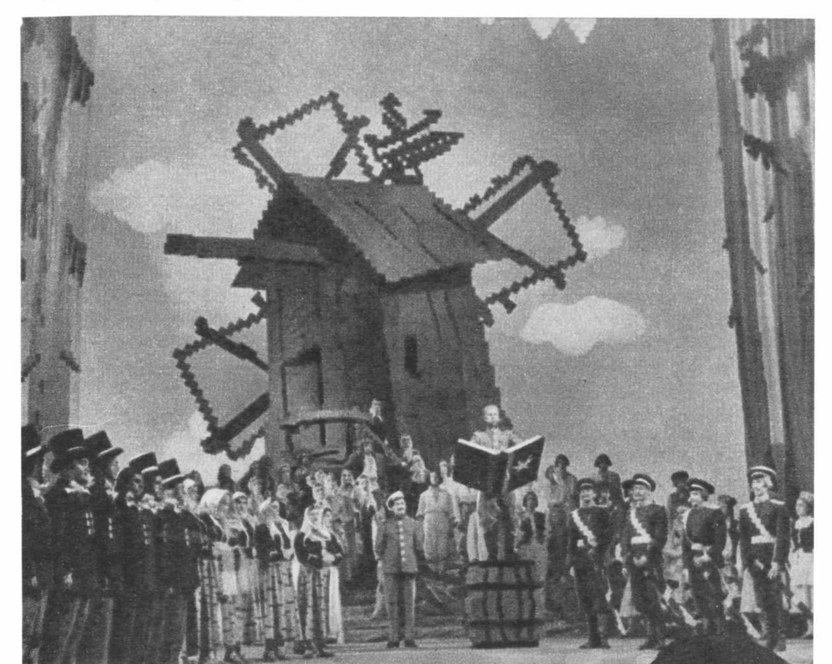
Музыкальная драматургия «Зеленой мельницы» и сценическое претворение ее во многом необычны. На обсуждении спектакля иные критики упрекали композитора и режиссера в «неоправданном смешении жанров». Однако можно ли упрекать автора оперы, скажем, в широком пользовании речитативом или во введении прямых разговорных диалогов? Так ли уж неприемлемо для сатирического музыкального повествования обращение и к лирической линии? Именно это, нам кажется, позволило актерам в ряде случаев избегнуть прямолинейности образа. Певице Ж. Гейне-Вагнер удалось в своей капризнице Иеве показать пробуждение первого настоящего чувства, передать боль его неразделенности, а наивному, придурковатому Чапиню в исполнении П. Аболкална растрогать зрителя почти детской беспомощностью робкого юноши.

А рядом — острая пародия на сентиментальные, слезливые романсы той эпохи. Их тщится сочинять Спрукст или исполняет своим визгливым «сопрано» Иева. Много и других находок такого рода есть и в музыке и в актерских решениях этого интересного спектакля.

Новая постановка Театра оперы и балета Латвийской ССР говорит об огромных возможностях для драматургов и музыкантов черпать темы из такого богатого источника, каким является национальная литература.

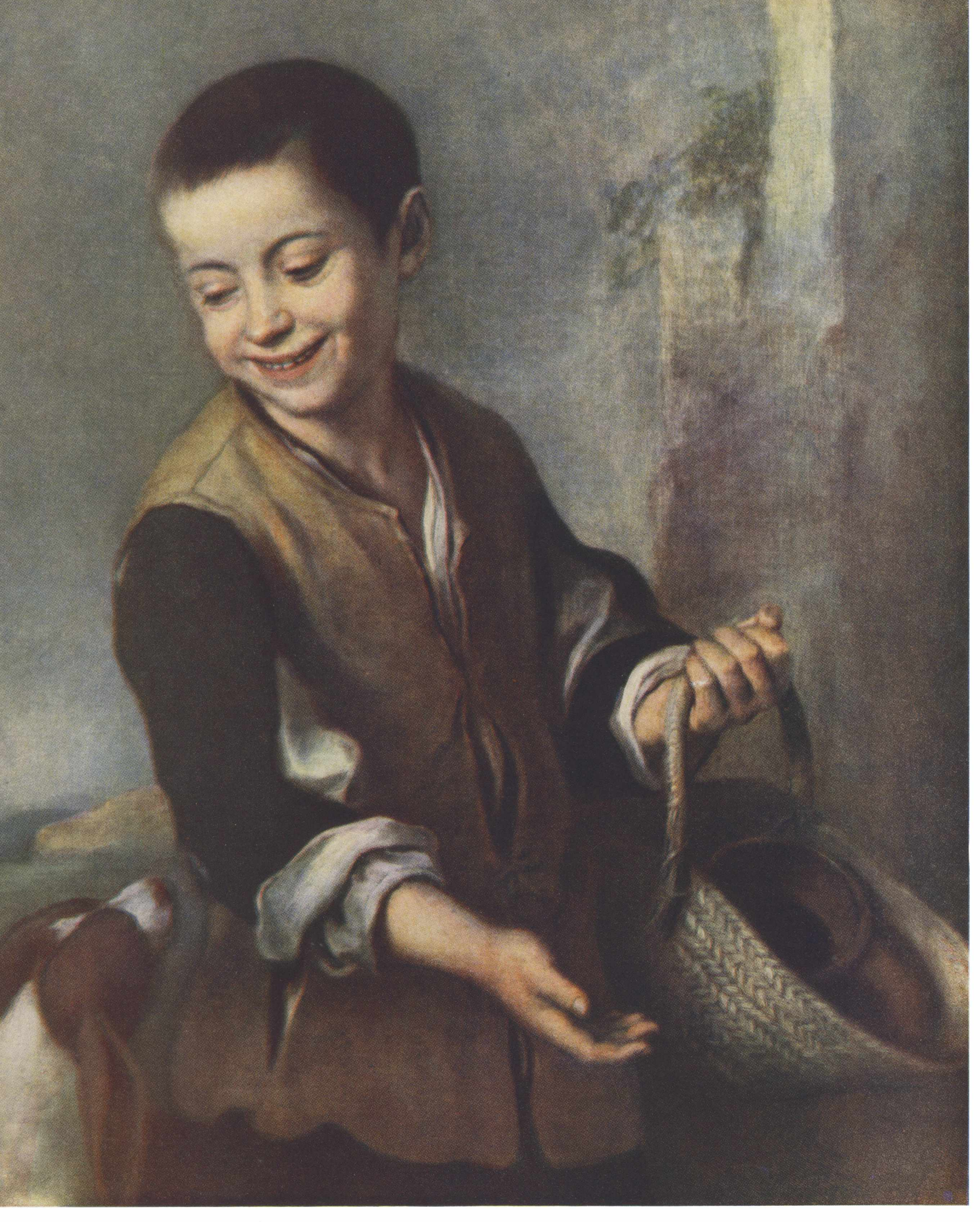
Финальная сцена оперы. Оглашается акт о взятии под стражу Кирмграузиса.

Фото В. Лаврентьева.

Диего Веласкес (1599—1660). ЗАВТРАК. Около 1617 года. **Государственный Эрмитаж.**

Бартоломе Мурильо (1617—1682). МАЛЬЧИК С СОБАКОЙ. Около 1650 года. **Государственный Эрмитаж.**

Амброзиус Гольбейн (около 1495—1520). ПОРТРЕТ МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА. 1518 год. Государственный Эрмитаж.

Луи Ленен (1593—1648).
СЕМЕЙСТВО МОЛОЧНИЦЫ.
(1640—1645 годы).

Государственный Эрмитаж.

ШАГИ ВЕЛИКАНА

Николай ДРАЧИНСКИЙ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

Монтажники за работой.

Река металла

В легендах и сказках — душа народа.

Легенда говорит: давным-давно был великан Паньгу; он взял молот и раздробил горы, загромождавшие землю, а горы были до неба; восемнадцать тысячелетий без устали трудился Паньгу, расчищая плодородные равнины, творя китайскую землю, а когда он умер, его жилы стали реками, кожа — полями, волосы — зеленым лесом, дыхание — ветром; от него пошли люди... Заметьте, этот сказочный прародитель китайцев был великим тружеником и умер, утомленный трудами.

Трудолюбие китайцев вошло в поговорку. Но долгое время плодами их трудов пользовались другие. Пот крестьянина, рабочего обращался в золотые слитки в сейфах Сити и Уолл-стрита. Бедность, техническая отсталость — вот тяжелое наследие, которое досталось народной республике от прошлого. Как преодолеть все это в кратчайшие сроки?

...Товарищ Чэн, председатель сельскохозяйственного кооператива из Юньнани, рассказывая мне о росте урожайности, ликвидации неграмотности и прочих делах, добавил также, что они сейчас у себя в деревне строят металлургический завод, строят силами нескольких кооперативов при небольшой материальной помощи государства. На первый взгляд это может показаться фантазией: в деревне крестьяне строят металлургический завод! Но именно в этом одна из характерных черт нынешней китайской действительности.

За прошедшую пятилетку в Китае развивалась крупная, централизованная промышленность. Вторая сессия VIII съезда компартии отметила, что этого недостаточно. Поставлена задача — наряду с крупной всемерно развивать мелкую, местную промышленность. Создавать местную промышленность — это значит развивать инициативу деревни, крестьянства, которое составляет пять шестых населения. Шестьсот миллионов человек — главное, неоценимое богатство страны. Если каждый положит по кирпичу, вырастет целый город.

В каждом пятом уезде Китая есть уголь, в каждом десятом — железная руда. И сейчас повсюду началось строительство небольших металлургических предприятий. Они создаются очень быстро и стоят дешево. Прежде чем развернуть эту массовую кампанию за производство металла, были проведены эксперименты, которые дали отличные результаты. Подобный метод в Китае называют «от точки к кругу».

Одна такая точка появилась в прошлом году в деревне Анди, среди гор, богатых полезными ископаемыми. Завод строили сообща местные власти и окрестные кооперативы. Уездный комитет партии направил на стройку четырех руководящих работников, столько же квалифицированных рабочих, два автомобильных мотора и три воздуходувки. Через четыре месяца заводик дал первую плавку. Окрестные крестьяне добывали для него руду и изготовляли кокс в порядке подсобного промысла. Все дело обошлось в 21 тысячу юаней. А уже через 7 месяцев он дал чугуна на 70 тысяч юаней. Крестьяне получили большой дополнительный доход и в этом году решили увеличить производство в 24 раза.

Так осуществляется призыв Коммунистической партии Китая добиться того, чтобы валовая продукция местной промышленности превзошла в ближайшие 3—5 лет продукцию сельского хозяйства. Десять тысяч маленьких и средних домен будет построено в Китае за один год. От каждой из них потечет небольшой ручеек, но, слившись, они образуют могучую реку столь необходимого стране металла — 20 миллионов тонн чугуна в год!

Но в стране, конечно, возводятся и большие металлургические комбинаты.

Быстро, экономно

Три года назад на пустынную равнину за Учаном, одним из трех городов, составляющих ныне Ухань, прибыли первые партии рабочих и несколько автомашин. Люди стали сооружать себе жилища из бамбука и травы. К тому времени геодезисты уже расчертили землю. Вбитые колышки означали: доменный цех, мартеновский, прокатный, агломерационная фабрика, коксовые батареи. Стояла страшная жара. Несколько шоферов, приехавших с севера, из Аньшаня, слегли, не в силах держать баранку в раскаленных грузовиках...

И вот сейчас мимо нашей машины промелькнули последние, окраинные фанзы Учана, и перед глазами развернулась грандиозная индустриальная панорама. До чего она похожа на виденную не раз картину в Комсомольске-на-Амуре, в Череповце, в Краматорске! Слева из щебня, из груд кирпича возникал новенький город с кинотеатрами, магазинами. Справа из развороченной земли поднялись стальные тела кауперов, конструкций, цехов, трубы, краны. И в самом центре этого нагромождения стали, бетона, кирпича стоит она, стоит, как принцесса, в окружении железной свиты, ее величество домна! Она еще в лесах, но уже ясно видны массивные формы, украшенные красным полотном лозунга: «Дадим плавку 1 октября 1958 года!»

А между домной и новыми домами, среди серых времянок и бараков, группа ничем от них не отличающихся приземистых фанз обнесена невысоким забором. Здесь управление строительством, командный пункт пятидесятитысячной армии рабочих.

Стол или несколько столов, настольная лампа, вентилятор и термос с чаем — вот типичная обстановка таких служебных помещений.

Генеральный директор металлургического комбината товарищ Ли И-чин, высоколобый брюнет, в очках, легкой белой рубахе навыпуск, беспрерывно обмахивается веером. Стоит жара, как в те дни, когда начинали строить завод.

Зная, что директор — человек очень занятой, я попросил его ответить лишь на один вопрос: в чем главные задачи строителей сейчас, после второй сессии VIII съезда Компартии Китая? Я знал, что товарищ Ли И-чин только что вернулся со съезда.

— Мы должны построить комбинат быстро и дешево,— сказал директор.— По первоначальному плану предполагалось закончить работы первой очереди в 1961 году. Но сейчас, в обстановке скачка, мы дадим чугун 1 октября этого года — к 9-й годовщине Китайской Народной Республики. А в 1961 году мы должны завершить строительство второй очереди комбината.

Во-вторых, — продолжал товарищ Ли И-чин,— мы построим комбинат за сумму, в два раза меньшую, чем определялось по

См. «Огонек» № 40.

первоначальной смете. Откуда берется такая колоссальная экономия? Мы сокращаем строительство некоторых непроизводительных объектов, заменяем металл железобетоном, больше оборудования изготовим своими силами. Люди работают с невиданным энтузиазмом, они выполняют производственные задания и быстрее и дешевле.

Уханьский металлургический комбинат — это 4 больших домны, 8 мартенов, медеплавильный завод, рудники и большое число других предприятий и цехов. Это один из 56 крупнейших индустриальных объектов нового Китая, сооружаемых при братской помощи Советского Союза.

Семь советских инженеров здесь дружно работают со своими китайскими коллегами. Характерно, что в Аньшане — первенце крупной китайской металлургии — было более ста советских специалистов. Быстро растут, впитывают опыт советских друзей молодые инженеры народного Китая.

— Это замечательные, талантливые люди! — с восторгом отзывается о них ленинградец З. Модорский, который давно работает в КНР.— Раньше они обычно только спрашивали: как будем делать? Теперь спрашивают: почему? Любое полезное новшество немедленно внедряют в производство. Хорошая техническая зрелость отличает их труд.

Вместе с работником парткома товарищем Чень Сын-я мы идем по строительной площадке. Он хочет познакомить меня с девушкой У Юнь-мэй, которую прозвали здесь именем древней воительницы — Му Гуй-ин. Чтоб повидать Юнь-мэй, нам пришлось подняться на самую вершину грохочущей домны, предварительно надев защитные бамбуковые шлемы, которые носят здешние монтажники. Товарищу Ченю здесь все знакомы, и, пока мы поднимаемся по бамбуковым лесам среди путаницы кабелей, металлических конструкций, огненных струй электросварки и грохота пневматических молотков, он здоровается с рабочими, а мне кратко представляет:

— Сварщик Ван Хуэй, один из лучших рационализаторов.

— Бригадир монтажников Кан Синь-ху — настоящий герой.

— Ян Тэ-чун. Ему присвоено звание отличника труда республики. Это высокая честь.

— А вот и Юнь-мэй!

Сварщица стояла на красной стальной трубе над пропастью. Внизу копошились люди, сновали игрушечные машины. Героиня оказалась невысокой, хрупкой девушкой в традиционных синих брюках и куртке. Челка густых черных волос выбивалась из-под белой шапочки. Когда товарищ Чень назвал ее «героиней стройки», девушка смутилась и прикрыла лицо железной маской сварщика.

— Жила в деревне, затем пришла на стройку. Определили в контору, а очень хотелось самой строить домну. Долго упрашивала, чтоб отпустили из конторы. В прошлом году поступила на курсы. Ими руководил Тун Цо-ли, нынешний бригадир. Через четыре месяца стала работать самостоятельно. Вот и все... Тун Цо-ли учился сварке в Советском Союзе, в городе Днепродзержинске. Вот это сварщик! — закончила свой краткий рассказ Юнь-мэй.

Когда мы с товарищем Ченем уже были внизу, я спросил, почему девушку называют именем древней героини-полководца. Чень рассмеялся:

— Она долго воевала с начальником отдела кадров! Тот не пускал ее на курсы: не женское это, мол, дело. «Не женское, — с гневом воскликнула девушка, — а Му Гуй-ин?!» Так это имя за ней и закрепилось... О, смотрите, Ко Хун-юй завоевал все-таки переходящее знамя монтажников!

Мимо рыжих металлических громад кауперов шли несколько человек; один из них нес знамя. Рабочие что-то кричали им вслед и хлопали в ладоши. Мы последовали за ними, и вскоре товарищ Чень познакомил меня с двумя друзьями-соперниками: бригадирами Ко Хун-юем и Лю Цен-фу. Им было поручено провести монтаж воздухонагревателей — очень важного агрегата домны. Оба бригадира раньше работали в Аньшане. У каждого по десять монтажников: восемь рабочих и два интеллигента, проходящих трудовую закалку.

Технический отдел составил план монтажа. Но, по существующим здесь правилам, план не имеет силы производственного закона, пока его не обсудят и не примут сами исполнители. Три дня начальник участка Чень Фу-тай и бригады в полном составе обсуждали по вечерам план монтажа. Люди живут здесь же, на площадке, и только по воскресеньям ходят к семьям в поселок.

В этот план рабочие внесли десятки мелких и крупных поправок. Предполагалось вести монтаж совместно двумя бригадами; предложили работу разделить: много людей — больше сутолоки, беспорядка, меньше ответственности.

— Да, но на две бригады один кран! Как быть? — спросил инженер.

— Ничего. Одна бригада будет пользоваться им днем, другая — ночью,— ответили монтажники.

Дорогостоящий металлический кондуктор для сборки они предложили упразднить вовсе:

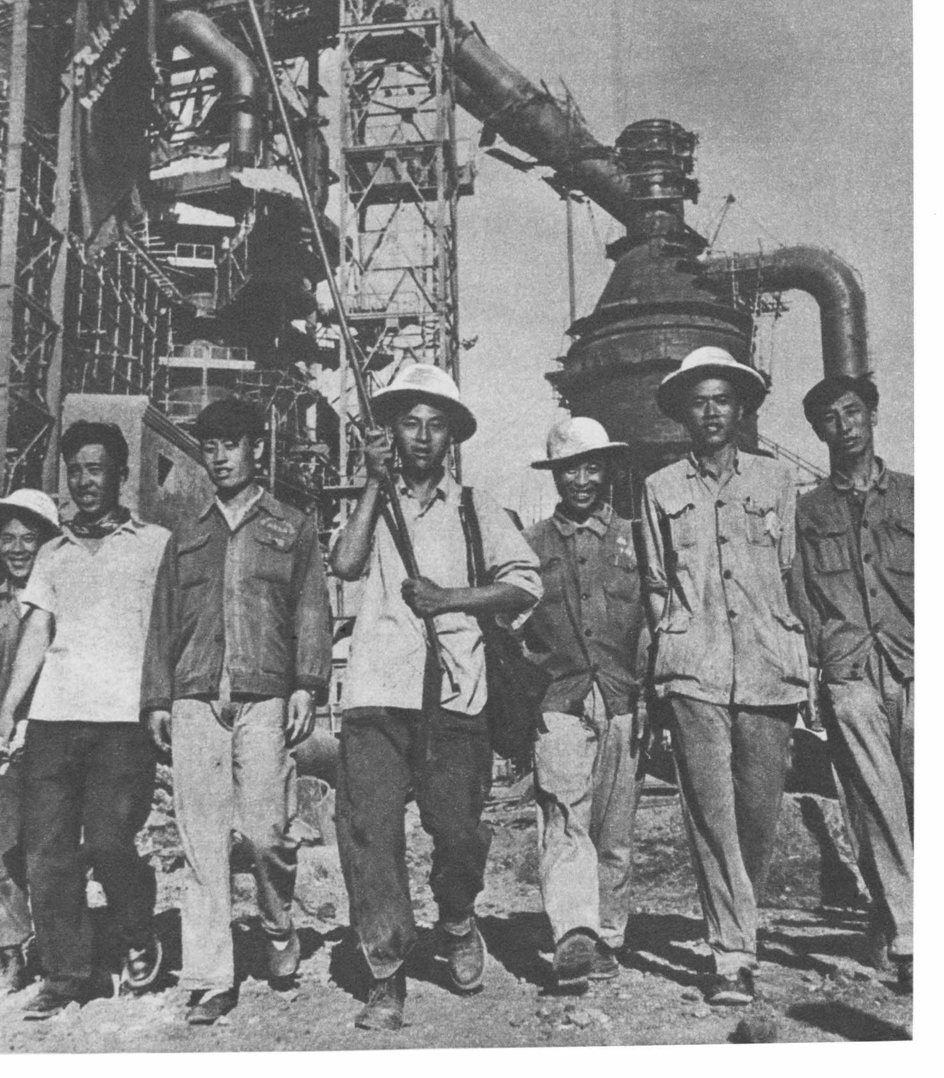
— Сделаем каркас из бамбука: дешево и просто.

Детали перед сборкой предложили чистить не маслом, а паром: во много раз быстрее...

Когда в ходе дискуссии все пришли к взаимному согласию, начальник подписал план, и он стал производственным законом. Сроки установили жесткие — сроки «большого скачка». Но бригады закончили монтаж воздуходувок на два месяца раньше этих уплотненных сроков. Вот почему бригадир Ко Хун-юй сегодня нес к себе красное переходящее знамя.

Уже вечерело, когда мы попрощались с монтажниками. Вспышки электросварки на домне стали ярче; они сверкали, как праздничная иллюминация. Лязг металла, стрекот пневматических молотков, гудки машин и крики людей: «Хе йо хо! Хо йо хей!» — слились в одну звонкую песню торжествующей трудовой доблести.

...Первая уханьская домна дала чугун 13 сентября — на 17 дней раньше взятого обязательства.

Бригада Ко Хун-юя завоевала знамя.

Генеральный директор Уханьского металлургического комбината Ли И-чин (справа) и старший группы советских специалистов А. И. Падуров.

Лозунги и задачи

В Китае много удивительного. Но самое сильное впечатление, которое остается у побывавшего там человека, — это безграничный энтузиазм, исполинская энергия 600 миллионов человек, которые взялись за переустройство своей жизни, строительство социализма.

Может быть, это впечатление только советских людей, которых в Китае задушевно называют братьями и которые на все смотрят глазами близкого друга?

Недавно из Китая возвратился председатель правления «Ройял бэнк Кэнэда» Д. Мюир. Канадский банкир опубликовал в американском журнале статью, в которой говорит о развитии страны, о трудовых подвигах (он так и пишет: подвигах) людей. «Я могу лишь сказать, что для того, чтобы поверить этому, нужно увидеть все это своими глазами», — пишет банкир, которого никак нельзя заподозрить в излишних симпатиях к строительству социализма.

Извечное трудолюбие китайцев ныне превратилось в массовый трудовой героизм. Партия коммунистов, которая руководит этой пробудившейся энергией, дает народу лозунги, всегда очень точные, и ставит задачи, всегда очень конкретные. Когда обращаются к аудитории в 600 миллионов человек, многие из которых только приступили к изучению грамоты, призывая к свершению дел великих и малых, нужно говорить кратко и ясно. Формулировки задач всегда сжаты до предела. В печати и речах они часто так и называются по количеству иероглифов: «Лозунг двенадцати иероглифов», «Задачи шести иероглифов». Это объясняется еще и особенностями китайского языка. На севере и на юге люди произносят слова по-разному, но пишут их одинаково.

...На реке в провинции Гуанси мне довелось беседовать со стариком Лян Цзу. Ему 78 лет.

— Конечно, я уже стар. Мне твердят: «Дедушка Лян, тебе пора на покой». А мне не хочется бросать работу,— говорил старик, теребя тонкую, как прядь ханчжоуского шелка, бородку.— Вот закончим строительство фабрики удобрений в нашем кооперативе, перейду на «пять обеспечений».

Поскольку я не понял, о чем идет речь, старик пояснил: каж-

дый престарелый и нетрудоспособный человек пользуется «пятью обеспечениями»: едой, одеждой, топливом и т. д.

А недавно я получил письмо из Шанхая, от пионеров одной из школ, в которой я побывал. Ребята пишут: «Все мы добросовестно выполняем «пять «хорошо» для школьника».

В ходе движения «за упорядочение стиля работы» среди работников рыбной промышленности шла дискуссия о двух методах добычи продуктов моря. Эта дискуссия стала известной под названием «борьбы четырех иероглифов», ибо каждый принцип формулировался четырьмя знаками китайской письменности.

Первый принцип: администрация, централизация, далекий океан, флот.

Второй принцип: массы, рассредоточение, близ берега, рыборазведение.

Ведение дел по первому принципу сулило к 1962 году добычу 8 миллионов тонн морских продуктов. Второй метод уже в этом году даст стране 5 миллионов тонн добычи — столько, сколько имеет Япония, занимающая первое место в мире. А к 1962 году Китай будет иметь 20 миллионов тонн продуктов моря. Победили вторые «четыре иероглифа»...

12 февраля этого года Центральный Комитет Компартии Китая и Государственный Совет опубликовали указание о борьбе за санитарию и гигиену, за уничтожение «четырех зол»: мух, комаров, крыс и воробьев. В указании подчеркивается, что «уничтожение четырех зол, соблюдение правил санитарии и гигиены имеют целью ликвидацию болезней, воодушевление людей, изменение плохих привычек, изменение облика городов и деревень».

«Необходимо добиться,— говорит указание,— чтобы каждая семья понимала задачи этого движения и каждый человек участвовал в нем».

Серый воришка

Во дворе растет могучий дуб. Его густая зеленая шевелюра доходит до моих окон в четвертом этаже гостиницы. На сочной зелени ярко горят лоскуты алой ткани, а венчает крону пугало в виде империалиста в цилиндре, с оскаленными зубами. Два сотрудника гостиницы, взобравшись на дерево, снимают это пестрое убранство, вывешенное не по случаю праздника, а в связи с массовой «операцией» против воробьев, которая продолжалась в столице три дня.

Воробей объявлен здесь птицей вредной далеко не без оснований. Сын шофера, товарищ Вэнь, человек, отмеченный уличным комитетом как активист борьбы с воробьями, с высоты своих девяти лет объяснил мне это так:

— Я люблю птиц. Они хорошие и полезные. Мы должны им помогать. Но воробей скверный, он сам ничего не делает, а живет за чужой счет и только ворует зерно!

Со своей стороны я рассказал пионеру Вэню о том, что видел в экваториальной Африке. В период созревания дурры — главной там зерновой культуры — негритянские дети и женщины с утра до вечера дежурят на своих делянках, шумят, кричат, не подпускают тучи маленьких серых африканских воробьев. Оставить поле без присмотра хотя бы на час — значит лишиться урожая. Зловредные пташки не столько съедят, сколько осыплют зерна, и земледельцу останутся почти пустые колосья.

Хунаньская сельскохозяйственная академия в Китае провела исследование на полях. Ученые доказали, что воробьи здесь портят треть урожая. Орнитологи, в свою очередь, подсчитали, что в Китае живет 2,5 миллиарда воробьев. В год они портят зерна столько, сколько нужно, чтобы прокормить 35 миллионов человек.

Правда, в период, когда выводятся птенцы, старые воробьи приносят им в гнезда червячков и разных вредных насекомых. Но эта их полезная деятельность не идет ни в какое сравнение с ущербом, который они причиняют. Поэтому решено истребить этих пернатых расхитителей зерна. Для этого применяют различные способы, включая даже всемирно известный мальчишеский боевой инструмент — рогатку. Но наибольший эффект дают массовые облавы на больших территориях, подобные той, что прошла в столице.

Рано на заре поголовно все население города — от малых детей до глубоких старух, профессора и рикши, генералы и пионеры, рабочие и директора предприятий — выходило во дворы, на улицы, в парки, на бульвары. Кто помоложе, взбирался на деревья и крыши. Каждый имел при себе какой-нибудь инструмент, способный производить возможно больше звуков. И вот в условный час предутреннюю тишину взрывал невероятный шум. Казалось, трубы иерихонские, звуки которых, согласно преданию, разрушали крепостные стены, загремели над городом. Люди били в барабаны и гонги, колотили в тазы, кастрюли, ведра, железные бочки, гудели в рожки и трубы, свистели, кричали. Вспугнув воробьев, им не давали сесть, передохнуть хотя бы на минутку. А птица эта не способна долго летать без отдыха, равно как и улететь далеко. Обессилевшие воробьи замертво валились на землю.

Грохот продолжался несколько часов, затем стихал, но под вечер возобновлялся снова. И так три дня. Четыреста пятьдесят две тысячи мертвых воробьев было подобрано на земле.

Такие же «операции» прошли в Шанхае, Кантоне и в других городах и селах. В одном лишь округе Вэньцзян за три дня было уничтожено более миллиона вредных птиц.

В гостях у тетушки Сай-хуа

Под вечер по тропинке между домами членов кооператива «Хунган», на западе провинции Сычуань, шли несколько человек. Возле одного дома они остановились, и шедший впереди, в светлом кителе и фуражке с твердым козырьком и мягким верхом, попросил разрешения войти.

В доме была только 60-летняя тетушка Линь Сай-хуа. Старушка вообще уже неважно видела, а в это время у нее к тому же болели глаза. Она отличила в госте человека приезжего, хотя и рассмотрела его плохо, радушно пригласила заходить и садиться. Гость расспрашивал ее о семье, о делах, хватает ли риса на питание. А потом спросил, знает ли тетушка о борьбе против «четырех зол». Сай-хуа обстоятельно объяснила приезжему, почему нужно уничтожить «четыре зла», и добавила, что в их кооперативе они ведут борьбу против «семи зол»: воробьев, крыс, мух, комаров и еще блох, клопов и тараканов — и какой вред человеку от этих насекомых.

Гость осмотрел комнаты, заглянул в шкаф, где стояла посуда, и, прощаясь, похвалил за чистоту. Когда он вышел, у дома уже собралась толпа. Крестьяне хлопали в ладоши и кричали: «Мао Цзэ-дун! Мао Цзэ-дун!» Только тут тетушка Линь Сай-хуа сообразила, что человек, который осматривал ее шкафчик и пробовал, нет ли пыли на полках, был председатель Китайской Народной Республики.

Подслушанный разговор скептика с энтузиастом

Скептик. Ну что это? Строительство социализма, всемирно-исторические задачи — и вдруг истребление мух!

Энтузиаст. Вы, очевидно, считаете, что с мухами, комарами и прочей нечистью, а также с заразой, которую они разносят человеку, при социализме жить удобнее?

Скептик. Нет, не считаю, но это придет само собой, с подъемом жизненного и культурного уровня.

Энтузиаст. Во-первых, само собой ничто не приходит. А во-вторых, именно сейчас, пока люди живут еще в трудных материальных условиях, при большой скученности и тесноте, соблюдение гигиены и санитарии имеет особенно важное значение. Вспомните, вчера мы с вами возвращались домой не по центральной, а по боковой улице. Вы долго несли, обжигая пальцы, окурок сигареты, не решаясь его бросить на землю. А шли мы отнюдь не по сверкающему асфальту, а по обыкновенной утоптанной глине. Но она была так чисто подметена, что вам было стыдно бросить окурок.

Скептик. И все-таки это мелочи.

Энтузиаст. Древний философ Лао-цзы говорил: «Величайшее в мире начинается с малого». Как видите, китайцам эта истина была известна еще две с половиной тысячи лет тому назад. А потом — разве это мелочи? Помимо практической пользы этих кампаний, в них есть нечто большее. Разве вы не видели, с каким единодушием и энтузиазмом все это делают люди? Раньше каждая хозяйка и каждая семья занимались лишь своим домом. А теперь они начинают понимать, что вся страна — это их большой дом, а 600 миллионов населения — одна дружная семья. В ходе этой борьбы выковывается единство народа — одно из самых драгоценных завоеваний социалистического общества.

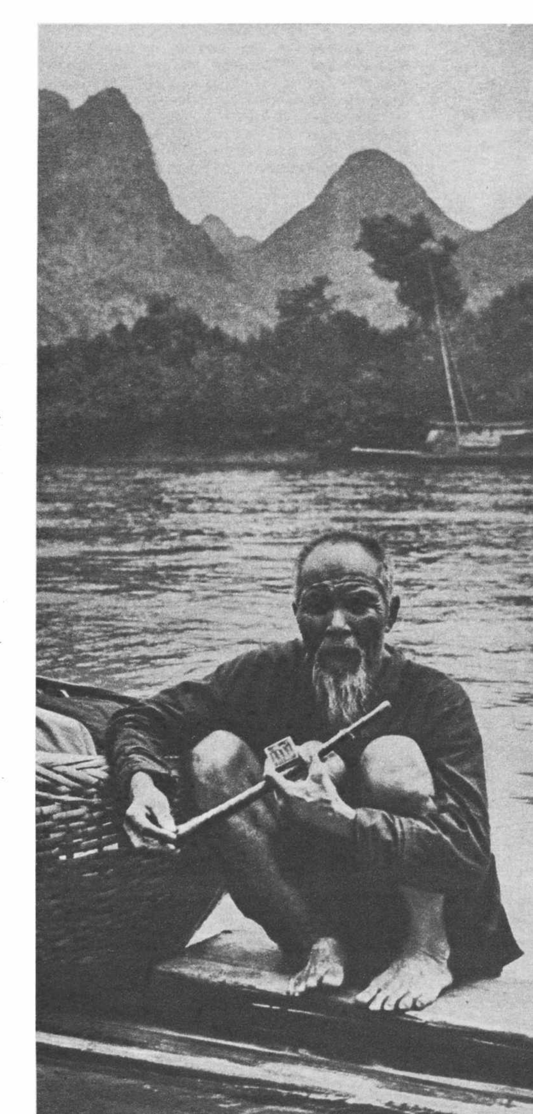
Скептик. Но можно ли вообще на территории такой огромной страны ликвидировать эти «четыре зла»?

Энтузиаст. Вот официальное сообщение: «К настоящему времени в третьей части всех городов и уездов страны в основном уничтожены крысы, воробьи, мухи и комары. Каждые два дня появляется в среднем примерно пять городов и уездов, свободных от «четырех зол»...

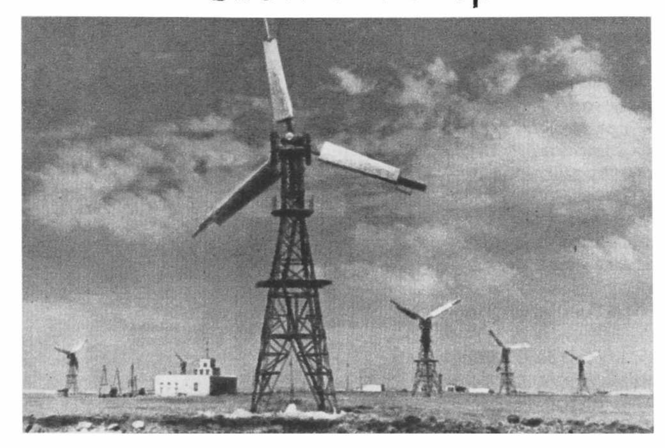

Электросварщица У Юнь-мэй работает на вершине строящейся домны.

...Старик Лян Цзу рассказал мне о «пяти обеспечениях».

Светит ветер

Ново-ишимская «ВЭС-400».
Фото автора.

На берегу тихой степной речки, протекающей по целинной казахстанской земле, лежит небольшое село Ново-Ишимка. День и ночь в этом селе машут своими огромными трехпалыми ручищами двенадцать гигантских ветряков. Пожалуй, даже славный рыцарь Дон-Кихот не решился бы сразиться с ними: уж больно грозен вид этих металлических чудовищ. Что же делают они в тихом казахстанском селе?

Двенадцать ветряков заставляют ветер светить людям, превращают его энергию в электричество. Без устали вращают они своими лопастями генераторы, вырабатывающие постоянный ток. По спрятанным в землю кабелям он бежит к распределительному щиту станции, собирается на медных шинах. К ним подключены три преобразователя по 135 киловатт каждый, которые превращают постоянный ток в переменный. Поворот рукоятки рубильника, нажим кнопки — и электрический ток уже в домах колхозников артели «Победа» и рабочих РТС «Авангард». Отдельная линия проложена в соседний колхоз «Советская Конституция».

В скором времени энергия ветра придет в аул Муртук и в колхоз имени Сталина.

Не выходя из светлого зала электростанции, дежурный электромеханик Иван Яковлевич Тиссен командует ветряками. Щит с приборами, пульт управления с множеством кнопок, переключателей и сигнальных лампочек — вот его послушные помощники.

Есть тут и один прибор, какого не встретишь ни на тепловой, ни на гидроэлектростанции. Он показывает силу ветра, дает «разрешение» на запуск ветряков. Задует ветер со скоростью семь метров в секунду — маши своими ручищами, ветряк! Таких дней, когда ветер дует с семиметровой скоростью, по многолетним метеорологическим наблюдениям, здесь насчитывается двести в году.

— А как быть, когда ветер слабый или наступает полный штиль?

— Тогда на помощь приходят два резервных дизель-генератора, — отвечает начальник станции Виктор Дмитриевич Ефремов.

Проект ново-ишимской «ВЭС-400» мощностью 400 киловатт разработан в Центральной научно-исследовательской лаборатории по ветросиловым установкам и ветроэлектростанциям в городе Истре. В сооружении станции участвовали металлисты алма-атинского завода «20 лет Октября» и строители-железнодорожники.

Электростанция в богатейшем целинном крае станет опорным пунктом, а возможно, и филиалом Центральной научно-исследовательской лаборатории. Здесь будет накоплен опыт для строительства еще более мощных ветросиловых станций.

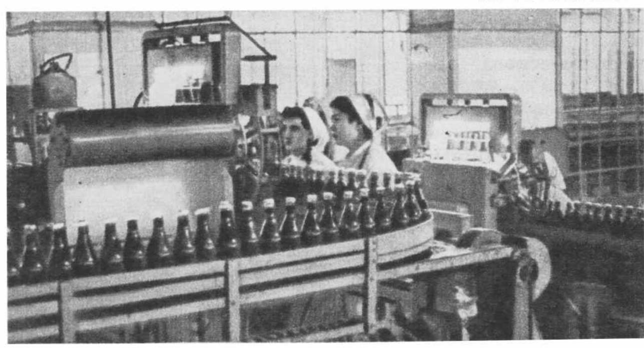
А. ЖЕРЕХОВ

НАРЗАН РАЗЛИВАЮТ АВТОМАТЫ

На Кисловодском заводе № 1 обогащается и разливается популярная минеральная вода—нарзан. Естественный нарзан поступает сюда из буровых скважин по подземному трубопроводу. Здесь фильтруют его в особых керамических фильтрах, облучают на бактерицидных установках, обогащают углекислотой... Четыре автоматические линии разливают ежесуточно четверть миллиона бутылок нарзана.

— За последнее десятилетие мы удвоили выпуск целебных минеральных вод, и все же спрос на них непрерывно растет,— сказал директор треста «Кавминразлив» Владимир Григорьевич Медведев.— Сотни тысяч бутылок в этом году уже отправлены во Вьетнам, Иран, Венгрию, ГДР, Бельгию... Готовимся к специальному разливу для международных авиационных линий. На самолетах нарзан будет подаваться в небольших изящных бутылочках по 330 граммов.

А. ГРИГОРЬЕВ

На кисловодском заводе. В цехе разлива.
Фото автора.

ОТАКАР ЯРОШ — ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Более пятнадцати лет назад Отакар Ярош, сражавшийся в рядах Советской Армии, писал своим близким из города Бузулука: «Дорогая мамочка, отец, братья, завтра уезжаем на фронт... Верьте, что я недаром ушел за границу, что я всегда сумею выполнить свой долг».

Бережно хранит это последнее письмо своего покойного сына Анна Ярошова, вырастившая не одного патриота-коммуниста. На железной дороге в Чешской Липице трудится Зденек Ярош, проектным управлением в городе Устья-на-Лабе руководит Иржи, в чехословацкой народной армии служит офицер Владимир. Все они стараются быть достойными своего брата Отакара, павшего смертью храбрых в боях против фашистских захватчиков.

Ранней весной 1943 года оборону на западном берегу реки Мжи, у деревни Соколово, Харьковской области, заняла первая рота чехословацкого батальона под командованием надпоручика Отакара Яроша.

Бешеные атаки гитлеровцев следовали одна за другой. Раненный в голову, Ярош продолжал руководить боем. По его приказу бойцы отсекли вражескую пехоту от танков и вынудили ее залечь. Второй раз Отакара ранили в предплечье, но он успел все же поджечь фашистский танк. Пулеметная очередь из второй вражеской машины сразила героя.

Бой закончился уже далеко за полночь. Гитлеровцы отступили, оставив на поле битвы 19 танков и 400 убитых эсэсовцев. Приказ командования рота Яроша выполнила с честью: враг был задержан у деревни Соколово.

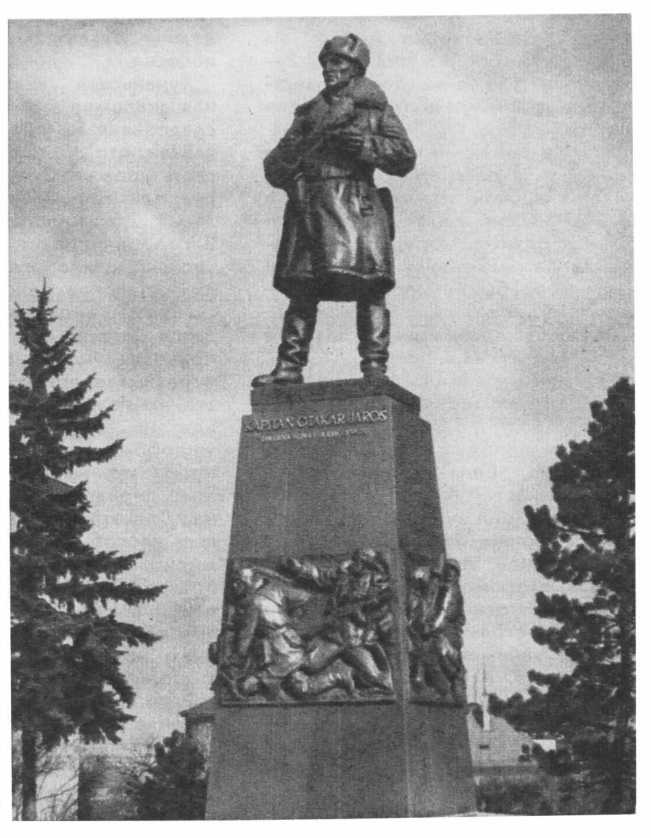
17 апреля 1943 года Президиум Верховного Совета СССР посмертно присвоил надпоручику Отакару Ярошу звание Героя Советского Союза. Орденами и медалями СССР были награждены многие офицеры и солдаты чехословацкого батальона.

Любовью окружена память Отакара Яроша в Чехословакии. Его именем названы крупнейший завод в Остраве и первый Ружамберский полк связи.

На Украине, в деревне Соколово, в память о совместной борьбе чехословацких и советских воинов сооружен памятник.

Школьники этой украинской деревни поддерживают дружескую переписку со своими чешскими товарищами из небольшого городка, носящего имя Соколово, как символ вечной дружбы с советским народом.

Ф. МОЛОК

Памятник Отакару Ярошу, открытый в городе Мельник (Чехословакия) 9 мая 1958 года.

Омские близнецы

С братьями-близнецами Кошелевыми часто происходят недоразумения.

Повар судовой команды рассказывает:

— Обидел я одного из них нечаянно. Пришел он после вахты покушать, а я ему: «Ты что, второй обед хочешь получить?» Оказывается, обедал-то не он, а его братец...

Судовой механик вспоминает недавний случай:

— Поручил я Анатолию осмотреть подшипник валопровода, и вызвали меня на мостик. Возвращаюсь в машину, гляжу: он на том же месте. «Осмотрел?» «Чего?» «Вот я тебе покажу «чего», будешь знать дисциплину!» И тут только спохватился я, что передо мной не Анатолий, а Валерий.

— Обоих братьев, лучших мотористов, решено было занести на Доску почета,— смеясь, рассказывает редактор корабельной стенной газеты,— но под каким снимком поставить «А. Кошелев», под каким «В. Кошелев», никак не поймем...

Сыновьям бухгалтера Омских судоремонтных мастерских Иосифа Семеновича Кошелева Анатолию и Валерию сейчас по восемнадцати лет. Анатолий и Валерий вместе начали заниматься в Омском ремесленном училище № 7, вместе стали комсомольцами. Вместе увлекались фотографией, гребным спортом, легкой атлетикой...

И вот оба Кошелевы — мотористы на большом теплоходе, который курсирует между Омском и Салехардом под командованием капитана, комсомольца П. А. Колмакова.

...Мы беседовали с братьями-близнецами на верхней палубе во время очередного рейса по Оби. Оба они были свободны от вахт. Веселый ветер ерошил волосы наших голубоглазых и белозубых собеседников. Кто-то из команды остроумно заметил, что единственное отличие у близнецов в прическе: «Челочка у одного направо, а у другого — вниз». Но сейчас ветер стер и это различие.

— Как встречаете сорокалетие ВЛКСМ?

— Солярку экономим. Отработанное масло сепарируем и снова используем. За три месяца сэкономили уже двадцать две тонны дизельного топлива.

— А спортом, ребята, занимаетесь?

— А как же! — Братья показали нам огороженную площадку на палубе.— Вот наш плавучий стадион. Брусья, кольца. На стоянках тренируемся на шлюпках. Знаете, ехали как-то с нами мастера спорта, пассажирами... Предложили мы им состязаться в перетягивании каната...

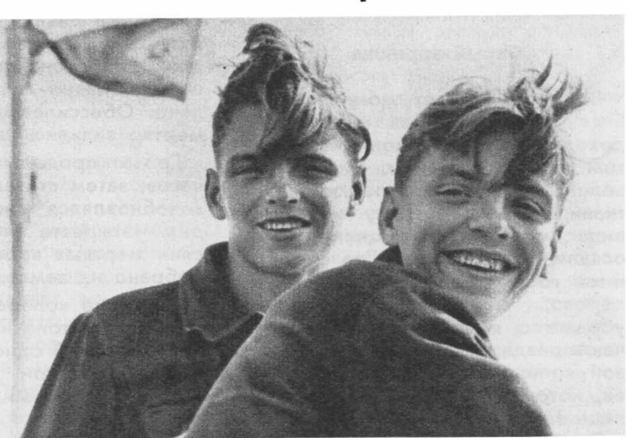
— И кто же победил?

— Наша команда, конечно. Нам ведь иначе нельзя. Теплоход-то наш «Ленинским комсомолом» зовется...

— А отец не скучает без вас?

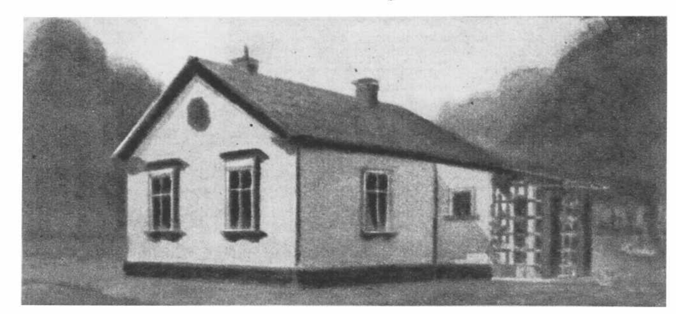
— Сам был на судне, недавно прошел с нами от Омска до Тобольска. Старайтесь, говорит, с вас, и спрос двойной.

М. ЗЛАТОГОРОВ

Братья-близнецы Анатолий и Валерий Кошелевы.
Фото И. Тункеля.

Своими руками

Так выглядит трехкомнатный дом.

Не правда ли, приятно выглядит этот одноэтажный белый коттедж под веселой красной черепицей? Так и хочется заглянуть внутрь. С увитой зеленью террасы вы попадаете в тамбур с кладовыми. Дальше — маленькая прихожая, а затем — столовая, кабинет, детская...

Вы спрашиваете у хозяев, когда и как они обзавелись этой дачей, которая вполне может служить и зимним домом. И вы приятно удивляетесь, узнав, что строили ее они сами, своими собственными руками.

Да, такую дачу при сбережениях в 25—30 тысяч рублей можно построить своими руками.

Каркас дома, оконные и дверные блоки, пол, потолок, кровля и все остальное (за исключением стен) готовы. Они сделаны заводами стандартного домостроения и продаются на специально открытых для этого складах. А стены нужно делать самим. Не пугайтесь. Это не столь уж сложная операция. Для стен может быть использован красный и белый кирпич, шлакобетон, саман, ракушечник, камышитовые и фибролитовые плиты.

Каркас можно сделать из обыкновенных балок длиною в три метра, для теплоты обшить его дощечками от ненужной тары или из горбыля и засыпать опилками со шлаком. Фундамент делают из бутового камня, железобетона, красного кирпича.

Проект этого дома — «М-3—5» — разработан Гипростандартдомом. Недавно вышел в свет специальный альбом чертежей. Застройщику он высылается вместе с инструкцией предприятием-поставщиком или торговым складом.

При желании этот дом может быть спаренным, то есть вплотную к нему пристраивается второй такой же,— в том случае, если на одном земельном участке будут жить два застройщика. Совместно вести стройку, конечно, легче.

Гипролеспромом разработан проект однокомнатного дома, который, очевидно, будет пользоваться большим спросом, в частности, у садоводов: комната и кухня. Дом утеплен. Постепенно к нему можно пристроить веранду. Стоимость дома (без пристройки) — 12,5 тысячи рублей.

Как показывает опыт некоторых кооперативов, удобнее всего строить такие дома небольшими коллективами застройщиков. Сообща проще приобретать строительные материалы, заключать договоры с подрядчиками, обеспечивать стройку транспортом, бурить артезианские колодцы.

Такое коллективное строительство дач проведено в тридцати километрах от Москвы, на станции Опалиха, Калининской железной дороги, работниками Главсевморпути. Их дачный поселок радует глаз своим уютом.

А. СТРЕЛЬЦОВ,
работник Гипростандартдома.

«Смоляная палочка»

Обыкновенный кусок угля. Он добыт в Ткибули. Таким углем многие жители Закавказья отапливают свои дома. Правда, это не кокс и не антрацит, а топливо второго сорта. Но горит оно неплохо. Один недостаток у такого угля: много дает копоти. Откуда эта копоть?

Петр Дмитриевич Цискаришвили, заведующий лабораторией высокомолекулярных соединений Института химии грузинской Академии наук, царапает кусок угля кончиком перочинного ножа.

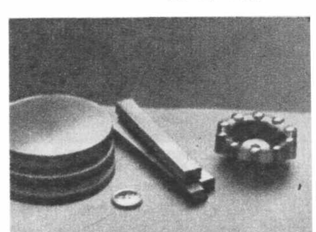
— Смотрите: там, где поцарапанная поверхность попрежнему блестит,— чистый уголь, а где выступают продолговатые темно-коричневые пятнышки,— посторонние примеси — рабдописситы.

«Рабдописсит» — греческое слово. Оно означает в переводе на русский — «смоляная палочка».

Но, оказывается, после небольшой обработки «смоляная палочка» превращается в превосходное сырье для получения черной пластмассы.

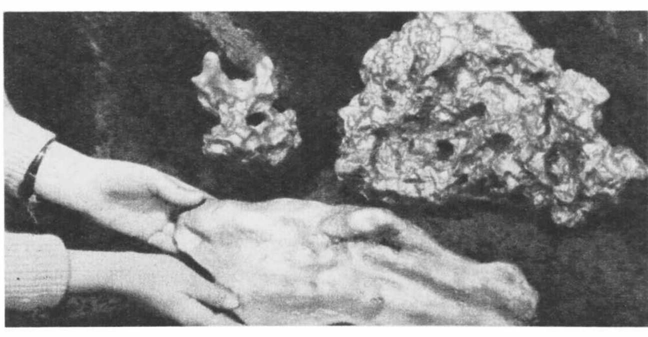
В Ткибули уже работает опытная установка, которая дает в сутки полтонны рабдописситового концентрата. Запасы этого сырья здесь практически неограниченны. При сравнительно небольших затратах в Ткибули можно будет получать ежегодно в несколько раз больше смоляного концентрата, чем сейчас выпускает черной пластмассы вся промышленность страны. При этом себестоимость каждой тонны сырья будет значительно ниже, чем раньше.

В. КРУПИН

Опытные образцы пластмассовых изделий из породы.

Находки золотоискателей

Такие самородки были найдены на Урале.

Фото И. Тюфякова.

В старинном городе Березовском, на Среднем Урале, решено установить памятник крестьянину Ерофею Маркову. Это он в 1745 году в стороне от дороги, между деревнями Шарташ и Становая, нашел светлые камешки и, заинтересовавшись непривычным их блеском, доставил камни в канцелярию завода. В камешках оказалось золото.

Так было открыто крупнейшее Березовское месторождение, а Урал стал родиной русской золотой промышленности. За 213 лет здесь уже добыто много драгоценного металла.

Любопытно, что при эксплуатации уральских россыпей найдено большое количество самородков. Уже в 1841 году в музее Петербургского горного института хранилось 886 золотых самородков общим весом в 27 пудов. Наиболее примечательные из них обнаружены на Урале. В Миассе, на Южном Урале, в 1842 году нашли самородок весом в 36 килограммов. Уральские самородки золота имеют самую причудливую форму. Найденный в этой же россыпи самородок в 20 килограммов напоминает голову собаки. А самородок весом в 3,34 килограмма, который нашли здесь в 1935 году, называют «заячьими ушами». В этом же году в Никольском логу, Сысертского района, Свердловской области, обнаружен один из крупнейших самородков нашего времени весом 13,78 килограмма.

И поныне на Урале находят крупные самородки. Так, например, недавно добытчик миасских приисков И. Г. Кузнецов обнаружил самородок золота весом в 3 килограмма.

А. ПЕРЕЛЯЕВ,
кандидат минералогических наук.

Скрипка «Волга»

А. М. Мочалов проверяет звучание скрипки «Волга».

Многие музыканты помнят одесских скрипичных мастеров Мицкевича, Злочанского, Добрянского, Ляховченко. И, конечно, известен им Александр Михайлович Мочалов, работающий и по сей день на Одесской музыкальной фабрике.

...В скромно обставленной квартире навстречу нам поднимается человек среднего роста, в очках, сквозь которые смотрят немного прищуренные добрые глаза. Все здесь: и мебель, и стопка книг на письменном столе, и даже воздух, напоенный запахами лаков,— напоминает о специальности хозяина. Стены увешаны скрипками с надписями: «Руслан», «Кармен»...

Любопытны инструменты, которыми пользуется Мочалов. В маленьком футляре, напоминающем готовальню, лежат рубаночки. Да, самые настоящие металлические рубаночки длиною от 25 до 40 миллиметров. Ими Мочалов обрабатывает деки скрипки.

Одна из смол для лака, которым пользуется Мочалов, называется «драконова кровь». Она привезена из Индии. Достаточно капли спирта, чтобы темная смола приобрела ярко-красный цвет.

Недавно из Канады на имя А. М. Мочалова пришло письмо:

«Дорогой Александр Михайлович! Прежде всего приветствую Вас, как знаменитого мастера скрипок.

Сам я украинец, родился на Буковине. Живу в Канаде уже 44 года. Мой сын три года воевал против фашизма, а теперь играет на скрипке в Торонтомском симфоническом оркестре. Ему трудно достать хорошую концертную скрипку у нас в Канаде. Цена очень высокая. Я хотел бы знать цену ваших скрипок. Думаю через несколько лет поехать на Украину — повидать своих близких. При первой же возможности я посещу и Вас.

Приветствую Вашего сына и Ваших учеников. Жму Вашу руку. Михаил Биновский».

А. М. Мочалов изготовил новую концертную скрипку, которую назвал «Волга», и отправил ее в Канаду.

«Волга» — 261-й музыкальный инструмент, созданный Мочаловым.

С. ЛЮБАРСКИЙ,
М. БИНОВ

Дом-музей Н. А. Ярошенко

Замечательный русский художник-передвижник Николай Александрович Ярошенко находился на военной службе. Выйдя в 1892 году в отставку, он поселился в полюбившемся ему Кисловодске и провел последние годы жизни в построенном возле парка доме. В Кисловодске художник создал несколько крупных полотен и серию кавказских пейзажей.

В этом доме с большим ореховым деревом среди двора и прекрасным видом на парк бывали Репин, Куинджи, Максимов, Нестеров, Шаляпин, Собинов, Станиславский. Здесь же во время работы над картиной Н. А. Ярошенко в июле 1898 года скончался от паралича сердца. Вблизи дома находится могила художника, над которой поставлен памятник по эскизу, сделанному М. В. Нестеровым: скромный монумент из серого гранита венчает бюст художника, выполненный скульптором Л. Позеном.

В 1918 году в доме Н. А. Ярошенко был открыт музей, а улица, где жил художник, получила его имя.

Кисловодский художник В. В. Секлюцкий приложил много стараний, чтобы привести в порядок дом-музей, пострадавший от времени. Не так давно в фонд музея были переданы мольберт, этюдник и два кавказских пейзажа Ярошенко. Его внуки подарили музею старинный фотоальбом, принадлежавший нескольким поколениям Ярошенко, в котором есть редкий снимок Л. Н. Толстого.

Е. ПОЛЬСКАЯ

Кисловодск.

Памятник Н. А. Ярошенко.
Фото А. Лесса.

ВОКРУГ БАЙКАЛА

Казимир ЛИСОВСКИЙ Фото М. САВИНА.

Здравствуй, славное море!

Байкал... Ни одно озеро в мире не может сравниться с ним своей красотой. «Дала-нор» — святое озеро — называли его монголы. «Ламу» называли его эвенки. «Северное море» (Пехай) — китайцы.

Известна его длина — 636 километров. Известна и наибольшая глубина — 1 741 метр. Но мало кто знает, что по количеству воды Байкал в 92 раза превосходит Азовское море, в 23 раза — Аральское и равен Балтийскому морю.

Да это и в самом деле море!

У подножия Байкальского хребта, вдоль пологого берега великого озера, тонкими ниточками вытянулись дома и улицы Нижне-Ангарска — северного селения, находящегося у 56-й параллели. Здесь центр Северо-Байкальского района, наиболее отдаленного в Бурятии, раскинувшегося на шестьдесят две тысячи квадратных километров.

Берег в Нижне-Ангарске пропах омулем. Это и не удивительно! Добрая половина всего населения живет омулем — в полном и переносном смысле этого слова. Тут и рыбаки, и работники рыболовецкого флота, и рабочие Нижне-Ангарского рыбоконсервного комбината, дающего ежегодно два миллиона банок консервов.

Скорее в море, к рыбакам!..

У пирса пристани Нижне-Ангарск стоит наготове катер «Смелый». Вся команда в сборе. За штурвал становится капитан Семен Андреевич Наберац.

— Полный вперед!

Стремительно рассекая спокойную гладь озера, катер мчится к узкой полоске песка. Там живут рыбаки. Там и ставные невода. Сейчас, в это раннее утро, рыбаки как раз выходят в море на высмотр (или, говоря по-рыбацки, «подрезку») невода. Кстати сказать, ставные невода появились здесь не так давно, всего несколько лет назад. Это не только облегчило труд омулятников, добывавших раньше рыбу закидными неводами, сетями, но и сделало его менее опасным.

Знаменитый байкальский омуль — гордость и богатство великого озера. Выходец из Ледовитого океана, он появился здесь двести тысяч лет назад и прижился в холодных, глубинных водах Байкала. Мне приходилось есть омуля, пойманного на побережье Ледовитого океана, в Карском море, но по своим вкусовым качествам он ни в коей мере не может сравниться со своим пресноводным собратом — байкальским омулем, розовато-белым, нежным, жирным... В Байкале ежегодно добывают сто пятьдесят тысяч центнеров омуля! Это очень много даже для такого великого озера!

Уже видны наплава, высокие шесты (гундеры), укрепленные на якорях. На эти шесты натягивается основа. А все это вместе называется «двор». Во «дворе» — две ловушки, две мотни.

Навстречу нам устремляется большая моторная лодка. (Не знаю, почему ее здесь называют каким-то странным именем: «мотодора».) На корме — кряжистый, широкоплечий человек в расстегнутой синей рубахе и высоких, выше колен, сапогах, смазанных нерпичьим жиром,— бригадир рыбаков Афанасий Парфентьевич Зимницкий.

У него широкое обветренное лицо с резкими складками у рта. Все оно заросло колючей щетиной. В шершавых, почти негнущихся пальцах неизменная цигарка. Ему уже за пятьдесят. Он родился на море, вырос на море.

— Море — мой дом,— говорит он, указывая энергичным движением руки на Байкал.

Море... Только так говорят о Байкале рыбаки на южном и северном, на западном и восточном побережьях великого озера. «Вышел в море». «Море цветет». «Море штормует». «Море ласковое». И избави вас бог невзначай проговориться, сказать о Байкале: «озеро»!

Сейчас в бригаде Афанасия Парфентьевича десять рыбаков. Ранним утром и поздним вечером отправляются они на высмотр большого ставного невода, длина которого 1 200 метров.

Суровый, не скупящийся на крепкое словечко, Афанасий Парфентьевич требует от каждого рыбака своей бригады честной работы. И летом и зимой, на подледном лове, и в страшные осенние штормы, когда сила ветра, дующего над Байкалом, достигает 9—10 баллов, а волны поднимаются на высоту трех метров, бригадир всегда с ними, всегда впереди. Его хладнокровие, его умение «спорить» с Байкалом, выводить лодки в затишье, за острова, умение ставить невод в тех местах, где рыба должна обязательно пройти, в памяти у многих. И поэтому уважают его рыбаки, любят. Бригада Зимницкого считается одной из лучших на Байкале.

Лодки причаливают к берегу. Одни рыбаки спешат к избе, готовить завтрак, другие — купаться. Вероятно, это покажется неправдоподобным читателю, знающему только южный берег Байкала, где вода настолько холодна, что о купании даже мечтать невозможно. Да, как ни странно, но северное побережье Байкала зна-

чительно теплее, чем южное. И у берегов не только в жаркие, но и просто в теплые дни июля купаются детишки. Это объясняется тем, что вблизи северного побережья небольшая глубина и вода прогревается. Да и берега здесь в отличие от южных более пологие, и нет таких холодных течений, как на юге Байкала, где на глубине двухсот метров вода имеет вечную температуру, никогда не превышающую четырех градусов тепла.

Попрощавшись с рыбаками, мы отправились дальше, к Дагарам, к охотникам-нерповщикам.

Дагары — название одного из двух устьев Верхней Ангары, казалось бы, родной сестры красавицы Ангары. Но какая разница между ними! Берега тут, при впадении реки в Байкал, пологие, вода мутная. Словом, Верхняя Ангара — река-дурнушка — и представить себе не может всей ослепительной, холодной красоты своей далекой южной сестры.

В Дагарах — рыбозасольный и рыбоприемный пункты. У причала баржа «Волна», в которую как раз погружали маркированные бочки с омулем самого лучшего засола — «в колодке». Отсюда катер «Смелый» поведет баржу в порт Танхой (к железной дороге), или в Мысовую (город Бабушкин), или же в порт Байкал.

Здесь мы и встретились с одним из лучших нерповщиков северного Байкала, Евгением Матвеевичем Елизовым.

Нерпа (байкальский тюлень),— как известно, очень ценное животное. И она переселилась в Байкал из Ледовитого океана, который в те умопомрачительно далекие годы был на тысячу километров ближе к Байкалу, чем сейчас.

Охота на нерпу — трудная, опасная, но увлекательная профессия. Тут нужно быть не только метким стрелком,— надо отлично знать повадки зверя, надо уметь перехитрить его, незаметно подкрасться к нему на расстояние винтовочного выстрела.

Как здесь охотятся на нерпу?

Охотники-нерповщики мастерят санки. Они такие же, как и всюду, только несколько длиннее обычных. Впереди санок — рама, на которую натягивают белый парус метровой высоты, шириной 80 сантиметров. До места промысла едут на лошадях, берут с собой брезентовую палатку, охотничий карабин, заряженный свинцовыми пулями с оболочкой.

Нерпа — хитрое, умное животное. Она обычно находится в озере на больших глубинах, питаясь совершенно уникальной, сохранившейся только на Байкале голомянкой — жирной живородящей рыбой. Но у нерпы есть легкие. Ей нужно дышать, и для этого она во льду метровой толщины делает отдушины, тщательно следит за ними, время от времени продувает их. С приходом весны, когда на Байкале становится сравнительно тепло, нерпа вылезает на лед погреться.

Этим и пользуются охотники-нерповщики. Надев на себя белые халаты, белые поварские колпаки, они, наклонившись, упираясь руками в специальные копылки, укрепленные по бортам санок, толкают их впереди себя, скрываясь за парусом, а потом, приблизившись к лежбищу, становятся на колени (предварительно натянув специальные волосяные наколенники) и продолжают продвигаться вперед. В парусе прорезана узкая щелочка (бойница), через которую охотник наблюдает за зверем, оставаясь сам незамеченным.

Взрослые нерпы — те похитрее: они подпускают к себе парус с охотниками не ближе 120—200 метров; молодые — метров на 30—40. Приблизившись к зверю, охотник бьет его из карабина. Бьет в голову, в шею, под лопатку, иначе нерпа уйдет.

У нерпы высоко ценится шкура, идущая на разные меховые изделия, жир, ценный не только как технический, но и как пищевой.

Омуль, нерпа... Но не только этим славится самый северный район Байкала. В непролазной тайге Байкальского хребта и Северо-Байкальского нагорья водится много белки, соболя, в том числе и лучшего в мире — баргузинского. В распадках, по берегам горных речек немало выдры, в болотах — ондатры. На полтора миллиона рублей пушнины сдает ежегодно государству Северо-Байкальский район!

Песни Баянгола

Из широкой долины, по которой мчится, спеша к Байкалу, река Баргузин, из глубокой пади, окаймленной справа Баргузинским хребтом, а слева — предгорьями Икатского хребта, со свистом вырывается ветер.

Вначале теплый, спокойный, он, вырвавшись на простор Байкала, словно обретает силу — становится холодным, яростным. Он может дуть несколько дней подряд. Он поднимает в море штормы, гонит к берегу пенные двухметровые валы... Диву даешься: откуда он взялся? Ведь так было тихо, так ярко светило солнце...

Название этого ветра знакомо почти всем.

Это баргузин.

Легкие потоки теплого воздуха, поднимаясь кверху и устремляясь из Баргузинской впадины к Байкалу, соединяются там с массами холодного байкальского воздуха.

Так рождается баргузин, северо-восточный ветер.

С ним мы не раз встречались, проезжая вдоль побережья Байкала, по Бурятии.

...Бурятия — край удивительных контрастов. Тонконогие олени — в северных районах республики, медлительные верблюды — в восточных, вблизи границ Монголии. Жаркий, обжигающий ветер степей и прохлада горных рек, палящее солнце пустынь и вечные снега на вершинах хребтов!

Мы едем по выжженной солнцем каменистой степи, заваленной валунами, острыми серыми булыжниками. Изредка попадаются кусты цветущего перекати-поля, его сменяет белый ядовитый болиголов, затем колючая, несъедобная трава, растущая кустиками.

Налево Куйтунская степь, направо холмы, сопки, серые, настолько бархатистые, что кажется, нежная человеческая рука пригладила их мягкий ворс. А дальше, в синей дымке лесного пожара,— хребты, хребты...

Дороги Бурятии! Прямые, ровные, песчаные, они великолепны. Какой бы ливень ни прошел, какие бы лужи ни появились, но стоит только выглянуть солнцу — и они мгновенно подсыхают. Мы проехали по Бурятии в разных направлениях более тысячи километров и не уставали восхищаться не только трактами, но и проселочными дорогами республики.

Бурятская автономная республика — крупнейший район Забайкалья. Мы побывали в десятках бурятских и русских сел республики, но, пожалуй, особенно запомнились встречи в Баянголе...

В просторном каменном здании правления колхоза имени Карла Маркса нас встретил секретарь партийной организации Сынгэ Санжиевич Санжиев. Этот скромный, немногословный, седеющий человек и оказался первым нашим путеводителем по колхозу. Он сообщил довольно внушительные цифры. Денежный доход баянгольцев в прошлом году составил шесть с половиной миллионов рублей. Для прибайкальских колхозов, где только в последние годы стало развиваться тонкорунное овцеводство, это великолепный итог!

Буряты — прирожденные скотоводы. И не удивительно, что основное богатство колхоза — отары тонкорунных и полутонкорунных овец. В колхозе 24 тысячи овец. Три с половиной миллиона рублей, половину годового дохода колхоза, получили баянгольцы за сданную государству шерсть. Люди степного бурятского колхоза могли бы одеть в шерстяные костюмы все мужское население большого областного города!

Бурятия и Забайкалье постепенно становятся мощной базой животноводства в нашей стране.

Пока мы беседовали с Сынгэ Санжиевичем, к конторе правления подкатывали на мотоциклах колхозники.

Вот входит в комнату зоотехник Жамсаран Жалсараев. Он здесь родился и вырос, потом уехал учиться, окончил в Улан-Удэ зооветеринарный институт и вернулся в родной колхоз. Вслед за ним заходит Владимир Баторов, директор Баянгольского Дома культуры, страстный пропагандист бурятской народной песни. Недавно

Так готовят «омуль на рожне». Слева направо: рыбаки Нижне-Ангарского рыбокомбината Николай Петров и Леонид Мороков.

Даба Очиров.

на республиканском смотре Дом культуры получил диплом 1-й степени.

А вот у крыльца остановился еще один мотоцикл. С него слезает стройный, загорелый паренек в клетчатой рубахе, с расстегнутым воротом, с закатанными до локтей рукавами. Сразу видно, что он только что приехал с полей. От него так и веет теплом нагретой земли, ароматом степных трав.

Это Лев Раднаев — агроном. Он тоже родился и вырос здесь, в Баянголе. Окончив среднюю школу, поехал учиться в Москву, был принят в Сельскохозяйственную академию имени Тимирязева, учился на агрономическом факультете и успешно окончил его в позапрошлом году. Лев Раднаев сразу же вернулся в колхоз, стал работать агрономом. Молодежь Баянгола избрала его секретарем своей комсомольской организации.

Наутро мы поехали к чабанам. Слева и справа простиралась бескрайняя степь. Одинокими точками виднелись кое-где степные заимки. Мы свернули к одной из них. К счастью, чабан Очиров оказался дома...

Дом... Жителю центральной части России это покажется обычным. Но если вспомнить о том, что не так давно буряты жили в юртах, продуваемых ветрами, и от горького дыма костра слепли их глаза,— простое слово «дом» здесь приобретает особое значение.

Даба Шагдурович Очиров в этом году с каждой тонкорунной овцы настриг около шести килограммов шерсти. Хороший результат для прибайкальских чабанов!

— Мои овцы за всю зиму ни одного килограмма сена не съели, все время на пастбище. Снег тут маленько ложится. Выдувает его.

— А в пургу со своей отарой вам не приходилось попадать?

Даба широко улыбнулся:

— Когда радио не было, всяко бывало. Года четыре — пять назад пурга захватила чабана Эрдени Раднаева в степи. Ему, правда, удалось укрыться со своей отарой в перелеске, но нашли его через несколько дней полумертвым. Теперь другое дело. У нас на каждой заимке, ферме есть репродуктор. Как плохую погоду по радио услышим — поближе к заимке держимся, хорошую — подальше уходим...

Трудна и сурова жизнь чабана, особенно зимой. Морозы в Куйтунской степи достигают пятидесяти градусов. Да еще с ветром! Не зря и назвали эту степь «холодной» («куйтун» — по-бурятски «холод»). Зато отпуск свой они проводят обычно в колхозных домах отдыха, у «аршанов» — целебных источников.

Колхозные дома отдыха... Это уже черты новой Бурятии. Как же можно уехать из Баянгола, не побывав на местном курорте!

Один из двух колхозных домов отдыха недалеко от села, в открытой местности Хукшол. Несколько добротных, больших изб выстроено тут, рядом с источником.

Мы, разумеется, не удержались и попробовали целебную воду. Не знаю, как насчет минеральных солей, а на вкус вода оказалась очень приятной.

А какой великолепный праздник ожидал нас здесь!

На открытой поляне стояла грузовая машина, к борту которой был прикреплен плакат: «Передвижная культбаза колхоза имени Карла Маркса».

Посредине круга, образованного притихшими слушателями — отдыхающими колхозниками, выступал хор баянгольского Дома культуры. В ярких, нарядных национальных костюмах, в пестрых бурятских халатах, в разноцветных шапочках стояли певцы и певицы. Тут были и Лев Раднаев и Владимир Баторов.

Массовик Шагдур Бадмаев объявил на бурятском языке:

— Выступает кузнец колхоза Базарсадо Батуев. Он исполнит свою собственную песню о Баянголе.

А потом выступила Эржима Кышыктуева — стройная, высокая девушка. Она приехала в родной колхоз на каникулы. Приехала из Ленинграда, где учится на втором курсе консерватории. У нее лирическое сопрано.

И когда девушка кончила петь, к ней подошел семидесятилетний Дарма Дашимбалов. Смущенно теребя реденькую бородку, он вручил ей букет цветов и... сам запел. Он пел, импровизируя. Смысл песни сводился к следующему:

«Прекрасна баянгольская земля, родившая таких дочерей. Прекрасна и ты, Эржима, прославившая баянгольскую землю!»

Да, прекрасна земля и замечательны люди, преображающие ее там, где рождается баргузин...

Покорители Чертовой горы

Трудно было поверить, что стоит нам свернуть немножко в сторону от Байкала, доехать до озера Котокель, на берегу которого раскинулось старое сибирское село Исток, и мы, словно на уэллсовской «машине времени», перенесемся... в XVII век!

Но это на самом деле случилось с нами.

В Истоке, рыболовецком селе, живет много «семейских». Их давние предки — русские старообрядцы — в XVII веке переселились в Польшу, спасаясь от преследований царского правительства. Но во второй половине XVIII века, после присоединения польских земель к России, они вернулись в Россию. Приезжали целыми семьями, поэтому в Прибайкалье они и получили название «семейских».

И как-то странно было видеть на улицах современного советского села женщин и девушек, одетых в платья и костюмы времен царя Алексея Михайловича. Женщины были одеты в пестрые рубахи, поверх рубахи красовался сарафан, поверх сарафана — фартук с затейливыми узорами. На голове каждой повязана кичка. Большие связки бус, преимущественно янтарных, украшали шею и грудь. Пояс с великолепными цветистыми узорами перехватывал талию.

Уходят в прошлое, забываются старые дедовские обычаи и религиозные каноны. Молодежь и представления о них не имеет. Но осталось платье давным-давно минувших дней. Осталась песня. Чистая, звонкая, протяжная русская песня, доносящая к нам, как эхо, отзвуки седой старины. Большой и прозрачный родник истинно народной, истинно русской поэзии плещется в этих песнях!

...А теперь перенесемся на несколько сот километров южнее, к Слюдянке. Какой контраст! Шум байкальского прибоя, неумолчные гудки паровозов, грохот поездов...

Слюдянка... Самое название этого города говорит за себя. Действительно, в нескольких километрах от города находятся шахты, принадлежащие Слюдянскому рудоуправлению. Здесь на большой глубине добывают слюду, так необходимую нашей промышленности. Но не одним этим славится сейчас Слюдянка.

Еще когда мы по новой электрифицированной дороге подъезжали со стороны Иркутска к Слюдянке и на 107-м километре перед нами открылся Байкал в окружении угрюмых отрогов Хамар-Дабана, на вершине одного из хребтов мы увидели снег, вернее, ледник, ослепительно сверкавший в лучах солнца.

Но это был не снег и не ледник. Это был мрамор.

Здесь, на тысячеметровой высоте, находится слюдянское горное предприятие «Перевал», одно из крупнейших в стране. Здесь добывают мрамор, являющийся в этих местах сырьем для цементного завода в городе Ангарске...

Сначала взрывчатка, а затем бульдозеры и экскаваторы два года назад пробили в хребтах эту белую мраморную дорогу, по которой мы поднимаемся к вершине хребта. И постепенно высокие, двухсотметровые опоры воздушно-канатной дороги, протянувшейся на три с половиной километра, становятся нам по плечо, а вскоре остаются далеко внизу. Дорога вьется змеей. По ней снуют «МАЗы» и «ЯЗы», окутывая друг друга облаками белой пыли.

Мрамор проходит начальную обработку на фабрике первичного, затем — на фабрике вторичного дробления. В конце концов огромная глыба мрамора превращается в крошку. Предприятие еще не полностью вступило в строй. В этом году оно даст только семьсот тысяч тонн мраморного сырья, но уже в будущем году — миллион двести тысяч тонн!

По мраморной дороге поднимаемся выше. И вот уже машина на высоте тысячи метров над уровнем моря. Мы на вершине одной из гор Хамар-Дабанского хребта. Наверно, за высоту и недоступность ее и назвали Чертовой горой.

Пришел конец Чертовой горе! Люди ее покорили. Правда, штурм был невероятно труден. Об этом нам рассказал один из лучших бульдозеристов карьера, комсомолец Сергей Михайлов. Мы познакомились с ним здесь, на тысячеметровой высоте, где он работает на своем бульдозере «Д-259». Стройный, смуглый, вихрастый, он вылез из своей машины и, сверкнув белозубой улыбкой, сказал:

— Это что! Сейчас дорога уже почти готова. А вот вы хотя бы годок назад приехали! Насмотрелись бы, набрались впечатлений. Зимой мы начали ее прокладывать. Сначала времянку. Мерзли. Машины буксуют. Подъемы такие крутые, что только гляди в оба, а то мигом сорвешься. Поднимались под углом 40 градусов. А у нас на прицепе экскаваторы. Взрывчатку тащили в мешках, ам-

— «Прекрасна и ты, Эржима...» — Дарма Дашимбалов приветствует землячку, студентку консерватории.

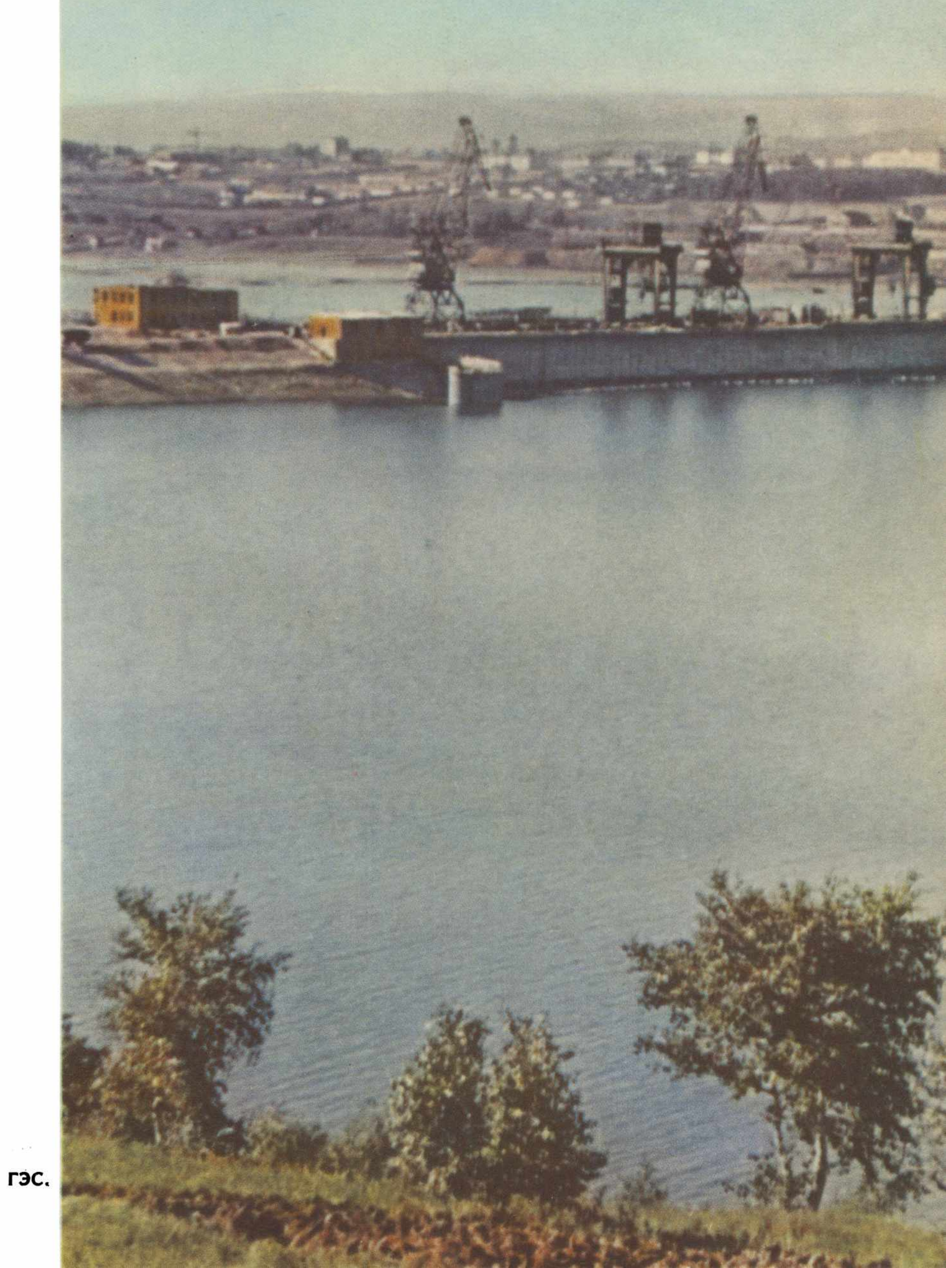

На пастбищах колхоза «Первое мая», Шилкинского района, Читинской области.

Фото М. САВИНА.

Охотничья заимка в тайге Баргузинского района.

Иркутская ГЭС.

«Огонек».

← Рыбачка Нижне-Ангарского рыбокомбината Ксения Куренкова с богатым уловом омуля.

Крупнейший знаток Байкала, лимнолог (озеровед) профессор Михаил Михайлович Кожов.

Рыбачки села Исток — участницы самодеятельного коллектива старинной русской песни.

Утро в селе Суво. Баргузинский район.

монит поднимали на хребты, на высоту 870—900 метров. Вот когда трудно было! Не хотела сдаваться тайга!

Сережа Михайлов начал работать на отметке 500 метров и дошел до высоты 990 метров. Но это, так сказать, внешняя перемена. А внутренняя — псковитянин стал настоящим сибиряком! Здесь он и женился, отпраздновал в апреле комсомольскую свадьбу...

Сибиряком стал и Роман Смага, приехавший сюда с Украины. Он присоединился к нашей беседе:

— Осенью интересно было... Тут ведь кедрач сплошной стоял. Орехов хочется пощелкать. Вот, бывало, поднимаясь по времянке на высоту, прорубаясь сквозь тайгу, подъедешь на бульдозере, стукнешь по кедру, шишек насобираешь — и дальше царапаешься!

Я смотрю на это циклопическое нагромождение скал, хребтов, суровых и недоступных, на Байкал, открывающийся с тысячеметровой высоты, на белую мраморную дорогу, винтообразно поднимающуюся все выше и выше, и чувство великой гордости за советского человека, за моего современника рождается в сердце.

Это они, наши люди, проложили в сравнительно короткий срок и новую электрифицированную железную дорогу от Иркутска до Слюдянки. По ней сейчас мчатся мощные электровозы, ведя составы весом почти в 3 тысячи тонн. Дорога прошла в стороне от Байкала и только у Слюдянки приближается к озеру. Она почти на тридцать километров короче старой. Рельеф местности здесь сложный: хребты, пади. Между станцией Большой Луг и Слюдянкой на каждый километр пути приходится 16—17 метров подъема!

Но мы не забыли и старую кругобайкальскую железную дорогу. И когда закрытая дрезина повезла нас по ней от Слюдянки до станции Байкал, какая-то щемящая грусть невольно закралась в сердце. Молчат рельсы, прорастают травой, ржавеют. По ним уже не мчатся в дальние рейсы поезда, оглушительные гудки паровозов уже не тревожат тишину. Обрывы... Бесчисленные тоннели... Совсем рядом плещется синий Байкал. Нет, откровенно говоря, старая дорога по своей живописности мало имеет равных себе в Союзе!

Но грусть наша была минутной. Ведь уже разлилось и почти вплотную подошло к Байкалу голубое Иркутское море. Закончена установка восьмой, последней по счету турбины. Вскоре через высокую плотину ГЭС протянутся рельсы. Они пройдут, возможно, по правому берегу Ангары, по новому ажурному мосту перекинутся через реку и около станции Байкал соединятся с рельсами кругобайкальской дороги. Так начнется яркая, новая жизнь старой дороги, произойдет ее второе рождение!

Как хорошеет лицо моей Сибири!.. Недалеко от Иркутска шумит молодой Ангарск. Городом стал и Бодайбо, один из центров золотодобывающей промышленности. Лучшую в стране слюду добывают в Маминском месторождении.

Хлеб, уголь, металлы, жидкое топливо, лес — все дает сейчас Родине мой неузнаваемо преображенный край.

Тайшет завтрашний

А какие широкие горизонты откроются перед Прибайкальем в ближайшие годы!

В конце августа в Иркутске закончила работу конференция по развитию производительных сил Восточной Сибири.

Там-то и обсуждали вопрос о создании в Восточной Сибири третьей металлургической базы, и в частности о строительстве большого металлургического завода...

А где руда?

В Коршунове... Да, в дремучей Илимской тайге рядом со станцией Коршуниха-Ангарская, стоящей на железной дороге Тайшет — Лена, уже прокладываются пути, вырастают первые дома города Железногорска. Коршуновский горнообогатительный комбинат по своей мощности станет самым крупным среди подобных предприятий мира.

В Иркутске мы встретились с одним из видных геологов Сибири, депутатом Верховного Совета СССР профессором М. М. Одинцовым. Это он составил первую геологическую карту Коршуновского рудного месторождения.

— Коршуновское месторождение известно более 300 лет,— сказал Михаил Михайлович.— Еще в 1654 году енисейский воевода, прослышав от звенков о том, что вблизи реки Илим есть «железная земля», отправил туда служивого человека, рудознатца Шестачко-Коршунова. Он-то и обнаружил месторождение, названное впоследствии его именем, и даже произвел небольшие плавки руды. Железо пошло в Илимский острог. Но в течение многих лет Ангаро-Илимский железорудный район явно недооценивался. Только в тридцатых годах вспомнили о Коршунихе! Возобновились разведки, а в пятидесятом году поисковая партия открыла неподалеку Татьянинское месторождение. Геологи окончательно установили, что Ангаро-Илимский район представляет часть грандиозного железорудного района, который тянется на север и северо-восток к Якутии и верховьям реки Вилюй...

Да, поистине неисчерпаемыми запасами сырья располагает будущий Тайшетский металлургический завод, первенец третьей металлургической базы, создаваемой в Восточной Сибири!

Каким будет этот завод? Когда начнется строительство? С этими вопросами мы обратились к начальнику горнорудного комбината Иркутского совнархоза Виктору Власьевичу Сабитскому.

— Строительство начнется в 1961 году,—сказал он.—В 1965 году завод должен дать свою первую продукцию. Из всех металлургических заводов на востоке нашей страны Тайшетский будет давать самый дешевый металл. Все дешево: и руда—она лежит рядом — и энергия — ее даст Братская ГЭС.

Погожим сентябрьским утром мы приехали в Тайшет, и через несколько часов юркий «Москвич» помчал нас по Шипкинскому тракту в село Старый Акульшет, где работает экспедиция московского института «Фундаментпроект». Экспедиция начала свою работу в марте нынешнего года.

Она выбирает площадку для завода.

Вместе с начальником экспедиции Зоей Васильевной Блоской едем по лесной дороге на место будущего строительства. Здесь, в десяти километрах от Тайшета, в лесу, дыхание сибирской осени особенно ощутимо. Ранняя позолота тронула листья берез и осин. Пожухли травы, побурели засыхающие заросли папоротников, кипрея. Легкий ветер пронизывает холодком. Машина останавливается. Зоя Васильевна ведет нас в густую лесную чащу, показывает:

— Тут будет завод!

Таежная дремотная осенняя тишина сибирских лесов! Но пройдет всего несколько лет, и сюда, в тайшетские леса, придут сорок тысяч строителей.

Тайшет и сейчас строится. Немало двухэтажных каменных домов выросло здесь в последние годы. Воздвигаются средняя школа, Дом пионеров, детские ясли, зимний спортивный зал. А что будет здесь, когда начнется строительство первенца восточносибирской металлургии?!

Председатель Тайшетского райисполкома Иван Васильевич Зверев показал нам план нового города с населением в 220 тысяч жителей.

Еще неизвестно, какое название ему дадут, но уже отчетливо видно, каким он будет. Вдоль широкой улицы стройными рядами встанут дома, окруженные березовыми рощами. Откроются восемь техникумов, в том числе металлургический, химический, строительный, медицинский, педагогический. Возникнут цементный завод, обувная фабрика и хлопчатобумажный комбинат...

Они добывают мрамор. Сергей Михайлов (слева) и Роман Смага.

Вблизи Тайшета уже строится новая железная дорога. Ее ведут одновременно и со стороны Абакана и со стороны Тайшета. Недалеко от города, к юго-западу от него, протянулись первые четыре километра железнодорожного пути. Станция Суетиха уже связана рельсами со станцией новой железной дороги — Бирюсой. Правда, станции-то еще нет, вместо нее пока что стоит маленькая будка, но станция будет. Она возникнет буквально через несколько месяцев. Паровозы уже ведут из Суетихи в Бирюсу составы с балластом, со связками рельсов. И начальник строительно-монтажного поезда № 288 «Ангарстроя» Георгий Лукич Чабан не отказал нам в удовольствии проехаться по первому километру нового железного пути...

...Мы простились с Байкалом. Но еще долго звучала в ушах неумолчная песня морского прибоя; и хотя мы отъехали порядочно, все казалось, что баргузин обжигает наши лица ледяным терпким дыханием.

И хотелось во всю силу легких крикнуть, да так, чтоб услышали все наши байкальские друзья: и рыбаки Нижне-Ангарска, и чабаны баргузинских степей, и горняки Слюдянки, и изыскатели Тайшета:

— Эй, баргузин, пошевеливай вал!

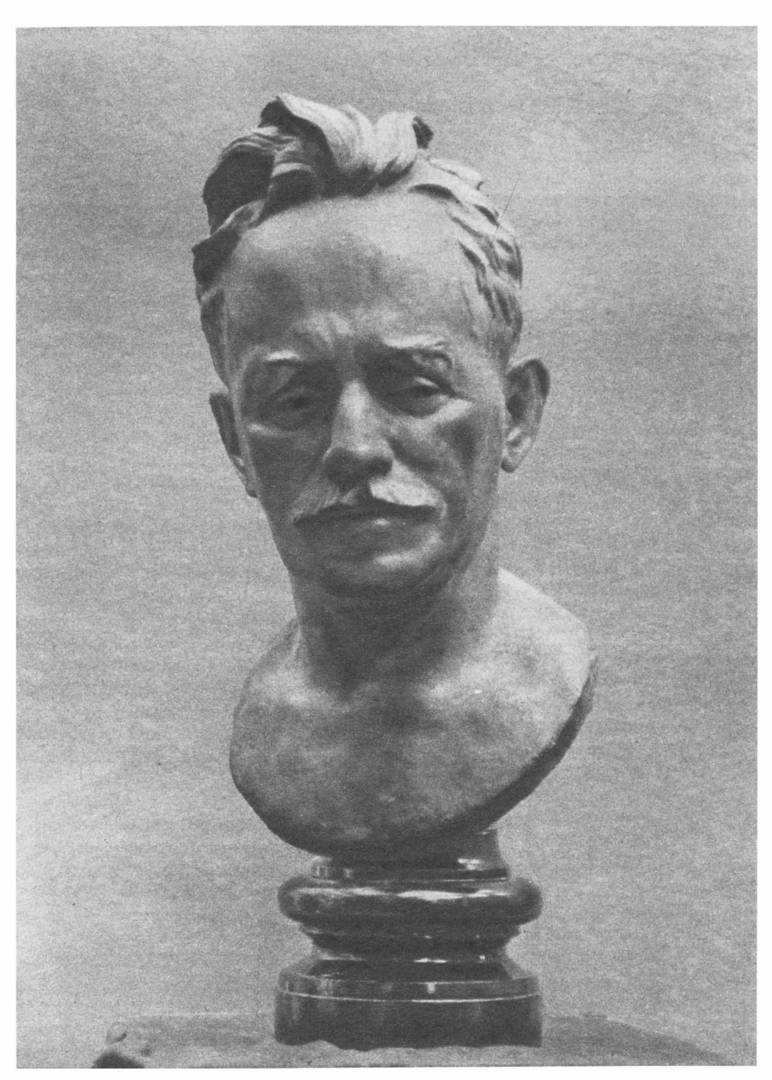
Дети Нижне-Ангарска.

ИСКУССТВО ВАЯТЕЛЯ

Иван **ШЕВЦОВ**

Фото А. Соркина.

М. А. Шолохов.

Степан Разин.

На Всемирной выставке в Брюсселе большая группа деятелей советского искусства была удостоена почетных премий. Имя скульптора Е. Вучетича открывало список награжденных. Высшую награду — «Гран При» получил Евгений Вучетич за три своих работы: гранитный бюст В. И. Ленина, портрет венгерского скульптора Штробла и монументальную композицию «Перекуем мечи на орала», известную советским зрителям по юбилейной Всесоюзной художественной выставке.

Но международное признание его таланта пришло гораздо раньше, когда в центре Европы, в Берлине, на высокий башнеобразный постамент взошел советский воин-освободитель. Кто не помнит этого простого русского солдата, к горячему доброму сердцу которого ласково и доверчиво прильнула курчавая головка девочки! В сильной руке солдата богатырский меч, опущенный на фашистскую свастику, расколовший ее вдребезги. Именно таким — простым и великим, могучим и душевно-нежным, знаменосцем свободы, титаном, разбивающим цепи фашистского рабства, — живет советский солдат в сердцах простых людей всего мира.

Чем одареннее художник, тем шире круг, больше число людей, в душе которых находят отклик его творения. Создать обобщенный образ советского воина, глубокий по идее, ясный и впечатляющий по форме, показать дух Советской Армии, ее сущность через одного солдата — эта нелегкая задача оказалась по плечу талантливому ваятелю.

И не случайно с этой задачей справился скульптор, сложившийся как мастер в недрах Советской Армии. Рядовым солдатом вступил он на тяжелые дороги войны и затем в ярких скульптурных образах воинов воспел славу родного народа: Вучетич создал 42 скульптурных портрета полководцев, солдат и офицеров Советской Армии, среди которых прославленные полководцы Черняховский, Ватутин, Чуйков; памятники, высеченные Вучетичем,

Е. В. Вучетич в своей мастерской.

стоят в девяти городах страны, например, Ефремову в Вязьме, Ватутину в Киеве, Гуртьеву в Орле, Александру Матросову в Великих Луках...

Герой всех произведений Вучетича — наш современник, советский человек, созидатель и защитник нового общественного строя, борец за счастье трудящихся всей земли. Можно сказать, что лучшие работы Евгения Вучетича отмечены печатью удивления перед этим человеком, восхищения им, гордости за него.

Поражает завидная работоспособность художника, его неисчерпаемая энергия. В одну только портретную «Сюиту Казахстана» входит 20 скульптур: труженики целины, рабочие, ученые, писатели, артисты, композиторы... «Сюита Казахстана» создавалась скульптором непосредственно в районах освоения целинных земель.

Примерно в эти же годы скульптор готовил серию портретов друзей СССР — борцов за мир: Китчлу, Сокхея, Штробла, Бидструпа и других — и одновременно напряженно работал над новой портретной «Сюитой строителей коммунизма».

Евгений Вучетич не раз обращался к образу В. И. Ленина. И здесь он достиг немалого, обогатив «Лениниану» советского изобразительного искусства. В первую очередь следует назвать гранитный бюст В. И. Ленина, отмеченный высшей премией на Брюссельской выставке.

В недалеком времени в Москве, на площади Дзержинского, будет воздвигнут памятник Ф. Э. Дзержинскому — рыцарю революции, одному из выдающихся деятелей нашей партии и государства, соратнику В. И. Ленина. Шестиметровая фигура отлита из бронзы. Дзержинский изображен в простой солдатской шинели, с непокрытой головой, прямой, несгибаемый, бесстрашный.

Монументальная фигура советского человека, переделывающего орудия войны на орудия мирного труда («Перекуем мечи на орала»), завоевала, как мы уже знаем, признание не только у соотечественников. Это глубокое по мысли и предельно ясное по форме, подлинно художественное произведение в творчестве Е. Вучетича может быть поставлено рядом с берлинским монументом воину-освободителю. И в сюжетно-тематическом отношении новая композиция является своеобразным продолжением берлинского монумента, как бы второй частью сказания о советском народе-богатыре.

Скульптор обращается к аллегории всякий раз, когда нужны большие обобщения, когда конкретный образ служит лишь основой для выражения более широкой идеи.

В огромной мастерской среди множества начатых, неоконченных или завершенных работ есть одна, которая вызовет немало разговоров, толков и суждений. У Вучетича, как у всякого большого художника, равнодушных зрителей нет. Его знают, работы его ищут на выставках. Обратят внимание и на эту работу. Я имею в виду новую скульптурную композицию «Степан Разин». Монумент этот — над ним автор трудился в течение четырех лет, как над своим самым любимым детищем,— стоит еще в мастерской. Не будем гадать, где он встанет навечно: беломраморный — в выставочном зале музея или, увеличенный в пять раз, где-нибудь над новой Волгой, на утесе горы Могутовой. Важно, что замысел скульптора уже воплощен в конкретную художественную форму.

Перед зрителем, «как живой», сидит Степан Разин. Казалось, изобразительные средства ваятеля ограничены. У писателя-романиста возможности куда шире. Но Вучетич словно перешагнул какой-то предел возможностей скульптуры. Он проник глубоко во внутренний мир своего героя и настежь распахнул перед зрителем его душу, мятежную, сложную и щедрую. Композицию можно было бы назвать «Думой Степана».

Посмотрите в его суровые и глубокие глаза, в которых, как в зеркале, видно все, что происходит в душе этого необыкновенного человека. Обратите внимание на руки: грубые пальцы правой бережно и нежно держат цветок-бессмертник, а рядом — какой контраст! — сильная, не способная дрогнуть левая рука, как воплощение беспощадной решимости вести народ в бой за лучшую долю, за новую жизнь. А какова она будет, эта новая жизнь, атаман не знал. И вот это состояние Разина с большой силой передал скульптор.

Мне довелось видеть реакцию на этот монумент первых зрителей. Видел, как Михаил Шолохов долго и молча стоял у скульптуры, вглядываясь в лицо атамана. И думается, что многие, очень многие советские люди будут смотреть на вучетичевского Степана Разина глазами М. А. Шолохова.

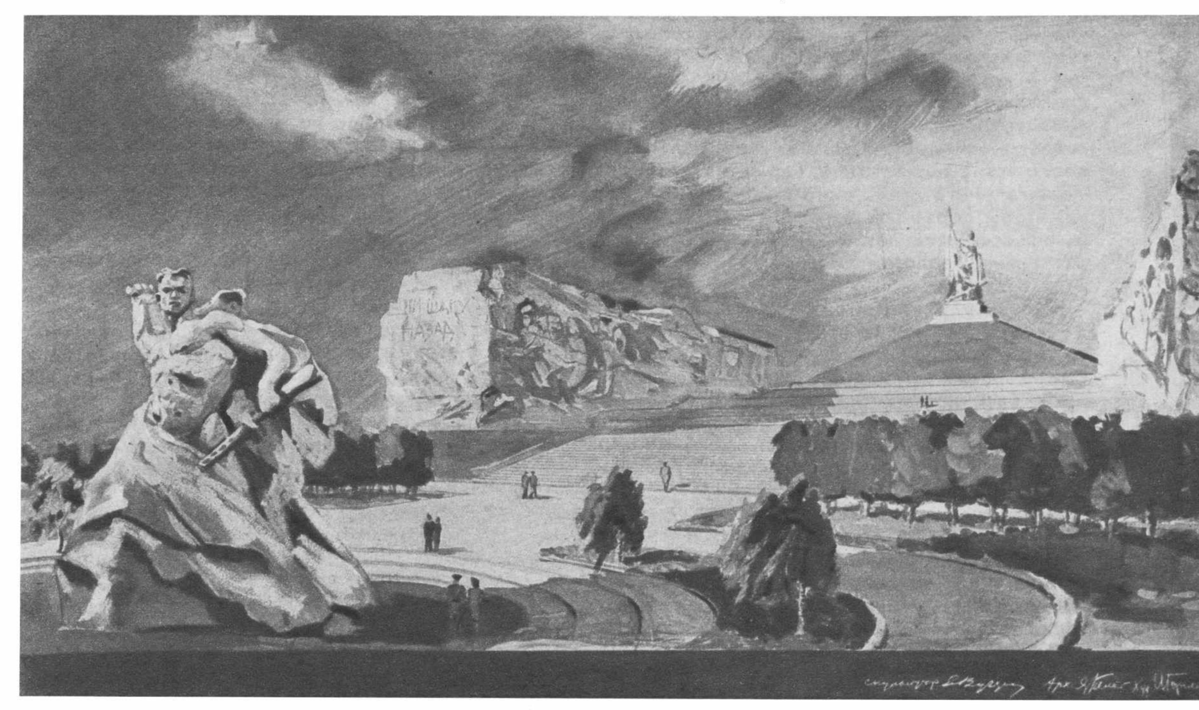
Несколько лет тому назад Вучетич получил письмо из Сталинграда от демобилизованного воина — ветерана войны, вернувшегося в родной город из Берлина. Воин писал скульптору: «Вы создали бессмертный памятник советскому солдату в Берлине, на чужой земле. Это хорошо. Но почему нет такого памятника на нашей родной земле, политой кровью ее лучших сынов? Не я один спрашиваю Вас, скульптор Вучетич, об этом».

Так начала зарождаться идея памятника героям Сталинграда. По замыслу скульптора, он должен во всех отношениях превзойти берлинский монумент. Это будет целый комплекс мощных архитектурно-скульптурных сооружений, завершением которого явится панорама «Разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом», сооруженная на Мамаевом кургане в виде искусственного зеленого холма. Этот холм-панорама одновременно послужит постаментом грандиозной тридцатиметровой скульптурной группы в честь воина-победителя.

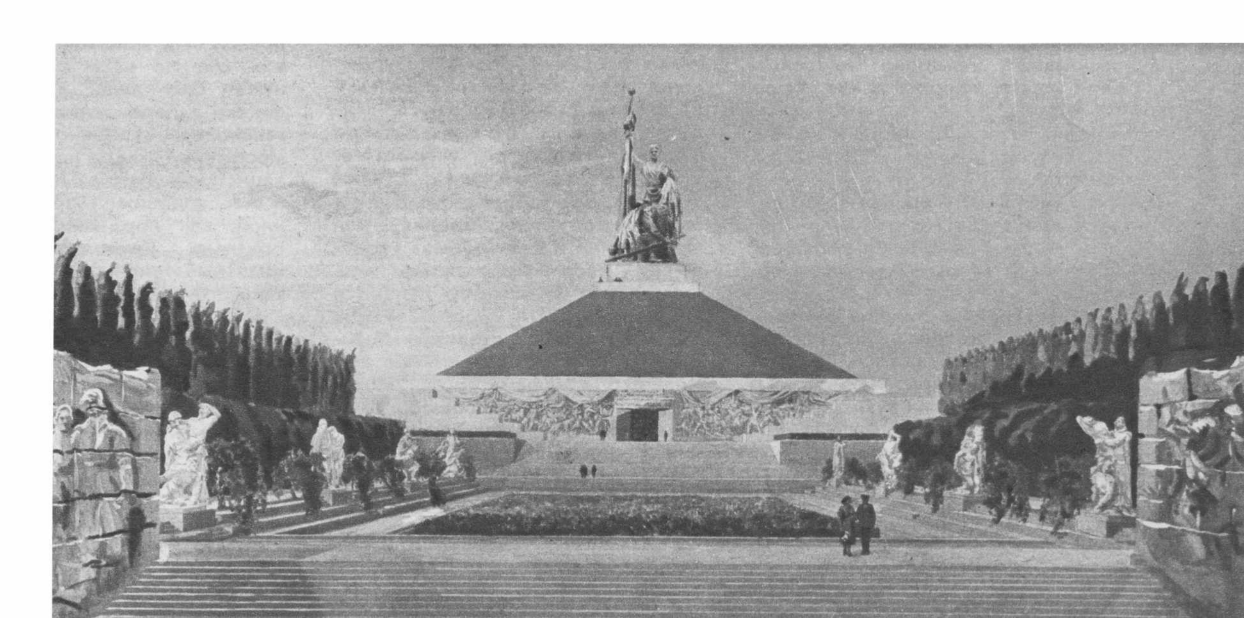
На «подступах» к панораме будет установлено свыше двух десятков скульптурных композиций, повествующих о бессмертном подвиге советских воинов.

Над сталинградским (как и над берлинским) памятником Е. Вучетич работает в соавторстве с художником А. Горпенко и архитектором Я. Белопольским. Архитектором некоторых других памятников является Г. Захаров.

Соорудить сталинградский памятник предполагается к 20-летию Сталинградской битвы. Это должно быть — и можно верить, что будет — поистине грандиозное создание скульптора, достойное нашей великой эпохи и нашего героического народа.

Макеты памятника героям Сталинграда.

ТЕНЬ МЮНХЕНА

А. ПОЛТОРАК

Недавно государственный секретарь США Джон Фостер Даллес, а вслед за ним и сам президент Эйзенхауэр, защищая политику «на грани войны», пустились в рискованное путешествие по дорогам истории: вспоминая Мюнхен, они утверждали, будто «Соединенные Штаты отвергают такую политику».

Что ж, может быть, именно сейчас, спустя двадцать лет после мюнхенской сделки, небесполезно отделить правду от вымысла и фальсификации в этой истории.

...Декабрь 1945 года. Рождественская ночь над Нюрнбергом. Среди руин, оставшихся от старого готического города, высится здание Нюрнбергского окружного суда и старинной городской тюрьмы, в которой содержатся бывшие главари гитлеровского рейха. Международный трибунал не заседает в эти дни: объявлены рождественские каникулы. У Германа Геринга много свободного времени, чтобы перебрать в памяти события всех этих лет. Память уводит его к «золотой осени» 1938 года.

...Шаги у дверей, лязг замка. В камеру вошел капитан американской армии врач Джильберт. Геринг начал вспоминать вслух:

«Я был просто поражен, как легко все удалось Гитлеру... Когда Гитлер потребовал, чтобы некоторые военные заводы, находящиеся за границами Судетской области, были переведены на судетскую территорию, как только она к нам отойдет, я ожидал взрыва, но не последовало и писка. Мы получили все, что хотели. Получили вот так!» — Геринг щелкнул пальцами...

...И вот Геринг дает показания Международному трибуналу. Он хорошо понимает, почему никто из обвинителей от западных держав не задает ему вопросов о Мюнхене. Но завесу молчания прорывают немецкие адвокаты. Они задают вопрос: а что было бы, если бы после мюнхенской сделки Чехословакия не согласилась уступить Германии Судетскую область?

«О,— отвечал Геринг,— этот вопрос мы тогда же поставили перед Англией и Францией. Ответ был: «Тогда мы принудим чехов...»

После Геринга пришла очередь Шахта. Его допрашивал главный американский обвинитель Р. Джексон. Он напомнил Шахту о его участии в экономическом разграблении Чехословакии. Но Шахт совершенно спокойно парировал вопрос.

«Но простите, пожалуйста,— сказал он,— Гитлер ведь не взял эту страну силой. Союзники просто подарили ему эту страну...»

Вряд ли нужно комментировать эту хотя и циничную, но не лишенную смысла характеристику. Лучше вспомнить дни, предшествовавшие захвату Чехословакии Гитлером. В то время капиталистическая печать Англии и Франции, стремясь заставить Чехословакию капитулировать перед Гитлером, всячески раздувала впечатление о военном всемогуществе гитлеровского рейха. В Лондоне открылось четырнадцать пунктов раздачи противогазов, город стали демонстративно готовить к противовоздушной обороне. В Париже усилиями Жоржа Боннэ делалось то же самое. Но только ли европейские «друзья» Чехословакии делали это? Американский провокатор Линдберг по возвращении из Москвы, где он присутствовал на воздушном параде, стал распространять слухи о слабости советской авиации. Всячески поддерживая панические настроения, госдепартамент США дал указание американским посольствам и консульствам в Европе «рекомендовать» американцам спешно эвакуироваться из Европы в связи «с приближением военной опасности»... Все это должно было создать впечатление неотвратимости германского нападения на Чехословакию.

Стоит ли удивляться поэтому, какое напряжение охватило присутствовавших в зале Нюрнбергского трибунала, когда Кейтелю, бывшему начальнику верховного командования вооруженными силами гитлеровской Германии, был задан вопрос о том, могла бы тогда, в 1938 году, Германия успешно осуществить военное нападение на Чехословакию. Вот ответ Кейтеля:

«Мы были чрезвычайно счастливы тем, что дело не дошло до военных операций, ибо были убеждены, что наши военные средства нападения недостаточны для прорыва пограничных укреплений Чехословакии. Таким образом, рассматривая дело с чисто военной точки зрения, для наступления и для прорыва укреплений у нас не было силы».

Даллес и Эйзенхауэр пытаются представить США «противниками» и даже «разоблачителями» Мюнхена. В действительности же они были его активными организаторами. Если уж на то пошло, то и сама идея Мюнхенской конференции родилась в Белом доме. Обратимся к фактам.

...26 сентября 1938 года. Белый дом шлет телеграмму, в которой призывает правительства Англии, Франции и Чехословакии вести переговоры с Гитлером.

27 сентября... Проявляя нервозность, Белый дом вновь направляет телеграмму Берлину, Риму, Лондону, Парижу и Праге с предложением «созвать специальную конференцию», разумеется, без участия Советского Союза!

«Я не пытаюсь определить, что непосредственно подействовало на Гитлера,— отмечает в своем дневнике Гарольд Икес, тогдашний министр внутренних дел США,— но это факт, что Гитлер объявил о созыве особой конференции в Мюнхене через несколько часов по получении послания президента США».

Так выглядит правда. Не случайно «Нью-Йорк таймс» писала тотчас после Мюнхена: «Чемберленовский взбудораженный голубь мира, устало машущий крыльями на пути из Мюнхена домой, является американским детищем. Мы должны гордиться этим». Надо воздать должное и Чемберлену: на второй день после возвращения из Германии он сказал в палате общин:

«Есть и другое государство, которое не присутствовало на конференции, но которое, как мы чувствовали, оказывало постоянно возрастающее влияние. Я, конечно, имею в виду Соединенные Штаты».

Немедленно после заключения мюнхенского соглашения в среде американских реакционеров началось подлинное ликование. Наконец-то появилась реальная надежда на то, что фашистскую Германию удастся обрушить на Советский Союз! Еще не высохли кровавые подписи на мюнхенском соглашении, а «Нью-Йорк геральд трибьюн» 1 октября 1938 года взахлеб призывала гитлеровскую клику создать «великую империю... в просторах России».

Захватом Судет, а затем и всей Чехословакии позорная мюнхенская эпопея не была исчерпана. Мюнхен — это целая историческая полоса, отмеченная повторными попытками Англии, Франции и США, швыряя в пасть гитлеровскому Молоху малые страны, отвратить его ярость от Запада и натравить на Советский Союз.

1941 год. «Странная война», это новое проявление мюнхенской политики, продолжалась на Западе. 9 июня 1941 года, то есть за двенадцать дней до нападения гитлеровской Германии на СССР, в одном из уютных лондонских особняков происходила знаменательная беседа. Судя по официальной стенограмме, одним из участников беседы был некий д-р Гутри, другой был обозначен «господином У». Но весь этот маскарад нужен был лишь для стенографистки и переводчика. В действительности «господином У» был заместитель Гитлера по руководству нацистской партией Рудольф Гесс, а «господином Гутри» — не кто иной, как лорд-канцлер Великобритании Джон Саймон, специальный уполномоченный британского правительства.

Мюнхен продолжался. Лорд Саймон с упорством английского купца торговался с Гессом.

Гесс передал Саймону документ под названием «Основы для взаимного понимания». Каковы же эти «основы»? Гесс отвечал: «Сфера интересов Германии — Европа, британская сфера интересов — Британская империя».

Дальше разговор перешел на Советский Союз — в чью же «сферу интересов» надо его отнести. Гесс прямо ответил, что «Европейская Россия, конечно, интересует Германию».

Саймону нетрудно было понять, что гитлеровская клика ждет от Англии «благожелательного невмешательства», то есть прикрытого сотрудничества в войне против Советского Союза.

И гитлеровцы получили то, что им нужно было,— политику саботажа открытия второго фронта. А американский мюнхенец Гарри Трумэн на второй день после нападения гитлеровской Германии на СССР с восторгом писал, что наконец-то «немцы и русские будут уничтожать друг друга». Собственно, это и было сердцевиной мюнхенской политики в годы войны. А центральной фигурой, которая являлась координатором и исполнителем усилий реакции США, стремившейся к сговору с Гитлером, был шеф американской разведки Аллен Даллес, брат Джона Фостера Даллеса.

Кончилась война. Потерпели сокрушительное поражение планы международной реакции. Советский Союз вышел победителем из войны и стал могущественной державой мира. Создан великий лагерь социалистических стран. Капитализм терпит поражение за поражением. И вот в этих условиях американский империализм, который, увы, ничего не забыл и ничему не научился, по существу, продолжает все ту же политику: насаждает, где можно, фашизм, консолидирует силы международной реакции, пытаясь организовать новый крестовый поход против Советского Союза. Не случайно в своем последнем слове на Нюрнбергском процессе Рибентроп многозначительно сказал: «Соединенные Штаты и Великобритания сегодня стоят перед той же дилеммой, что и Германия. От всей души желаю им большего успеха».

Стратегическую линию «мюнхенской политики» реакция пытается проводить теперь и во Франции. Во внутренней политике — подавление демократии, во внешней — союз с германскими милитаристами. Таким образом, как отметил Н. С. Хрущев, «20 лет спустя после Мюнхена предпринимается новая попытка подцепить Францию на буксир немецкого танка и потащить ее в поход на Восток».

И не симптоматично ли, что референдум по поводу новой конституции был назначен на 28 сентября 1958 года?! Ведь именно в эти дни двадцать лет назад было созвано совещание в Мюнхене, ставшее роковым не только для Чехословакии, но и для Франции и стоившее ей в конечном итоге свободы и независимости, моря крови и несчастий...

Можно произносить любые речи о том, что США были «противниками» политики Мюнхена. Но нелепо рассчитывать на то, что нынешнее поколение людей состоит из маленьких детей, готовых поверить в недостойный фарс, разыгрываемый на высоких правительственных подмостках Соединенных Штатов. Нет, американский империализм не сумеет снять с себя клеймо подлинного организатора, вдохновителя и продолжателя мюнхенского заговора империалистов!

РАЗГОВОР С АНГЛИЙСКИМ ЛЕЙБОРИСТОМ

Кеннет Янгер приехал к нам по приглашению Парламентской группы СССР.

— Моя цель — посмотреть, как живут люди вашей страны,— говорит он.

Это не первое посещение Янгером Советского Союза. Первый раз он был у нас двенадцать лет назад в качестве работника ЮНРРА. Провел тогда в СССР всего несколько дней — в Минске, Киеве и Москве. Советским Союзом видный деятель лейбористской партии интересуется давно. Еще во время войны, когда был в действующей армии, а потом в штабе генерала Монтгомери, Янгер изучал русский язык и сейчас довольно сносно читает: «всего за полчаса прочел статью Кони Зиллиакуса, напечатанную в вашем журнале!»

— Я очень благодарен моим гостеприимным хозяевам,— говорит наш собеседник,— они дали мне возможность увидеть все, что я хотел. Пожалуй, самое сильное впечатление на меня произвела поездка в Среднюю Азию, в Узбекистан. Вы знаете, что на Западе очень интересуются, как живет этот район вашей страны.

Кеннет Янгер.

— Какой же вывод вы сделали?

— Огромные изменения к лучшему, которые произошли во всей вашей стране, там особенно заметны. Я бывал, например, в Карачи, Касабланке. На них лежит печать старины в плохом смысле этого слова. Признаюсь, я ожидал увидеть то же самое в вашей Средней Азии. Но я обманулся. Я никогда не представлял, как много можно сделать для благоустройства древнего города, для изменения его облика. В Узбекистане по людям, даже если они ходят в старинной национальной одежде, видно, как много сделано для подъема их благосостояния. Конечно, я не раз там слышал, что еще многое предстоит сделать, но я был свидетелем того, какими быстрыми темпами претворяются в жизнь планы. Еще меня поразила огромная, так сказать, продуктивность этой страны, ее производительность.

— Господин Янгер,— перебили мы нашего собеседника,— ведь вы юрист по образованию?

— Да.

— Года два тому назад советскую Среднюю Азию посетил другой юрист, американский судья Дуглас. В своих статьях, опубликованных в США, он писал, будто среднеазиатские республики во всех отношениях русифицированы, что там якобы подавляются национальная культура, национальные традиции. Каков ваш взгляд по этому поводу?

— Видите ли, когда я приехал в Ташкент, я увидел на улицах больше, чем предполагал, людей, одетых по-европейски. Но я убедился, что из этого нельзя делать выводов, подобных тем, которые сделал судья Дуглас. Конечно, любой народ, в прошлом отсталый и поднявшийся теперь до уровня современной цивилизации, принимает многие новшества как приходящие «со стороны». Железная дорога, современные постройки, наконец, современная одежда, которая в обиходе обычно удобнее старинной национальной,— все это в каком-то смысле «привносное». Но опять же это лишь внешние признаки. Что же касается национальной культуры, национального характера, то тут судья Дуглас безусловно неправ. Я разговаривал с очень многими местными людьми. Все они любят свой Узбекистан, активно интересуются его культурой, развивают ее, все они преисполнены хорошей национальной гордости.

— Каковы, по-вашему, перспективы экономических связей между нашими странами?

— Видите ли, я не экономист,— ответил Янгер.— В лейбористской партии я занимаюсь вопросами внешней политики и являюсь вице-президентом Королевского института международных отношений. Но в Московском университете мне показали карту минеральных ресурсов СССР, и она поразила меня. Я не знаю, что из этих ресурсов вы могли бы продавать моей стране,— известно, что собственные нужды вашей промышленности огромны,— но я знаю, что Англия заинтересована во многом из того, что указано на этой карте. Подчеркиваю еще раз: я не экономист, поэтому мои выводы очень общи.

— В таком случае разрешите задать вам вопрос, касающийся международных отношений. Ваше пребывание в СССР совпало с очень серьезными событиями на Дальнем Востоке. Как вы относитесь к ним?

— Во время поездки я, естественно, не получал полной информации о подробностях положения на Дальнем Востоке. Но у меня существует определенное мнение об этом. Все эти прибрежные острова — Куэмой, Мацзу и другие — безусловно являются частью Китая. Вопрос об их освобождении — сугубо внутреннее дело Китая. Гражданская война, которая могла бы возникнуть из-за этих островов,— тоже дело внутреннее. Никто не имеет права вмешиваться. Попросту говоря, американцы должны эвакуироваться из этого района.

— А что вы думаете о восстановлении представительства Китайской Народной Республики в ООН?

— Я лично и руководство лейбористской партии всегда занимали твердую позицию в этом вопросе. Я считаю, что Китай должен восстановить свое представительство в ООН. Много раз я публично выступал в США и всегда отстаивал эту точку зрения.

— Как совместить, господин Янгер, тот факт, что Англия официально признала Китайскую Народную Республику и в то же время представитель вашего государства в ООН выступает против обсуждения вопроса о представительстве Китая в ООН?

— Совместить эти два факта никак нельзя,— отвечает наш собеседник.— Тут позиция нашего правительства совершенно нелогична.

— Чем же объяснить такое противоречие?

— Другими политическими соображениями, которыми в данном случае руководствуется консервативное правительство.

— Что вы имеете в виду?

— Англо - американский альянс. К сожалению,— добавил с улыбкой Янгер,— в этом случае можно надеяться только на новые парламентские выборы.

Г. БОРОВИК

В Москве, в сквере на Болотной площади, открыт памятник великому русскому художнику Илье Ефимовичу Репину. Авторы памятника — скульптор М. Г. Манизер и архитектор И. Е. Рожин.

Фото А. Бочинина.

ВАЦЛАВ МАТЕЙКО ЛЕТИТ В МОСКВУ

Вацлав Матейко с московской пионеркой Таней Кожаковой на Внуковском аэродроме.

Фото И. Ганюшкина.

Недавно газета чехословацких ребят «Пионерская газета» вместе с Союзом чехословацко-советской дружбы провела конкурс, в котором дети должны были ответить на пять вопросов. По фотографии узнать, например, Чкалова или Туполева и что-нибудь о них рассказать.

Все с нетерпением ждали итогов конкурса: ведь в качестве первой премии была трехдневная поездка в Москву, причем на самолете «ТУ-104»! Это счастье выпало двенадцатилетнему пионеру, ученику 6-го класса Вацлаву Матейко из маленького городка недалеко от Праги — Миловице-над-Лабой. Вацлав сделался героем дня! И вот он уже в самолете «ТУ-104». Как же быстро преодолено расстояние между Прагой и Москвой! На Внуковском аэродроме Вацлава ждала теплая встреча. Вацлав передал ученице 130-й школы пионерке Тане Кожаковой цветы и значки пионеров Праги. Вместе они отправились по Москве, о которой Вацлав много слышал, в которой он так хотел побывать. Это желание сбылось!

В. КУБИК,

заместитель главного редактора журнала «Свет Совету».

На Кубок Европы

В летопись встреч двух сильнейших футбольных команд Европы — сборной СССР и сборной Венгрии — 28 сентября вписан пятый матч. В отличие от четырех предыдущих, товарищеских, это была игра на Кубок Европы.

Советские футболисты порадовали зрителей красивой, тактически зрелой игрой, особенно в первом тайме. Трижды они взламывали оборону соперников и завершали стремительные комбинации взятием ворот. Венгры сумели ответить только одним голом.

Итак, 3:1. Теперь нашим футболистам предстоит в будущем году вторая встреча со сборной командой Венгрии, уже в Будапеште. Тогда и будет решен вопрос, какая из этих двух команд получит право продолжать борьбу за Кубок Европы в следующем туре.

Прорыв А. Мамедова.

Фото А. Бочинина.

УЧЕНЫЕ ОТВЕЧАЮТ ЧИТАТЕЛЯМ

Многие читатели обращаются в редакцию с просьбой получить ответы ученых на интересующие их вопросы. Выполняя пожелания читателей, наш корреспондент беседовал с научными работниками, которые ответили на вопросы, присланные читателями.

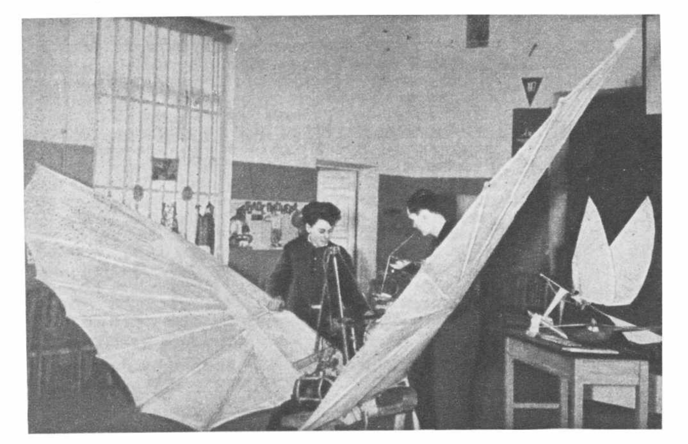
Птицелеты

«В печати появляются сообщения о том, что над разрешением задачи свободного полета людей, подобно птицам с машущими крыльями, работают энтузиасты-конструкторы нашей страны. Расскажите, пожалуйста, об их деятельности» (В. Калашников, Казань).

— Комитет машущего полета,— рассказал его председатель, старейший русский летчик-конструктор АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ШИУКОВ,— находится при ДОСААФ СССР. Он объединяет летчиков, орнитологов, авиаконструкторов, молодых авиаспортсменов, авиационных рабочих и учащуюся молодежь. Организуются отделения Комитета на Украине, в Латвии, Литве и других республиках. С появлением легких и необычайно прочных новых материалов становится, как никогда, возможным создать весьма экономичные летательные аппараты, действующие, подобно птицам с машущими крыльями. Такие аппараты были бы вполне пригодны не только для массового спорта, но и для преодоления различных преград, для повседневного передвижения людей.

Многие конструкторы теперь стремятся построить орнитоптер, или, проще говоря, птицелет, приводимый в движение маломощным мотором, то есть что-то вроде воздушного мотоцикла. Другие же пытаются сконструировать аппарат, на котором можно летать с помощью мускульной силы человека. Интересные модели птицелета и воздушного велосипеда создал моряк А. И. Иванюта из Риги. Успешно работает над новой конструкцией птицелета бывший летчик, ныне преподаватель уроков труда в школе № 1 города Бабушкина, Московской области, Д. В. Ильин. В Одессе проводит испытания своей модели птицелета Г. С. Сирман. Из многих мест нашей страны и из братских демократических стран идут в Комитет машущего полета запросы, где приобрести литературу, схемы, чертежи, провести испытания моделей, получить отзывы о них.

К работе в Комитете пора привлечь и крупных ученых. В свое время раскрытием тайн птичьего крыла и конструированием птицелетов занимались такие виднейшие ученые, как профессор Н. Е. Жуковский, академик В. П. Ветчинкин и многие другие патриоты нашей страны.

Сборка моторного птицелета конструкции Д. В. Ильина в школе № 1 города Бабушкина.

Кровожадный морж

«Дорогая редакция! Три дня назад около нашей полярной станции на острове Голомянный (Северная Земля) появился громадный морж. Охотники на шлюпке подобрались к моржу. Он производил впечатление спящего, но вдруг, когда шлюпка была в двух метрах от моржа, на поверхности воды показалась туша морского зайца (лахтака). Вес зайца достигает 250—300 килограммов, сам морж весил приблизительно около двух тысяч килограммов. Оказалось, что морж держит передними ластами эту тушу и с удовольствием ест мясо лахтака, разрывая его своими клыками. На приближение шлюпки он не обратил никакого внимания. После выстрела морж несколько раз пытался выбраться на плавающий лед. Коллектив полярной станции просит объяснить необычный случай. По поручению коллектива начальник полярной станции А. Брешин».

Любопытство полярников удовлетворяет старший научный сотрудник Института морфологии животных имени А. Н. Северцова АН СССР доктор биологических наук **Сергей Евгеньевич Клейненберг:**

— Обычно моржи питаются донными беспозвоночными организмами, например, моллюсками и ракообразными. Мощными клыками они разрывают грунт и выбирают добычу, причем щетинистые усы (вибриссы) служат им как орган осязания.

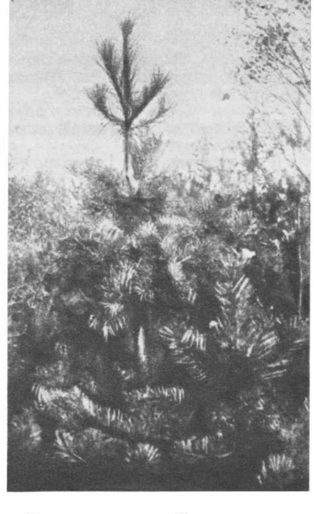
Однако среди моржей встречаются нередко и такие, которые нападают на крупных морских животных, например, на лахтака. Известны также случаи, когда моржи поедали морских птиц.

КЕДРОСОСНЫ

«Если ехать автобусом из города Каунаса в город Нестеров, то с правой стороны шоссе можно заметить необычное дерево, похожее на тополь. Как вы видите на снимке, на этом дереве растет молодая березка. Как это получилось?» (И. Кондакова, село Чернышевское, Калининградская область).

На это письмо отвечает действительный член ВАСХНИЛ **Александр Сергеевич Яблоков:**

Кедр, привитый на сосне.

— Приведенный читательницей «Огонька» пример говорит о том, что в природе бывают изредка случаи, когда попавшее в дупло семя начинает там прорастать при наличии органических веществ и влаги. В конце концов может получиться так, что на дереве одной породы вырастет неожиданный сосед.

Иное дело — практика пытливых людей. Под Москвой, в Ивантеевском селекционном питомнике Всесоюзного научно - исследовательского института лесоводства и механизации, несколько лет успешно проводятся опыты прививки корейского и сибирского кедров на обыкновенной сосне. Прививка производилась всходами, однолетними сеянцами и черенками плодоносящих кедров. Можно надеяться, что в недалеком будущем у нас появятся замечательные гибриды — кедрососны, которые будут давать, как и кедры, орехи. А от сосны они воспримут ее быстрый рост и неприхотливость к почве и климату.

Грецкий орех в Москве

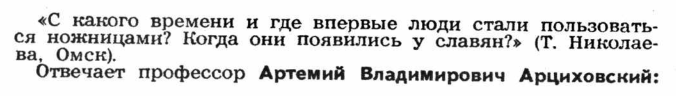
«Известно, что грецкие орехи очень питательны и вкусны и что древесина грецкого ореха необычайно красива и ценна. Хотелось бы мне знать, какими еще полезными свойствами обладает это дерево и как далеко к северу продвинулась граница культивирования грецкого ореха в нашей стране» (И. Анисимов, Тула).

Отвечает научный сотрудник Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина кандидат сельскохозяйственных наук **Тофик Мусаевич Мамедов:**

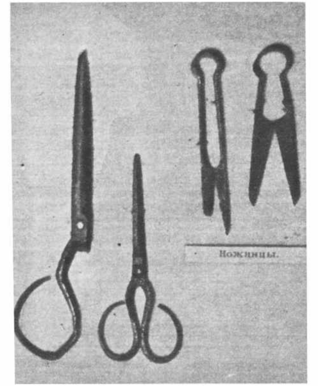
— Грецкие орехи вкусны. В них содержатся витамины В и С, каротин. Масло из орехов употребляется в пищу, идет на приготовление масляных красок, лаковых чернил. Цветы грецкого ореха медоносны. В коре, листьях и ореховой скорлупе много дубильных веществ, используемых для выделки кож. Из корней, коры и листьев добывают очень приятную темную и светло-бурую краску для шерсти. В листьях содержатся ядовитые для насекомых вещества — инсектисиды. Листья и корки плодов идут на изготовление лекарств.

За последние годы садоводы-мичуринцы стремятся продвинуть далеко на север границу произрастания грецкого ореха. Обычно он растет не дальше Ростовской области, юга Украины, Молдавии. Но садовод-опытник Александр Макарович Ткач сумел вырастить в Москве, во дворе дома, в котором он живет, семьсот деревьев грецкого ореха. Их возраст — пять лет, высота — от полутора до двух с половиной метров. Эти растения хорошо переносят московскую зиму и почти не обмерзают.

Всесоюзная Академия сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина заинтересовалась достижением опытника.

Когда появились ножницы

Древние шарнирные и пластинчатые ножницы, найденные при раскопках в Новгороде.

«С какого времени и где впервые люди стали пользоваться ножницами? Когда они появились у славян?» (Т. Николаева, Омск).

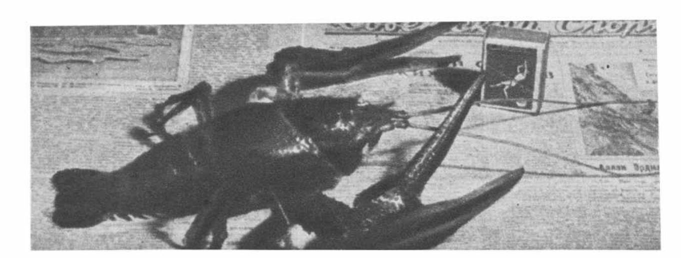
Отвечает профессор **Артемий Владимирович Арциховский:**

— Ножницы изобретены около 300 года до нашей эры. Они появились тогда одновременно в Италии и Галлии. Неизвестно, какая из этих стран является родиной их, но до того времени подобного орудия не было еще нигде. Древние ножницы не похожи на современные: у них два клинка соединены не гвоздем посредине, а кривой гибкой пластинкой, что не совсем удобно. Инструмент делался целиком из железа.

В арабском халифате ножницы приобрели свою современную форму: два конца, два кольца, посредине гвоздик. Такие ножницы найдены в Иране в погребении, датируемом примерно 800 годом нашей эры.

В нашей стране ножницы древнего типа встречаются при раскопках часто. Самые древние у нас ножницы современной формы найдены в кургане X века под Смоленском. В Западной Европе ножницы того же времени обнаружены в погребениях в Англии, Франции, Швеции.

Рак-великан

«В одном из калининградских городских озер мне удалось выловить крупного рака. Длина его от основания усов и до конца хвоста — четверть метра. Как называется рак-великан?» (И. Диденко, Калининград).

Отвечает заведующий отделом беспозвоночных зоологического музея Московского университета профессор **Евгений Владимирович Боруцкий:**

— Товарищ Диденко поймал широкопалого рака. Водится он в пресных водах. Это действительно очень крупный экземпляр, который стоило бы поместить даже в зоологический музей.

ЯБЛОНЯ ЦВЕТЕТ ОСЕНЬЮ

«В саду машиниста паровозного депо станции Минск Василия Андреевича Молчана в августе неожиданно зацвела, словно весной, яблоня сорта «белый налив». И вот теперь на ней плоды и в изобилии цветы» (Ф. Вертинский, колхоз «Перемога», Руденского района, Минской области).

С вопросом, почему происходит цветение осенью, обратились также читатели С. Дарашкевичус из города Укмерге (Литовская ССР), Ф. Волков из Таганрога и другие. Им отвечает профессор Московской сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева доктор сельскохозяйственных наук **Венедикт Андреевич Колесников:**

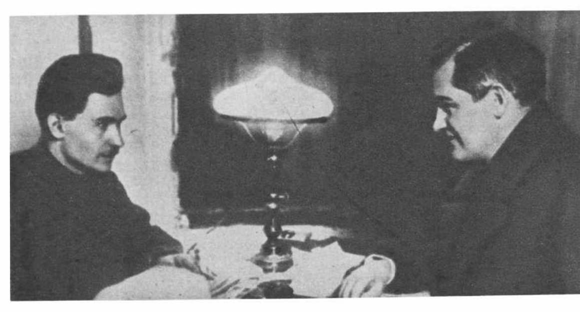
— На яблонях, грушах и других плодовых деревьях в некоторые годы бывает сильное цветение осенью.

Известно, что образование цветков для урожая следующего года начинается с июня — июля и к зиме они почти полностью заканчивают свое развитие. Так и происходит обычно этот процесс. Но если в конце лета или в начале осени случается засуха, то цветочные почки заканчивают свое развитие скорее. Если же вслед за этим (примерно в июле — августе) наступает теплая погода с дождями, то она вызывает преждевременное цветение. Могут завязаться плоды, создавая иллюзию второго урожая. В конечном итоге первые же заморозки уничтожают недоразвившиеся плоды.

Чтобы избежать такого урона в саду, необходимо проводить поливы деревьев (или рыхление почвы и уничтожение сорняков) весной и летом. Это удлинит срок роста побегов и несколько отодвинет формирование и развитие цветочных почек. В этом случае плодовые деревья не подвергнутся ненужному осеннему цветению.

АЛЬБЕРТУ РИСУ ВИЛЬЯМСУ—75 ЛЕТ

Альберт Рис Вильямс в редакции журнала «Огонек» в 1926 году. С ним беседует работавший тогда ответственным секретарем редакции Л. С. Рябинин.

28 сентября 1958 года советский народ отметил 75-летие со дня рождения крупного американского писателя, большого и верного друга нашей страны, Альберта Риса Вильямса. В 1917—1918 годах он был свидетелем и участником многих событий. Вместе со своим близким другом Джоном Ридом он исколесил нашу страну в дни революции и затем неоднократно снова приезжал к советским людям, чтобы рассказать потом у себя на родине об их кипучей жизни. В своих замечательных книгах он пишет о Великой Октябрьской социалистической революции, о своих неоднократных и незабываемых встречах с великим Лениным, о героическом труде и мужественной борьбе советского народа, построившего новое, социалистическое общество, отстаивающего дело мира и независимость народов всех стран.

П. ЧУМАК

ДОМ Караджале

И. Л. Караджале.

Каждому, кто хотя бы на день — два останавливается в столице Румынии, бухарестцы обязательно зададут вопрос: «А вы были в Национальном театре?»

С Национальным театром связаны начало и главные страницы истории румынского театра. За его создание вели долгую борьбу прогрессивные деятели румынской культуры XIX века, стремясь сделать театр трибуной национальных и социальных идей. На его подмостках проходило становление румынской драматургии, здесь ставились пьесы классиков национальной литературы: В. Александри, Б. Хыждеу, Б. Делавранча.

Свой театр румыны с гордостью называют «домом Караджале». Здесь впервые увидели свет рампы бессмертные комедии Караджале, здесь они продолжают свою сценическую жизнь. Славным актерам и режиссерам Национального театра М. Милло, М. Паскали, Ш. Юлиану, Аристине Романеску, К. Ноттару, П. Густи и многим другим обязана своим созданием Национальная школа сценического мастерства, в которой воспитывались целые поколения актеров-реалистов.

Когда Румыния стала страной народной демократии, была сразу же поставлена задача — собрать именно здесь, в Национальном театре, лучшие художественные силы страны, создать условия для полного его расцвета, развивать далее национальное сценическое искусство. Старейший театр страны становился воспитателем зрителя, художественным пропагандистом новых идей — идей социализма и мира.

Ныне с искусством лучшего драматического коллектива Румынии знакомятся советские зрители.

К нам приехали выдающиеся мастера румынской сцены. Гастролям предшествовала огромная подготовительная работа. Один из ведущих актеров театра, заслуженный артист РНР Р. Белиган, говорил перед этой поездкой: «Артисты театра готовятся сдавать экзамен на художественную зрелость перед зрителями, перед работниками искусства страны, где самый лучший театр в мире».

Пять спектаклей, привезенных в Советский Союз, принадлежат к основному репертуару театра. Три из них — образцы комедийной классики: «Потерянное письмо» Караджале, «Ревизор» Гоголя, «Самодуры» Гольдони.

Имя Караджале присвоено театру не случайно: его драматургическое мастерство, умение строить сюжет, вести диалог, его образный язык ставят произведения Караджале в ряд лучших образцов мировой классической драматургии. «Ничто так не ранит негодяев, как смех», — говорил автор «Потерянного письма». И в его комедиях исключительно ярко показано разложение буржуазно-помещичьего строя в современной драматургу Румынии, разоблачена фальшивая буржуазная мораль. «Потерянное письмо» — наиболее острое и зрелое из драматургических произведений Караджале. Москвичи видели эту комедию в постановке Театра сатиры.

Первая постановка гоголевского «Ревизора» в Национальном театре относится еще к 1874 году. С тех пор многие выдающиеся румынские режиссеры и актеры обращались к этой бессмертной комедии, создавая яркие, правдивые спектакли. Готовя нынешнюю постановку «Ревизора», режиссура и исполнители главных ролей глубоко изучали опыт работы московского Малого театра. Очень помогло также знакомство с одноименным советским фильмом-спектаклем.

Иного плана два других спектакля наших гостей. Пьеса «Безымянная звезда» М. Себастьяна с успехом идет на сцене МХАТа и других театров Советского Союза. Полная тонкого, сдержанного юмора, она верно передает характерную для недавнего прошлого атмосферу румынской провинциальной жизни. Идейность содержания, сценичность пьес Себастьяна обеспечили им прочное место в репертуаре многих театров.

Современная румынская драматургия представлена в гастрольной программе пьесой А. Баранги и Н. Морару «Черные годы». В основе ее сюжета — одна из страниц подпольной борьбы румынских коммунистов в тяжелые годы реакции. Мужеству и стойкости румынских коммунистов, их глубокой вере в торжество дела, за которое они отдают свои жизни, посвящена эта пьеса.

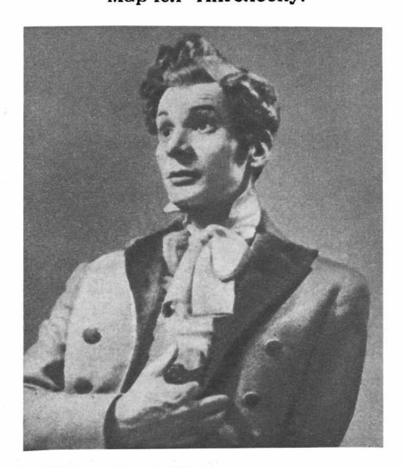
Поставил все пять гастрольных спектаклей главный режиссер Национального театра заслуженный деятель искусств РНР Сика Александреску. Старшее поколение актеров представлено во время гастролей народными артистами Г. Калборяну, К. Антониу, А. Бузеску, И. Финтештяну, Г. Василиу-Бирлик. С ними вместе приехали заслуженные артисты А. Джугару, М. Ангелеску, Р. Белиган, Э. Годяну, И. Ракицяну, Е. Попович и другие. Каждый из них выступает во время гастролей в четырех — пяти ролях — крупных, и небольших или даже совсем маленьких, эпизодических,— обнаруживая всюду высокое искусство перевоплощения.

— Хотя наши народы говорят на разных языках, мы хорошо понимаем и поймем друг друга,— сказал при первой своей встрече с советскими зрителями в городе Запорожье драматург Аурел Баранга, один из руководителей Театра имени Караджале. Его ожидание оправдалось: тысячи новых друзей приобрели караджалевцы на Украине, новые десятки тысяч друзей ждут их в Москве, а затем и в Кишиневе.

Н. РОВНАЯ

«Потерянное письмо». Гица Пристанда — заслуженный артист Марчел Ангелеску.

«Ревизор». Хлестаков — заслуженный артист Раду Белиган.

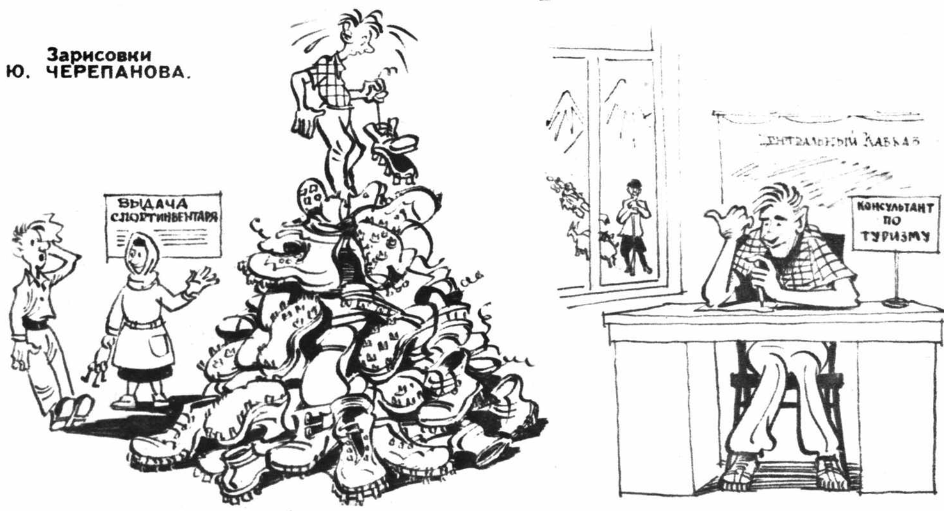
«Ревизор». Городничий — заслуженный артист Ал. Джугару.

«Безымянная звезда». Сцена из 1-го действия спектакля.

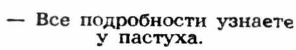

КАРАНДАШОМ *карика*ТУРИСТА

Зарисовки
Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

Первая гора, которую приходится преодолевать.

— Все подробности узнаете у пастуха.

Вынужденный привал.

Побудка.

ПОЧЕМУ НИЖНИЙ ТАГИЛ НЕ БЫЛ ГОРОДОМ!

В краеведческом музее Нижнего Тагила есть интересные документы, объясняющие, почему заводской поселок долго не мог называться городом, хотя имел на это все права.

«Нижне-Тагильск, — писал Д. И. Менделеев, — целый город с 32 тысячами жителей, с широкими улицами, с монументами на площади... Не сделан он городом по той причине, что состоит в посессионном владении рода Демидовых».

Жители Нижнего Тагила долго и тщетно хлопотали о переименовании поселка в город. Дело тянулось двадцать лет и было прекращено стараниями П. П. Демидова, который считал это «мерою преждевременною и обременительною». Он боялся, что «с учреждением города права заводовладельца на селение будут совершенно ограничены и самое общество до того резко отдалится, что влияние на него будет устранено».

Нижний Тагил стал городом только при Советской власти.

Н. РОЗИНА

Катамараны

Теплая, как в ванне, вода Индийского океана простиралась перед нами. Мы стояли на берегу южной оконечности Цейлона, в Галле, старинном живописном городке, через который когда-то прибывали на Цейлон все те, кто затем превращал его в свою колонию: и португальцы, и голландцы, и англичане.

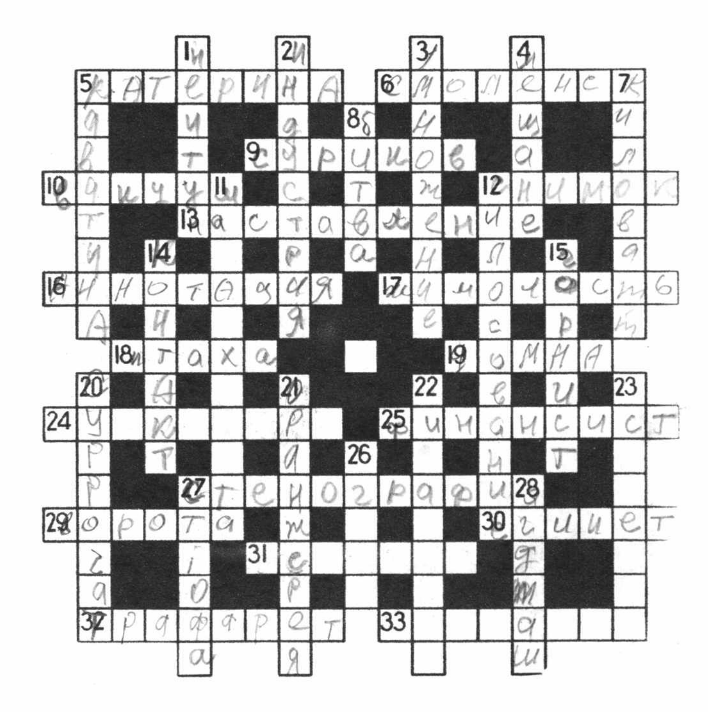
Вдали появились стройные белые стрельчатые паруса. Рыбаки возвращались домой с уловом. Чем ближе подходили к нам лодки, тем больше мы удивлялись. Это не были наши обычные парусники. Чрезвычайно узкие, высокие, выдолбленные из цельных стволов деревьев, они прочными перекладинами соединялись с отесанными массивными бревнами, плывущими рядом. Такие лодки называются на Цейлоне катамаранами. Бревна служат противовесами, придающими лодкам устойчивость на воде. Это особенно важно в непогоду: катамараны могут уходить далеко в океан.

Рыбаки выгрузили из лодок и поволокли по песку больших рыбин. Перекупщики, приехавшие на велосипедах, уже ждали на берегу. Они торговались, укладывали рыбу в ящики, прикрепленные к велосипедам, и везли товар на рынок.

Н. СУШКИНА,
доктор биологических наук профессор МГУ.
Фото автора.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Картина Т. Г. Шевченко. 6. Старинный русский город. 9. Художник-передвижник. 10. Разреженное состояние газа. 12. Фотография. 13. Нравоучение, указание. 16. Краткое изложение содержания книги, статьи. 17. Декоративный кустарник. 18. Персонаж романа Н. Островского «Рожденные бурей». 19. Шахтная печь. 24. Глубоководная впадина Тихого океана. 25. Роман Т. Драйзера. 27. Способ записи речи. 29. Въезд во двор. 30. Древняя страна. 31. Ученическая принадлежность. 32. Шаблон. 33. Общность точек зрения.

По вертикали:

1. Планета. 2. Промышленность. 3. Арифметическое действие. 4. Пьеса М. Горького. 5. Сольный номер в опере. 7. Единица мощности. 8. Сражение. 11. Древнеиндийская эпическая поэма. 12. Процесс заготовки кормов. 14. Соприкосновение электрических проводников. 15. Военный музыкант. 20. Неполноценный заменитель продукта. 21. Теплица. 22. Английский писатель XVIII века. 23. Переезд на новое местожительство. 26. Рассказ А. П. Чехова. 27. Созвучное окончание стихотворных строк. 28. Охотничья сумка.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 40

По горизонтали:

3. Ломоносов. 7. Термоглубомер. 10. Копир. 12. Памир. 14. Домра. 15. Тибр. 16. Опак. 17. Турку. 18. Кечуа. 19. Нонет. 20. Тома. 22. Кекс. 24. Рыжик. 25. Дрофа. 26. «Идиот». 29. Полупроводник. 30. Картофель.

По вертикали:

1. Корма. 2. Порог. 4. Нельма. 5. «Зенит». 6. Леток. 8. Поддубный. 9. Профессор. 11. Рисунок. 12. Приклад. 13. Ромашка. 14. «Дачники». 20. Тифон. 21. Золото. 23. Сдвиг. 27. Лукач. 28. Удаль.

На вкладках этого номера четыре страницы репродукций картин Д. Веласкеса «Завтрак», Б. Мурильо «Мальчик с собакой», А. Гольбейна «Портрет молодого человека», Л. Ленена «Семейство молочницы» и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, И. А. УРАЗОВ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление И. Уразова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

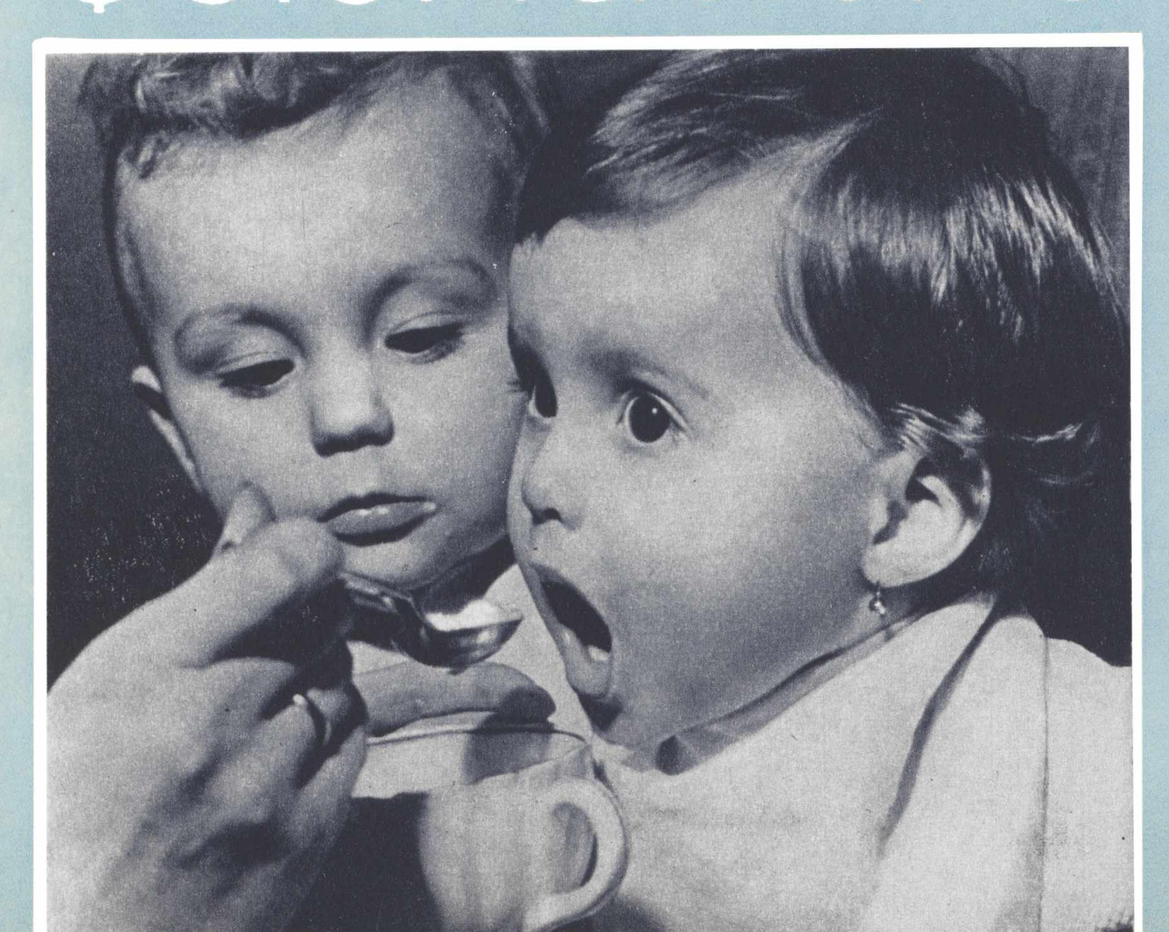
А 08314. Подписано к печати 2/X 1958 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Тираж 1 420 000. Изд. № 1065. Заказ № 2109.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Эрнё Вадаш. ГОРОД МЕТАЛЛА.

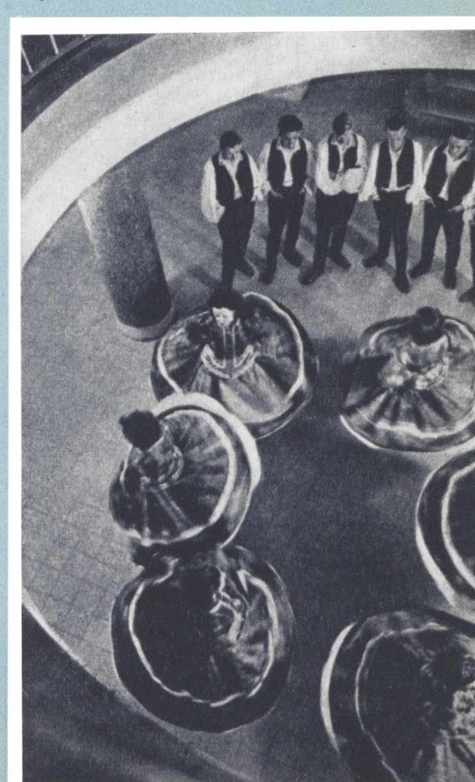
Венгерские фотомастера

Эти снимки были показаны на выставке работ семидесяти лучших фотомастеров Венгерской Народной Республики, состоявшейся в Москве, в Парке культуры и отдыха «Сокольники».

Ференц Бартал. ПТЕНЦЫ.

Эрнё Вадаш. НАРОДНЫЙ ТАНЕЦ.

Цена номера 3 руб.